

Геннадий Михасенко

Милый Эп

*Галя Юхно, Боря Дмитриев,
Гена Афонин и Вадик Денисов –
это вам, в память нашей юности.
Автор.*

Глава первая

Светлана Петровна вызвала меня неожиданно. А я был не из тех, кого по английскому языку можно вызывать неожиданно. По математике, физике или химии – пожалуйста, но по английскому – ни в коем случае. Железная тройка, полученная на прошлой неделе, вроде бы обеспечивала мне полмесячную передышку, и вот тебе!..

Я хотел было отказатьться сразу, но Август Шулин, мой сосед, испуганно вытолкнул меня из-за стола, и я, как порядочный пошел к доске, кивками прося подсказывать. И сразу кто-то зашипел, рупором прижав ладони ко рту или в свернутую трубкой тетрадку, кто-то беззвучно корчил рожи, надеясь, что я все прочту по губам. Вовка Еловый живо зашевелил пальцами, но пальцами хорошо изображать римские цифры, а не латинские буквы. Васька Забровский, как наш комсорг, что-то быстро чиркнул на бумажке и свесил ее вниз, сбоку стола, но я ничего не рассмотрел. Только Мишка Зеф действовал открыто. Развалясь на задней парте, он выдавал по буквам: эс, эйч, и... Я нащупал в кармане пиджака свой давний талисманчик – бочонок от лото с номером 81, – прислушивался, но... русский-то шепот попробуй разбери от доски, а тут – английский. Дважды ляпнув невпопад, я поморщился, закусил губу и смолк. Я сдался. Но класс держался до последнего патрона: шипел, булькал и хрюпал, как радиоприемник на коротких волнах.

Светлана Петровна терпела, терпела, потом устало вздохнула и сказала по-русски:

– Ну, хватит. Бесполезны ваши старания. Кажется, дня три не открывали учебника, так ведь, Эпов?

– Нет, два дня! – ответил я по-английски (Эти-то слова я знал хорошо!), не уходя от доски лишь потому, что надеялся на прощение.

– Ну два, какая разница... Это мелочная честность, Эпов. Так что я вынуждена поставить вам двойку.

– Спасибо! – сказал я, кивнул Светлане Петровне, ее оранжевому платью, рыжеватой прическе, округлому животу – всему сразу и отправился на место, перехватив удивленный взгляд учительницы: до сих пор я за двойки не благодарил. Но тут во мне что-то дернулось, сработало какое-то реле. Двойка? Очень хорошо! Прекрасно!

Класс ожила.

– Светлана Петровна, задайте ему еще вопросик!

– Ну, Светла-ана Петровна!

– Эп все знает, только он рассеянный.

– Его надо в темноте спрашивать.

– Да он с Чарли Чаплиным переписывается!

Я обычно поддерживал эти веселые атаки, когда кто-нибудь горел, но сейчас мне все было безразлично. Не садясь, я сунул учебник с тетрадкой в папку, «задернул» молнию и двинулся к выходу, легко и свободно.

– Эп, стой! – выкрикнул Шулин.

За спиной была тишина.

У дверей я обернулся и, глянув прямо во все еще удивленные глаза Светланы Петровны, затененные рыжими клубами прически, любезно проговорил:

– Гуд-байте! – и, уже выходя и при этом кого-то толкнув дверью, добавил сквозь зубы: – Спинста! – что означало «старая дева», так мы прозвали Светлану Петровну.

В коридоре никого не было, кроме незнакомой девчонки, которая держалась за дверную

ручку, желая, видно, заглянуть в наш класс. В ярко-красных брюках, в синей куртке и с вязаной красной шапочкой под мышкой, вся в блестках свежерастаявших снежинок, она недобро глянула на меня. Уловив в ней какое-то сходство со Светланой Петровной, я ей брякнул:

- Гуд бай!
- Бай-бай! – не моргнув глазом, ответила она.
- И я пошел прочь.

Я не хотел обижать Светлану Петровну, хоть и был на нее зол. Не знаю, чья умная голова изобрела это нелепое прозвище «спинста», совсем не подходившее нашей молодой, замужней и даже уже беременной учительнице, но было в нем что-то холодное и пронзительное, как моя неприязнь к этому чужому языку, поэтому я с удовольствием ввернул его. Что за дикость – вызывать человека, зная наверняка, что он не готов! Это же педагогическое хулиганство! Охота за черепами! И не много надо ума, чтобы даже отpetого отличника застать врасплох. По-моему, талант преподавателя обратно пропорционален количеству поставленных им двоек!.. Эта вдруг найденная точная психологическая формула, как-то мгновенно принизившая всех учителей, обрадовала меня, и я чуть не засвистел, чувствуя, как лицо мое победоносно сияет. Но когда я спустился в вестибюль, тетя Поля, дежурная, спросила:

- Плакал, что ли?
- Кто – я?.. С чего бы!

– Да уж не знаю, чего вы срываетесь посреди уроков вот с такими глазами! – Она показала кулак, вздохнула и отвернулась, точно не желая иметь со мной никакого дела, но тут же встрепенулась опять. – Кого требуют-то?

Маленькая и пухлая, она сидела на стуле у двери в раздевалку и не выдавала пальто без того, чтобы не разузнать, что случилось. Тетя Поля расспрашивала даже тех, кто являлся с бумажкой от учителя.

Я не был опытным в этих делах, но желание исчезнуть, испариться из школы так вдохновило меня, что я глазом не моргнув выпалил:

- Отца.
- Значит, отец у вас голова, – сказала тетя Поля и без дальнейших вопросов пропустила меня, рассуждая сама с собой: – Это хорошо, что отец, – рука крепше. И выдрать и приласкать – все крепше. А что она, мать-то, кроме как пилить. Уж по себе знаю. Вон какие, а я все пилию... Плюнул, поди, в кого? – спросила она, когда я вынырнул из-под перекладины, застегивая плащ.
- Нет.
- Бесстыдник. Отцам делать нечего, только с вами нянчиться! Резинкой стрелял?
- И это нет, тетя Поля.
- Бесстыдник!.. Чего же ты вытворил?

Мне вдруг захотелось признаться, что ничегошеньки я не вытворил, что это со мной вытворили, но, увидев озабоченную физиономию тети Поли, коротко сказал:

- Обозвал учительницу.
- Всплеснув руками, тетя Поля охнула:
- Сбесился ты, что ли!.. Да кто же это учителей обзывают, головушка твоя задубенная?
- Ведь учитель для вас – все, непутевые вы черти!
- Гуд-байте, тетя Поля!
- Веди, веди отца! Веди, бесстыдник! Фамилия-то как?
- Эпов.
- Чей?

Но я, мимоходом глянув в большое вестибюльное зеркало на свою долговязую, нескладную фигуру в берете, уже выскошил на крыльца. Хлопок двери отрезал меня сразу и от ворчаний тети Поли, и от сонливой духоты, и от всех-всех невзгод школьной жизни.

А на дворе что делалось! Ходуном ходила густая снежная мишура. Она шаталась, скручивалась, дергалась, то с шуршанием захлестывая ступеньки, то сползая с них. А шел уже май. В тени палисадников, домов и под пластами мусора дотаивали последние островки сугробов.

У крыльца, полузаштрихованной метелью, звонко постреливал мотоцикл. За рулем, подгазовывая, сидел Толик-Ява, из девятого «Б», в красном шлеме и в очках, ждал кого-то. Странно, идут занятия, друзья в классе, а он раскатывает, да еще возле школы. Получил права – так гоняй на пустыре, если радость распирает, а хамить-то зачем?.. Хотя и я не лучше!

Я нырнул в снеговорот и захлебнулся. Хорошо! Очень кстати эта заваруха длянейтрализации моего кислого настроения, а что оно кислое, коню понятно, как говорит Шулин.

«Все! – зло думал я, спотыкаясь о желваки застывшей грязи и дробя каблуками лед пустых луж. – Решено! Сегодня объяснюсь с родичами! Хватит морочить людям голову!»

Еще в конце седьмого класса на меня стала накатываться какая-то необъяснимая тоска. Нет-нет да и накатится, прямо на уроке. Упливают куда-то учебники, лица друзей, доска, растворяются и замирают звуки – я вроде слепну и глухну.

Летом мы с отцом пересекли на машине Западную Сибирь и объездили все русские старинные города: Владимир, Сузdalь, Переславль-Залесский, Ростов Великий – волшебные места; потом я поработал на детской технической станции и развеялся, забыл свои тревоги. Но едва начались занятия в школе, опять затосковал, представив, что не проболей я во втором классе целых полгода, я бы учился уже в девятом, почти в десятом, последнем! Дальше – больше. К Новому году понахватал троек и даже двоек столько, сколько не наскрести за все прежние семь лет. «Ты что, Эп, спятил?» – удивлялся комсорг Васька Забровский. «В чем дело, Аскольд?» – хмуро спрашивали дома. «Опомнись, Эпов!» – в панике восклицали учителя. На новогодние каникулы Шулин пригласил меня в свою деревню. Я поехал. Я любил деревню. Мои бабушка и дедушка по отцу жили в селе, и я класса до пятого каждое лето гостил у них, но потом как-то охладел, а тут обрадовался. Шулинская деревушка Черемшанка мне понравилась. Она стояла в лесу, и мы с Авгой стреляли зайцев прямо за огородами, а за рябчиками и глухарями бегали на лыжах к Лебяжьему болоту. Неделя промелькнула одним днем, и возвращался я в город с холодным предчувствием близкой беды. И точно. На меня сразу же навалилась хандра. Но тут я вдруг понял, в чем дело; оказывается, мне надоела школа. Надоело играть маленького, надоела суeta, классные собрания с разговорами в три короба, надоела дорога в школу, даже Август Шулин, ставший за каникулы моим первым другом, опостыливал мне в школьных стенах. Понял я это, и мигом блеснула идея: бежать, дотягивать восьмой класс и бежать без оглядки. Куда – я не знал, но идея эта так подхлестнула меня, что я, ко всеобщему удовольствию, выправил за полмесяца все отметки и на рысях понесся к финишу, лишь

по английскому продолжал болтаться между двойкой и тройкой.

И вот тебе – бах! – новая пара. Это уже попахивало двойкой за четверть, а то и за год... Но сейчас все вчерашние и завтрашние заботы утонули в одном ощущении: вырываюсь... И чем дальше отходил я от школы, тем вольнее и радостнее чувствовал себя, как будто постепенно освобождался от влияния какого-то тягостного магнитного поля. Даже снег, похожий на поток силовых линий, начал редеть и ослабевать.

Подняв куцый воротничок плаща и втянув голову в плечи, я свернулся в сквер, малолюдный и тихий. Покачивались сомкнутые в верху голые ветки, просеивался сквозь них снег и падал обессиленно и сонно. Словно убаюканный, я закрыл глаза, заранее прикинув, что шагов двадцать пять могу пройти слепо, ни с кем не столкнувшись. Раз, два, три... Услышав мое заявление, мама тотчас же с серьезной вроде бы озабоченностью полезет в свою сумку за стетоскопом, чтобы проверить мое здоровье, как всегда делала, если я хватал через край... Восемь, девять... Отец глянет тревожно, точно уловит неожиданный треск в отлаженном механизме, и в глазах его, как в осциллографах, вспыхнут проверочные огоньки... Хотя отцу сейчас не до меня: его как главного инженера замотала следственная комиссия из-за цокольных панелей новой гостиницы, в которых нашли что-то не то... Я сбился со счета и, вдруг почувствовав, что сейчас наткнусь на какое-то препятствие, открыл глаза.

Это были две девчонки. Запорошенные снегом, прижавшись головами к транзистору, они шли бок о бок, нереально симметричные, как сиамские близнецы. В транзисторе сипло и прерывисто булькала «Лайла» Тома Джонса, и девчонки легкими шлепками то и дело взбадривали приемник. «Перепаяйте контакты или приходите ко мне слушать Тома Джонса!» – сказал я мысленно, не спуская с них телепатического взгляда, но они проплыли, даже не покосившись на меня. Конечно, что им в моей тощей, длинной фигуре! Им Аполлонов подавай!

Однажды я спросил у отца, каким он рос – хилым или здоровым. Отец ответил: доходягой, у бабушки глаза не просыхали, все думала, что помрет; другие мели все подряд, только подноси, а его рвало и от лука в супе, и от сала в яичнице, и от пенки в киселе. И у меня это пройдет, уверил отец, душа вот созреет, и тело включится. Эта философия несколько утешала меня, и я даже порой представлял себя гадким утенком, который вот-вот превратится в лебедя, но всякий раз подчеркнутое безразличие ко мне девчонок мучительно задевало меня. И я тогда остро завидовал классическому торсу Мишки Зефа и его умению смело-грубо вести обходиться с девчонками. Сейчас бы он не проскользнул, как я, бледной тенью мимо этих сиамских близняшек, он бы раскинул навстречу им руки, сморозил бы какую-нибудь чушь и, глядишь, слово за слово, познакомился бы. Но я и в компаниях терялся в таких случаях, а чтобы один – простите! Гори они синим огнем, эти гордячки!

Сквер кончился, и на меня опять накинулась метель.

Глава вторая

На бетонной площадке против нашего подъезда стоял зеленый «УАЗик» – отцовский. Значит, он дома! Уйти, сбежать! Сейчас проскочу мимо и двором – на соседнюю улицу.

– Здорово, Аскольд! – приветливо крикнул дядя Гриша, папин шофер, высовываясь из кабинки.

– Здрасьте! – испугано ответил я.

– Как оно?

– Хорошо! – И свернулся к подъезду.

Все нынче против меня. Даже дядя Гриша, всякую свободную минутку глотавший журнальные детективы, тут оказался без журнала.

Слева – лестница вверх, справа – вниз, в подвал. Нырнуть, что ли, туда? Посижу полчасика, погреюсь, да помыслю заодно. Гениальные это люди, строители, – подвал изобрели! Сколько тут было устроено засад, сколько пережито и развеяно страхов, сколько раз нас тут ловили разъяренные владельцы кладовок!.. Восторгаясь подвальной темнотой, теплом и запахом прокисшей капусты, я между тем бешеными прыжками летел наверх.

Открывая дверь своим ключом, я услышал телефонный звонок и бас моего робота

Мебиуса:

– Квартира Эповых, минуточку!.. Квартира...

– Аскольд, возьми трубку! – крикнул из кухни отец. – Если меня, скажи выезжаю.

А вдруг из школы? Вдруг Светлана Петровна пожаловалась нашей классной Нине Юрьевне?.. У меня в желудке мигом образовался кусок льда. Я осторожно поднял трубку.

– Да... Да-да... Дома... Его сын... Робот... Самодельный, конечно. Нет, не очень сложно... Еще говорит, что никого нет... Да, сейчас выезжает... До свидания. – Я облегченно опустил трубку. В кухне звякнул стакан, громыхнул стул, и в прихожей потемнело – отец собой перекрыл кухонный коридорчик, через который только и пробивался в прихожую свет. Мама тоже была крупной, лишь от меня освещенность не менялась, точно я был прозрачным. Я щелкнул выключателем и сделал счастливую физиономию, как и положено пай-мальчику при виде родителей. Но родители и не глянули на меня. Они были сосредоточенно-хмуры. Отец подал маме пальто, на миг задумался и стал одеваться сам.

«Уже знает!» – опять похолодел я.

– Отца-то в тюрьму садят! – вдруг сказала мама.

– Как в тюрьму?

– А вот так! – и четырьмя скрещенными пальцами мама изобразила решетку.

– Правда, пап? – ужаснулся я.

– Правда, – ответил он, выпраштывая бороду из шарфа. – Не сию минуту, конечно, но... Дядька, с которым ты только что беседовал, это секретарь прокурора. Следствие закончилось. Получилось, что я виноват. Вот такая, брат, кирилломефодика! – Отец надел черный берет и только тут посмотрел на меня.

– Ты же говорил, что не виноват!

– И сейчас говорю. Только это надо доказать, а это не просто доказывается. Но у меня еще есть шансы, вот! – Он снял с полки толстую папку и взвесил ее на ладони.

Мать с отцом вышли.

Я замер, с болезненной тревогой прислушиваясь к затихающим на лестнице шагам, потом не раздеваясь, шмыгнул в кухню и прижался щекой к стеклу. За окном кипела метель: снежные вихри, летевшие вдоль стены вверх, сшибались с вихрями, падающими с карниза, и уносились куда-то вбок, прочь от дома... Жизнь взрослых казалась мне навсегда решенной и устроенной, с уже отгремевшими потрясениями, которые еще ждут нас, поэтому известие о тюрьме ошеломило меня... Класса до седьмого я не отделял себя от родителей, и дом наш наполнялся для меня счастьем, когда мать с отцом являлись с работы. Я летел к порогу, услыша долгожданное шебаршение ключа в замочной скважине, и если не кидался на шею, то приплясывал и скулил от восторга, как щенок, просидевший весь день взаперти. Теперь я не бросался к порогу, а просто молча радовался, что вот они возвращаются, что сейчас будем ужинать и только бы поменьше суетливо-дежурных расспросов, а о главном я сам расскажу. Лишь изредка, в особые моменты, меня пронизывала прежняя, слепая тяга к родителям, и я на час-другой становился пятиклассником, как вот сейчас...

Я задумчиво опустился на стул. Дзинькнул звонок, и в прихожей появился Авга Шулин в клетчатой кепке и в серой, похожей на телогрейку куртке, из которой давно вырос.

– Эп, ты один? – шепнул он.

– Один.

На цыпочках, чтобы меньше следить, Авга прокрался в кухню, жадно, но мельком оглядев неубранный стол и, дернув подбородком, вопросительно-тревожно уставился на меня глазами, ноздрями, ртом и ушами – всем, чем нужно. Полтора года жизни в городе ни капельки не изменили Авгу – та же кепка, та же куртка и та же простоватая физиономия. Первое время я считал Шулина старательным деревенским тузицей и даже издевательски прозвал его графом. Он не обиделся на кличку. Он вообще ни на что не обижался – удивительный человек, он все принимал с улыбкой, мол, сыпьте-сыпьте, я потом разберусь. По закону Ньютона действие равно противодействию, и на него никто не обижался, а вернее, его просто не замечали. Я лишь тогда обратил на Авгу внимание, когда он однажды на «графа» ответил мне с усмешкой: «Какой я граф – графин! Кринка!» В этом были и внезапная искренность, и смелость, и проблеск ума. Не каждый отважится дать себе такую оценку. Я стал с ним больше общаться, и

скоро мне понравились и его простоватая физиономия, и забавные словечки, и наивные мысли. А в этом году мы сели за один стол и подружились окончательно.

— Ты почему рано? — спросил я. — Или тоже?..

— Ну что ты! — возразил Шулин. — Спинста отпустила. Вызвала еще двух, начала объяснять, побледнела и — ступайте, говорит!

Меня это насторожило. Ведь ей нельзя волноваться! Я поднялся, пошупал кастрюлю и чайник и, хоть они были еще горячие, включил конфорки.

Авга продолжал смотреть на меня вопрошающе, ожидая каких-то разъяснений. Я понимал, что для него, который — тоже, кстати, удивительная штука! — трепетал перед учителями, у которого при виде директора подкашивались ноги и для которого даже наш комсорг Васька Забровский, или просто Зabor, был властью, для него мой сегодняшний фонтоказался неожиданным, потому что я не числился в анархистах.

— Шум был? — спросил я.

— Не было.

— Слава богу.

— А чего ты бзыкнул?

— Да так.

— Так не бывает. Так и чирей не садится.

— Граф, какой чирей?!

— Обыкновенный... Неужели ты из-за двойки? Из-за каждой двойки бзыкать — лучше в школу не ходить!

— А я и не пойду!

— Не пойду... Я бы тоже не ходил, да не могу — обречен учиться. Тридцать первого августа меня родили, а первого сентября уже отправили в школу.

— А я вот не пойду!

— Хм!

— Вот тебе и «хм»! — То, что я наконец выговорился, взбодрило меня. — Раздевайся! Обедать будем!.. И мой повесь. — Я кинул Авге свой плащ и стал подновлять стол.

Шулин жил у тетки с дядькой, жил впроголодь, боясь облыть их, как он сам однажды признался мне. К большим праздникам ему приходили десятирублевые переводы и посылки с салом, сушеными грибами и с лиственничной серой. Серу Авга сразу отдавал Ваське Забровскому. Васька честно делил ее и весь класс с неделю празднично работал челюстями. Дней пять после посыпки Шулин отъедался, а потом опять подтягивал ремень, хотя со стороны родственников я не разу не заметил ни косого взгляда, ни обидного намека. Скорее наоборот, они вздули бы Авгу, узнай об этом. Я не сбивал друга с его чем-то и мне привлекательного принципа, но при любой возможности подкармливал Шулина.

— Садись, — сказал я, ставя на стол дымящуюся тарелку щей с мясным айсбергом.

— А-а! — крякнул Авга, потирая ладони.

— Ешь! — Я и себе налил.

Уже сунув ложку в щи, Авга замер и опять, подняв на меня полные недоумения глаза, спросил:

— Ты это серьезно, Эп?

— Абсолютно.

— А как же все-таки школа?

— Что школа? Ты ешь давай!.. Школа как трамвай: я спрыгнул, а он дальше пошел! — бодро ответил я.

— А что делать будешь? Отцу на шею сядешь?

— Балда ты, граф! Работать буду!

— Ага, в рабочие, значит, подашься! Интересно девки пляшут! Я в интеллигенты пру, а ты наоборот, как будто я тебя выдавливаю.

— Никто меня не выдавливает, — со вздохом сказал я. — А, собственно, чем плох рабочий класс?

— Рабочий класс не плох, — отозвался Шулин. — Плохо то, что я ни черта не понимаю!.. Если бы...

Звякнул телефон. Робот Мебиус загробно откликнулся. Я ринулся в прихожую, с жаром думая, что звонит Светлана Петровна – отошла и возжелала отомстить обидчику. Но это был Мишка Зеф. Он снисходительно-весело поздравил меня с моральной победой над Спинстой и велел так держать. Я буркнул «брось ты», опустил трубку и переключил тумблер на «out».

– Забор? – спросил Авга.

– Зеф, – сказал я и передал разговор.

– Харю надо бить за такие поздравления! – зло выговорил Шулин, отодвигая пустую тарелку. – Победа!.. Ты ведь не завтра собираешься бросить школу. Восьмой-то все равно надо дотягивать, тем более что осталось с гулькин нос.

– Конечно.

– Ну и вот! Поэтому тебе надо исправлять двойку, а теперь попробуй исправь!

– Ты думаешь, она слышала, как я обозвал ее?

– Еще бы! Я вон где сижу и то слышал!

– Черт! Да еще беременна!

– Двойки ставить они не беременны! – проворчал Авга, принимаясь за чай.

Некоторое время раздавалось только наше прихлебывание. Шулин щурился от чайных паров и шевелил бровями. Я думал о том, как действительно встречу завтра Светлану Петровну. Даже если я сегодня все вызубрю, что очень сомнительно, то и это не спасет меня от стыда.

Шлепками по дну стакана Авга выгнал в рот ягоды смородинного варенья и сказал:

– И все-таки, Эп, я не пойму.

– Чего?

– Мать у тебя врач, отец инженер, вон какая шишка. Все у вас есть. Учись да поплевывай в потолок, а ты куда-то вбок, как этот... – У Шулина было универсальное сравнение «как этот», а кто – домысливай. – У меня ни фига нет, а я жму! На меня и батя с кулаком кидался, кричал, что сено косить некому, и дядька сейчас пилит, мол, куда я, бестолочь, лезу. А я лезу!.. Нет, Эп, я не хвастаю, а рассуждаю!.. Ты вот хихикаешь и называешь меня графом, а будь сейчас старое время, дореволюционное, сам графом был бы! И без хиханек! Ездил бы к нам в Черемшанку охотиться, а я бы, мужичишко, на тебя зайцев выгонял, мол, стреляйте, вашество!

Я усмехнулся:

– Пострелять я бы не против! А вот насчет моего графства ты, Авгунек, маленько загнул. Один мой дед батрачил в деревне, а второй вкалывал на каком-то паршивом заводике, так что суди, какой бы из меня граф получился!

– По дедам нечего судить. Теперь надо судить по отцам, – возразил Шулин и задумчиво повертел стакан и лизнув сладкий край, добавил: – А вообще-то сейчас и по отцам много не насудишь. Возьми вон моего!.. Только по себе!.. И у тебя, например, все данные для графа! – заключил он.

– А у тебя какие данные?

– Я пока не разобрался, но постараюсь быть и мужиком и графом.

– Ишь ты!.. Ну, во-первых, признаюсь, если уж на то пошло, я еще ничего не решил, кроме ухода из школы, раз! Во-вторых... во-вторых пропустим, а в-третьих, самое интересное, что именно таких рассуждений я и жду от родителей!

– А разве они еще не знают?

– Нет.

– А Забор?

– Причем тут Забор?.. Ты первый!

– Ах, во-он как! – воскликнул Авга. – Значит, слепой в баню торопится, а баня не топится!

– Растролю! Сегодня хотел, да не выйдет, – сказал я, вспомнив семейные неприятности.

– А что во-вторых? – спросил Шулин.

– Во-вторых, ты Спиноза!

– Кто?

– Философ!

– А что, неправильно рассуждаю? – возмутился Шулин. – Вот ты мечешься, а я жизнь свою уже до половины рассчитал! Да-да! ... Удрать из деревни – раз! Удрал. Закончить

десятилетку в городе – два! Заканчиваю! Поступить на охотоведа или на геолога – три! И поступлю – кровь из носа! Пусть тятки и дядьки с колунами бегают и шумят – я вылезу!

– Молодец!

– А чего улыбаешься?

– Да так.

Авгे нравилось говорить, что он удрал из деревни. Но ведь удрать, значит, от плохого и без оглядки, а Шулин, по-моему, спит и во сне видит свою Черемшанку. И чуть в разговоре коснешься деревни, он вздрагивает, как стрелка компаса близ магнита. Как-то мы ходили за его посылкой, так Авга раз пять подносил ее к носу и затяжно принюхивался – родные запахи. Так что едва ли это сладкое бегство.

И я спросил:

– А не зря ли ты удрал?

– Не зря. Для меня попасть в институт – это все равно что на Луну, – пояснил Шулин. – Стартовать из деревни пороху не хватит, да и притяжение там здоровое. А город вроде промежуточной станции: заправлюсь – и дальше. Вот я и заправляюсь сейчас. Нет, Эп, расчет верный!

– Ну, Циолковский!

– Только так!

– А ведь и у меня кое-какие расчеты своего будущего есть, – скромно проговорил я.

– Да уж поди! Голова-то у тебя – дай бог! – важно согласился Шулин, нажал кнопку на косяке, и за стеной, в моей комнате, зажужжал зуммер – так мама вызывала меня на кухню. – Видишь?.. Чудо-юдо, рыба-кит! А ты бзыкаешь!.. Вот это мне и непонятно. Не-ет, я не отговариваю, я так… сравниваю.

Телефон опять дзинькнул.

Мебиус ответил, что дома никого нет, а я, спохватившись, что это отец может звонить за чем-нибудь срочным и важным, выскоцил и перешелкнул тумблер на «in».

Глава третья

Васька Забровский все же позвонил, около пяти.

– Эп?.. Как дела?

– По последнему слову техники!

– То есть?

– Да вот оделся, иду к Светлане Петровне извиняться. Одобряешь, комсорг?

– А ты без одобрения иди.

– Ну и пошел.

– Ну и ступай. Помнишь, где она живет?

– Помню.

– Ну, привет.

– А чего звонил?

– Да так.

Хитер Забор! Просто так, по словам Шулина, и чирей не садится. Хотел ведь взять меня за жабры!..

Наш комсорг хорош тем, что никогда не поднимет паники, как дура Пичкова из восьмого «А». он просто появляется в нужный момент, внедряет в тебя свой магический взгляд и спрашивает, что ты теперь намерен делать. Если ты не знаешь, он советует, и безошибочно!

А действительно стоял одетый и действительно собирался идти к Светлане Петровне извиняться. Нет, не ради будущей пользы, не ради исправления двоек по английскому, на что намекал Авга, а для того, чтобы снять с нашей общей семейной души, которая вдруг попала в тиски, лишний грех и чтобы снять лишнюю тяжесть с души Светланы Петровны.

Светлана Петровна жила за парком культуры, в нескольких остановках. Если соединить ее дом, школу и мой дом, то получится равносторонний треугольник. Как это ни странно, но класса до шестого учителя казались мне почти роботами, я не видел, чтобы они ели, пили, приходили в школу, уходили из школы, они вроде были такими же школьными

принадлежностями, как доски, парты и столы. Помню, как я однажды удивился, застав в буфете жующего бутерброд физрука. Это было прямо открытие! Дальше – больше... Весной прошлого года кто-то из девчонок пустил слух, что нашу англичанку встречает после уроков у ворот симпатичный офицер. Мы возмутились и решили отпугнуть этого офицера. И вот стаей человек в пятнадцать, выждав момент, мы двинулись следом за парочкой. Мы кричали, свистели, хохотали. Мы рассчитывали, что при виде такой банды офицер бросит Светлану Петровну и удерет, но он только с улыбкой оглядывался. У деревянного двухэтажного дома за парком культуры они простились. Светлана Петровна исчезла в подъезде, офицер сделал нам ручкой и ушел. На второй день маневр повторили, но на полпути офицер выпустил локоть Светланы Петровны и стремительно направился к нам. Мы опешили, потом с криками бросились куда. На этом преследования оборвали, но на Спинсту разозлились за предательство и из протesta наполучали кучу двоек. Светлана Петровна испугалась, срочно вышла замуж за этого офицера, и мы потихоньку успокоились.

До парка культуры я доехал трамваем, а там пятиминутная ходьба, поворот и – вот он, тот двухэтажный деревянный дом, возле которого Светлана Петровна и офицер прощались. А может быть она после свадьбы перебралась куда-нибудь? Хоть бы перебралась! Или хоть бы дома никого не оказалось! Несмотря на всю решимость, с какой я шел, мне было неловко и стыдно. Впереди на снегу я заметил синий конфетный фантик и загадал, что если попаду на него ногой, нарочно не подсчитывая шагов, то все будет хорошо. И попал! Но тут же усмехнулся, разоблачив свое гадание, – ноги ведь сами подстроились. Произошла мгновенная реакция: глаза увидели, мозг рассчитал и дал команду ногам – попасть. И те попали. Человек – тот еще компьютер! И если уж гадать, то на чем-то от тебя не зависящем.

Вот номер дома поразил меня – 81, как у моего бочонка-талисмана. Это уже ничем не объяснялось! Как сказал один математик, если дважды два – пять, то существуют ведьмы. Мне стало как-то не по себе от этого внезапного совпадения, и я чуть не прошел мимо, чтобы немножко поразмыслить, но ноги сами свернули к подъезду.

Внутри было светло и жарко. Не зная квартиры, я постучал наугад, и выглянувшая старушка с сигаретой в зубах направила меня наверх, в седьмую квартиру.

Я поднялся и, на носках приблизившись к двери с полуоблупившейся цифрой семь на металлическом ромбике, припал к щели ухом. Внутри – ни звука, только отдаленная, может быть, от соседей, музыка. Неужели действительно никого? Это меня вдруг огорчило. Не отнимая уха, я позвонил и тут же отпрянул – послышались быстрые шажки и бодрый голос:

– Сейчас-сейчас!

Щелкнул запор, и я торопливо сказал:

– Здравствуйте! – и удивленно замер: передо мной стояла та самая девчонка в красных брюках, с которой я столкнулся сегодня в школе, покидая класс. – Здесь живут Снегиревы?

Девчонка, ожидавшая, казалось, увидеть кого-то другого, разочарованно ответила:

– Здесь.

– А мне бы Светлану Петровну.

– Ее нету.

– Тогда извините, – буркнул я, пяясь.

– Постой-постой! – вдруг проговорила она. – Твоя фамилия Эпов?

– Да.

– Зайди-ка на минутку!

– Но раз Светланы Петровны нету...

– Зато Валентина Петровна дома, а это почти одно и то же. Давай-давай заходи! – Девчонка шире распахнула дверь и нетерпеливо замахала рукой.

Поколебавшись и оглянувшись на лестницу, точно запоминая обратный путь на случай внезапного бегства, я вытер туфли о толстый, мягкий половик, вошел в тесный коридорчик, снял влажный берет и опять сказал:

– Здравствуйте!

– Не здоровайся, никого нет. А Валентина Петровна – это я, но со мной ты уже и прощался, если помнишь, и здоровался. – Хозяйка захлопнула дверь, прижалась к ней спиной и хмуро-зло уставилась на меня исподлобья. – Я сестра Светланы Петровны. А ты двоечник

Эпов!.. Я люблю сестру и не желаю, чтобы каждый бездельник издевался над ней, ясно? Чтобы из-за каждого лоботряса ее отвозила «Скорая помощь» в больницу, ясно?

– В больницу? – испугался я.

– А ты бы хотел сразу на кладбище? – пронзительно прищурившись, спросила она.

Я растерялся.

– Нет, но... я не двоечник.

– Ну да! Света сказала, что влепит тебе пару за четверть и не допустит до экзаменов. Ты же Эпов?

– Эпов.

– Ну и вот.

– Но у меня только по английскому двойка!

Валя презрительно усмехнулась:

– Нашел по чему двойки хватать! Добро бы по физмату, а то по английскому!

– У меня как раз наоборот, – сказал я и умолк, спохватившись, что слишком уж размямлился.

– Ну, не знаю. – Валя вздохнула. – В конце концов твои двойки меня не интересуют. Вози ты их возами! Но нечего перед Светой брындить и фокусничать!

– Поэтому-то я и пришел, – тихо сказал я.

– Как это поэтому?

– Ну, чтобы извиниться.

Валя выпрямилась, пристальное разглядывая меня, потом пожала плечами, нашарила на груди косу и, поводив ее кончиком по губам, медленно прошла за портьеру, в комнату. Я остался один в коридорчике. Где-то журчала вода и тихо играла допотопная церковная музыка, с органом.

– Тогда другое дело, – донесся Валин голос.

– А что со Светланой Петровной?

– Ничего. – Скрипнули пружины. Валя, видно, села на диван. – Честно говоря, ее не увозила «Скорая помощь», она сама ушла, и не из-за тебя вовсе, а по другой причине. Это я уж просто так. Чересчур вы все противные!

У меня отлегло от сердца, и это облегчение придало мне вдруг смелости, я спросил:

– А может, и насчет двоек просто так?

– Нет уж, Эпов, насчет двоек не так, будь уверен!.. Знаешь, как она злилась на тебя? Разорвала бы!

Я хотел ответить, что и я злился на нее, так что мы квиты, но промолчал, поняв, что это глупо. Из глубины зеркала, висевшего над стиральной машиной в углу коридорчика, смотрела на меня моя постная физиономия. Свет лампы бил в макушку, скользил по лбу, щекам и носу, оставляя в тени самое важное – глаза и рот. Я вздернул подбородок. Глаза умные, рот строгий. Откуда она взяла, что я двоечник? Вот есть у нас в классе Ваня Печкин, глянешь на него – и сразу ясно, что живет человек в щели между двойкой и тройкой, как таракан. А у меня такой вид, будто я даже все европейские языки знаю плюс китайские иероглифы. А тут, ишь, раскудахталась, жар-птица!

Из комнаты донеслось:

– А ты всегда извиняешься, когда делаешь глупости?

– Я их не делаю! – отпарировал я.

– О-о! – Пружины со звоном разжались, и голова Вали появилась между портьерами. – А Спинста – это разве не глупость?.. Бесстыжие! Прозвать молодую, красивую, замужнюю женщину старой девой! – Валя раздернула портьеры и, резко сведя их за спиной, шагнула вперед, представ передо мной по театральному ярко – в белой кофточке и красных брючках.

Я смущился и, надевая берет, сказал:

– Ну, я пошел.

– А извинение?

– Извини.

– Я тут ни при чем.

– Но вы одно и то же.

- Одно, да не совсем.
- Тогда передай.
- Нет уж, извиняйся сам.
- Тогда я позвоню.
- У нас нет телефона.

Музыка, все время сочившаяся из глубины комнаты, оборвалась, забили позывные радиостанции «Маяк», и диктор объявил, что московское время четырнадцать часов, то есть восемнадцать по-нашему.

– Ну вот, минут через пятнадцать-двадцать Света будет, – сказала Валя. – Можешь подождать.

Я не знал, что делать. Оставаться дольше не хотелось. О чем беседовать с этой бойкой куклой целых двадцать минут? Но возвращаться не хотелось и подавно... Вдруг у меня мелькнула мысль, и я спросил:

- У вас радио от сети или приемник?
- Приемник.
- Можно посмотреть?
- Конечно.

Сдернув берет, я прошел за ней. Комната выглядела пустой, хотя были тут диван, стол, стулья, сервант, книжные полки, телевизор, но все это плотно прижалось к стенам, точно в огромной центрифуге, даже ковер, которому бы лежать на полу, прилепился над диваном. Желтый, с коричневыми разводами приемник стоял на приземистой тумбочке в правом углу, у окна. Мощный, с полным набором диапазонов, он тихо светился широкой шкалой и блестел, как зубами, тесным рядом клавиш.

– Ничего машина, – сказал я, пробежав по УКВ. – Сверимся. На моих – шесть ноль-шесть.

Валя недоумевающе скосила голову, глянула на свои часики, встряхнула их, послушала и сказала:

- Стоят.
- Заведи. В семь ноль-ноль я выйду в эфир – извиняться, – сказал я и ткнул пальцем в шкалу. – Ловите меня вот тут, на этой волне.
- Как в эфир? – не поняла Валя.
- Ну как? Раз! – и вышел. Только не прозевайте, это минутное дело. Позывные – Мебиус.
- Мебиус?
- Да, Ме-би-ус. Запомнишь?
- Запомню, – протянула Валя, широко открыв свои карие, густо опущенные черными ресницами глаза.
- Ну, вот и все.
- А как это будет?
- Услышите. Значит, в семь ноль-ноль, – напомнил я, расправляя скомканный берет.

Валя опять глянула на свои часики и, неожиданно подавая мне руку, будто для поцелуя, сказала:

- Поставь, пожалуйста, по своим.
- Я было нахмурился, мол, нечего, девочка, чудить, но, поймав ее серьезно-любопытный взгляд, чем-то напомнивший взгляд Авги Шулина, вдруг взял ее холодные пальцы и, сунув берет под мышку, второй рукой сосредоточенно под крутил маленькое, тугое колесико и подвел крохотные стрелки.
- Пожалуйста.
- Спасибо.
- Ну...
- Ой, я сигнал забыла!
- Позывные. Ме-би-ус!
- Ах да, Ме-би-ус. Это рыба или созвездие?
- Это ученый.
- Ого, имечко – Мебиус!.. А ведь тебя, кажется, Аскольдом звать, да? – спросила Валя.
- Да.

– Значит, английский – это Аскольдова могила?

– Почти. – Я чуть улыбнулся этой оперной трансформации. – Но не столько моя лично, сколько братская. Кроме меня, там еще с десяток наших барахтается.

Валя усмехнулась и вышла следом за мной в коридор. У двери я обернулся. Девчонка стояла, припав к наличнику плечом, и водила кончиком косы по губам, полуоткрыто замершим в иронически-дразнящей улыбке.

– Гуд бай! – сказал я небрежно.

– Бай-бай! – тихо ответила она.

Я вышел и стал медленно спускаться, но на площадке между этажами сообразил, что могу сейчас встретить Светлану Петровну и тогда не нужно будет выходить в эфир! Двумя прыжками одолев пролет и наделав в старом доме страшный грохот, я выскоцил на улицу. Нет, я должен выйти в эфир! Должен, хотя бы для того, чтобы стереть эту ироническую улыбку.

Глава четвертая

Шел час «пик». Народ валом валил с работы. Я катился в переполненном трамвае, и в моей голове была такая же теснота от мыслей. Вдруг в середине вагона я увидел черный отцовский берет и обмер. Что, уже кончено? Уже уволили и отобрали машину? И он едет домой, как и все, в шесть? Я лихорадочно протолкался вперед и схватил было отца за локоть, но тут он обернулся на возбужденные мной сердитые окрики, и я расслабленно застыл – это был чужой, безбородый дядька. Уф! Уж лучше неизвестность, чем вот так... А хотя почему бы отцу не возвращаться домой, как и всем, около шести? Почему он приходит в восемь, девять, десять? Почему главный инженер должен работать больше и за это же потом расплачиваться? Парадокс! Горе от ума! Кто везет, того и погоняют! На маму вон тоже сколько писано жалоб! Наподцепляют всякой заразы, а врач отдувайся лечи! Да еще кричат: шарлатаны! Так и меня можно к стенке привернуть: ага, мол, двоечник, мучитель беременных женщин, как выразилась эта краснобрючная Валентина Петровна! Ох, мудрецы!..

Я вышел из трамвая.

Дом наш стоял на небольшом склоне. Цокольно-подвальные блоки с одной стороны были углублены в землю, а с другой так оголялись, будто дом приспустил трусы. Я решил поискать трещины в этих цоколях – для успокоения, что вот, мол, трещины есть, а дом стоит и ухом не ведет, чего же к отцу привязываться. Я покрутился возле подвала, но хоть бы одна трещинка, черт бы их побрал! А может, отец их и делал, эти блоки? За двадцать лет он отлил миллион таких пилюль! Десятки заводов, школ, детсадов и даже коровников построено из его железобетона, так неужели ему нельзя простить одну трещину?

Я поднялся домой.

Справа и слева из-за стен доносилось обычное послеработное оживление, а у нас была нелюдимая тишина, точно всех уже засадили в тюрьму. Автоматически переключив телефон на «in», я прошел в свою комнату и как-то наново оглядел ее. Я ее ужасно любил, свою комнату, и, пожалуй, домоседом стал лишь из-за нее. Казалось бы, ничего особенного: диван, письменный стол, кресло, стул, журнальный столик, книжные полки, а на стенах – политическая карта мира да небольшой портрет очень старого и седого Эйнштейна – вот и все. Разве что робот Мебиус и два динамика под потолком в углах намекали на что-то хитрое, а на самом деле хитрости тут были сплошь: в спинке дивана таился репродуктор, в письменном столе скрывались два магнитофона, связанные с Мебиусом, а старенькое кресло, привинченное к полу, вообще было пультом управления всей звуковой жизнью нашей квартиры, включая ванну-туалет. Даже портрет Эйнштейна был с фокусом – перевернешь его, а там Пушкин. Лишь стул да журнальный столик не поддавались никаким модификациям, потому что их таскали из комнаты в комнату.

Физикой меня увлек папа.

На подоконнике под стеклянным колпаком, как музейный экспонат, стоял маленький непутевый электромоторчик, который я сделал еще во втором классе из проволоки и жести от консервной банки, а слева от стола возвышался оберегаемый тряпкой от пыли телевизор, который я собирал из деталей сейчас. Вон я куда махнул за шесть лет – все отец! Даже портрет

Эйнштейна повесил он! Я спохватился, что не просто думаю об отце, а как бы вспоминаю, точно его уже нет с нами. Чур, чур! Все будет хорошо и с ним, и с мамой, и со мной! Уж я-то постараюсь не подкачать! И из школы уйду победителем, а не побежденным! Только бы исправить эту дурацкую двойку по английскому...

Я вспомнил Светлану Петровну, неудачный визит к ней, девчонку, которой пообещал выйти в эфир, и глянул на часы. Было без пяти семь. Может, не стоит выходить в эфир? Девчонка и без этого, понятно, все передаст сестре. Хотя тут уже дело чести! Да и та ироническая улыбочка взвыала к отмщению.

Я живо подсел к приемнику, в просторное нутро которого был вмонтирован самодельный передатчик, и азартно включил питание. Разрешения на передатчик у меня, конечно, не было, его и не выдают до шестнадцати лет, но в эфир я тайком выходил, правда, редко, чтобы не засекли, потому что дело это подсудное. В семь ноль-ноль я подсоединил микрофон и начал:

— Я Мебиус!.. Я Мебиус!.. Я Мебиус! — Выдержал паузу: — Я Мебиус! Я Мебиус!.. Светлана Петровна, извините!.. Светлана Петровна, извините!.. Светлана Петровна, извините!.. Я Мебиус!.. До свидания!.. Я Мебиус! — И выключил передатчик.

Прошло сорок пять секунд. Маловато. Может, повторить?.. Не надо. Если ловили, то услышали, а если не ловили, то хоть заповторяйся.

— Правильно, Меб? — спросил я у робота.

Мебиус улыбался, изогнув свой большущий рот полумесяцем, и преданно пялил на меня двенадцативольтные навыкате глаза. Мой робот был всего лишь фанерным ящиком с посылку величиной, которому я придал вид головы, натыкал в макушку проволочных кудрей да приделал руку. Он был почти пуст — все важные внутренности его помещались в столе. При телефонном звонке включались электромагнит и магнитофон — Мебиус приподнимал трубку и отвечал. Через двадцать секунд тепловое реле размыкало цепь, и робот замирал. На подоконнике лежала его вторая рука, которой я пока не нашел подходящей работы.

Звякнул телефон. Опередив Мебиуса и нажав ему нос-кнопку, чтобы он молчал, я ответил:

— Да.
— Квартира Эповых?
— Да-да.
— Аскольда можно?
— Слушаю.
— Аскольд? Это Валентина Петровна!.. Ну, Валя Снегирева, у которой ты только что был!..
— А-а! — почти злорадно протянул я.

— Ой, Аскольд, мы тебя поймали! Я думала, ты нарочно, а потом дай, думаю, включу. И вдруг: я Мебиус, я Мебиус! Да так ясно, что я даже на улицу выглядывала — не стоишь ли ты под окном с каким-нибудь своим аппаратом!

— Хм! А Светлана Петровна?
— Тоже слышала, улыбалась и дала твой телефон. Еще бы не улыбаться! Я бы даже нарочно согласилась, чтобы меня обидели, а потом чтобы вот так извинялись — на всю Вселенную! Или бы объяснились в любви! — тише добавила она.

— В чем?
— В любви. Что, слово незнакомое?
— Да так себе.
— Будто бы!

Тут уж иронически усмехнулся я, мол, знай наших, а то — бездельник, лоботряс! Бездельник не вознесется до жажды космической любви!.. Почувствовав, что теперь мы на равных, я уже совсем по-дружески спросил:

— А ты откуда звонишь?
— От соседей. — И видно, поняв случившуюся во мне перемену, Валя сказала: — Аскольд, раз уж извиняешься, то и ты извини меня, что я на тебя накричала. Я немного заполошная, но ведь ты заработал, признайся?
— Наверно.
— И дай слово, что Спинсты больше не будет!

– Даю. Но только за себя.

– Ничего, я и до других доберусь! Слушай, а что, английский и вправду тебе не дается?

– Черт его знает!

– Не годится. Надо что-то делать! – озабоченно проговорила она и вдруг добавила длинную английскую фразу, да так непонятно-ловко и чисто, что я растерянно промычал. – Все, Аскольд! Тут включили телевизор. Я мешаю, – прошептала Валя. – Гуд бай! В третий раз! Ну, все!

И гудочки.

Я аккуратно опустил трубку. Итак, одно дело о'кэй! Осталось утрястись отцовским неприятностям и – хэппи энд! Кое что по-английски и мы знаем! Умиротворенно потянувшись, я встал и побрел по всем комнатам, оживляя их своим присутствием и оживляясь сам: в кухне поставил греться чай, в кабинете отца открыл форточку, а в гостиной подтянул гирьку ходиков, толкнул маятник и поставил большие резные стрелки на половину восьмого. И вспомнил вдруг, что подвожу уже вторые стрелки. Те были маленькие, на маленьких часах, на маленькой, холодной руке... А ведь правда, что мы с ней за сегодня трижды прощались: в школе, у них дома и вот сейчас. Странный день и такой длинный, что я забыл, с чего он начался. Во всяком случае, утром я еще не знал о существовании какой-то Вали Снегиревой...

Садиться за сборку телевизора было уже поздновато: и ужин вот-вот и уроки. Разве что обновить запись: «Квартира Эповых, минуточку», – а то она хрюпит, как будто отвечает забулдыга, а не порядочный робот.

Я распахнул тумбочку стола. Здесь находился голосовой центр Мебиуса – два неказистых транзисторных магнитофончика. Оба были без крышек, без ручек, с треснувшими корпусами, и оба попали ко мне на запчасти. Первый случайно разбил в турпоходе мой одноклассник, а второй сознательно шмякнул об пол пьяный глава семейства с третьего этажа. Но я умудрился восстановить их, однако, кроме как для этой простой службы, они никуда не годились. На магах не было ни подающих, ни приемных кассет, а склеенная кольцом пленка натягивалась пружинными роликами. Само же кольцо было свернуто листом Мебиуса, то есть концы стыковались не прямо, как у обруча, а с поворотом на 180 градусов, так что магнитная сторона переходила в немагнитную. На такую пленку записывалось вдвое больше, чем на простое кольцо. Это я сам придумал, когда вычитал про странный лист математика Мебиуса. Не ахти какая выдумка, но...

Телефон дзинькнул.

– Эп?

– А-а, Забор! Так и знал – проверишь!

– А как же! Успешно сходил?

– Вполне.

– Робел?

– Немного.

– Здорово тебя Спинста отчитала?

– А я ее не видел.

– Привет! А перед кем же ты извинялся?

– Посредника нашел.

– Нет, Эп, так не годится!

– Посредник надежный – сестра, – успокоил я комсорга. – А кроме того, я сдублировал – вышел в эфир. И только что получил ответ: сигнал принят.

– Ох, Эп, усложняешь ты все!

– Жизнь сложна.

– Да-а... Ну, ладно!

Болел Забор за своих комсомольцев, хотя нас было всего одиннадцать в классе. Это приятно, когда кто-то за тебя болеет, – устойчивее себя чувствуешь.

У Ведьмановых, под нами, забрякало пианино. Оно брякает с тех пор, как я себя помню, – больше десяти лет. Уже третье поколение сменилось у клавиш, а пианисток Ведьмановых все нет и нет, хотя фамилия для афиши броская. Тетя Вера – машинистка у моего отца в управлении, ее дочь Нэлка, позавчерашняя десятиклассница, копирует там же чертежи, а кто

вырастет из двухлетней Анютки – бог весть, но брякала она пока с восторгом. Обычно я зверел при этих звуках и Анюткину какофонию подавлял физически, включая свои динамики на всю катушку, а когда раздавалась расхлябанная «Шотландская застольная» Бетховена – за пианино садилась Нэлка, – я подавлял ее морально, запуская «Застольную» в настоящем исполнении. Сама тетя Вера уже не трогала, кажется, инструмент – наигралась... Но тут я вдруг беззлобно усмехнулся, поняв простую вещь, что ведь люди ищут себя и тычутся туда-сюда, потому что ни у кого на лбу не написано, кем он рожден... Я вроде попал в свой диапазон, а ну через годик-два окажется, что все эти мои радиоштучки – то же бряканье и что мне, несмотря на «графские» данные, надо просто ехать в Норильск, брать в руки лом и долбить вечную мерзлоту! Сам лом меня не страшил, страшила монотонность и заземленность этой работы, а мне нужна антенница, нужно космическое ощущение жизни, как во Вале Снегиревой – космическое объяснение в любви!

Ни с того ни с сего я вдруг почувствовал, что между мной и Валей осталась какая-то недоговоренность. Но какая?.. Откуда она знает английский – коню понятно: сестра поднатаскала, как меня отец в технике. Но что же цепляет душу?.. А-а, она сказала «надо что-то делать» – вот! Это не ко мне одному призыв! И я напряженно уставился на Мебиуса.

Глава пятая

В школу мы с Авгой ходили вместе. Обычно или я замечал, как он шагает из своего Гусиного Лога, и махал ему с балкона, или он свистел с тротуара, а тут вдруг молча вырос на пороге за полчаса до срока. Наверняка ведь явился будить меня, опасаясь, как бы я не бросил-таки школу прямо с сегодняшнего дня, словно других будильников, и посеревшее, не нашлось бы! Ну, Шулин! Ну, святая простота!

- Встал? – довольный, спросил он.
- А как же!
- Это хорошо!

Папы уже не было. Я сквозь сон слышал, как ему позвонили, и он срочно уехал – опять, видно, эта комиссия.

Из кухни выглянула мама.

- А-а, Сентябрь-Октябрь!
- Здрасьте, тетя Рим!
- Здравствуй! Живо завтракать, оба!

Она быстро изжарила нам глазунью из четырех яиц, разложила по тарелочкам, налила кофе и занялась еще блинами. Есть я не хотел совершенно. Один вид этих яиц вызывал во мне тошноту, и я живо отделил Авге половину, сделав знак скорее слопать. Тут Шулин был крупным специалистом, миг – и яйцо исчезло, без пересадки улетело прямиком в желудок.

Мама кинула на блин.

- Ешьте! Ноябрь, ты чего миндальничаешь? Смотри, у Аскольда уже пусто, а у тебя?
- Да что-то настроение! – вяло сказал Авга.
- Что?
- Да муторное.
- Вот и ешь, развеется!
- Нет, тетя Рим, тут другое, – возразил Шулин, отправляя в рот второе яйцо и принимаясь сдержанно жевать его. – Со школой вот не знаю, как быть.
- То есть?
- Да похоже, надо кончать восемь и – фр-р!
- Как фр-р?! – удивилась мама. – Ты же десять хотел.
- Хотел, да осечка выходит.

Я сбоку взорвался на Шулина – что плетет этот рассчитавший свою жизнь человек?

- Дома нелады? – спросила мама.
- Да вроде лады.
- С дядькой конфликт?
- Терпимо.

– Что, тяжело стало учиться?
– Да ничего, тяну.
– Может, болен? – все тревожнее допытывалась мама.
– Исключено.
– Так в чем же дело? – вконец растерялась мама.
– Дурью мается, – заметил я.
– Почему? Нет! – спокойно сказал Шулин. – Грызет меня что-то внутри. Вроде как на работу манит.
– А как же геолог с охотоведом?
– Вырву из сердца!
– Ну, Март-Апрель, это действительно дурь! Еще наработаешься! Работать в ваши годы – это крайность, когда уж голова совсем во! – И мама постучала пальцем по столу. – Работа сейчас не тяп-ляп! А восемь классов – это же анемия! Малокровно и хило! Восьмилетка – всего лишь свечной огарок в прожекторе знаний!

Я наконец сообразил, что весь этот разговор Шулин спровоцировал ради меня, и решил молча следить, как он из него выпутается, но выпад против восьми классов задел меня, и я буркнул:

– Ну уж, огарок!

– Именно огарок! Вам его суют, чтобы вы дальше не спотыкались, а вы!.. нет-нет, Август, давай не ерунди, а закатывай выше рукава да берись крепче за ум! Жаль вот, что мать с отцом твои далековато, а то бы они тебе проветрили мозги!

Авга вдруг улыбнулся и сказал:

– Да, на это уж батя мастак, – мозги проветривать! Как услышим – с песней идет, так все к Сучковым, через огород! И сидим до утра, кукуем!

– Вот! А отчего это? От дикости и невежества!

– Коню понятно.

– Коню понятно, а ты школу бросать! Таким же извергом станешь!.. Не мотай головой, не заметишь, как скатишься! Одна рюмка, вторая и – пошел!

– Нет, тетя Рим, – уверенно заявил Шулин. – Может, курить буду, а уж пить – ни за какие деньги! Батя выпил и за меня и за моих детей, а сейчас и за внуков дует!

– Ужас! – только и сказала мама.

– Но я подумаю, тетя Рим, – пообещал Авга. – Да и Аскольд вон говорит, что я дурак.

– И правильно говорит!

– Чую. Ну, спасибо за все!

Провожая нас, мама шепнула мне, чтобы я еще потолковал с Шулиным, да покрепче, по-мальчишески. Я кисло кивнул, а выйдя из подъезда, огrel Авгу папкой по затылку. Он рассмеялся и заметил, что это всего лишь маленькая разведка боем и что теперь можно представить, какие ракеты ударят, если я поднимусь в атаку. Все это, однако, я предвидел и предвижу, и этим меня не устрашить; меня настораживал и волновал уже туман, в который я вдруг погружусь за ясным школьным порогом, так что кпд шулинской авантюры близок к нулю, а вот сам он не так, чертяка, прост.

День начинался неправдоподобно голубым и солнечным, как будто природа просила прощения у людей за вчерашнюю круговорть. Везде еще лежал снег, и все было стылым, но уже на частых сосульках шиферных крыш, как на ресницах, скапливались слезы, а с верхушек тополей, потрепыкивая по веткам, срывались подтаявшие льдинки.

Приглядываясь и прислушиваясь к весеннему утру, я, однако, больше внимал себе – во мне тоже шла какая-то весенняя реакция. Из мутной смеси вчерашних событий за ночь в сердце моем вдруг выпал пуховый осадок, и, еще не проснувшись, я радостно понял, что это связано с Валей, с тем, что живет на свете такая красивая девчонка сорвиголова, что она знает меня и что у нас с ней есть даже что-то недосказанное. Это меня особенно грело, потому что здесь теплилась возможность новой встречи, чтобы все досказать, а уж когда и где встреча – это детали. Тут еще не было никакой тайны, и, я, казалось бы, мог прямо рассказать об этом Шулину, но что-то удерживало меня от откровенности. А чувства просились наружу, не терпелось хоть полунамеком выдать их. И вот, заметив, каким пристальным взглядом Авга

проводил через дорогу толстушку с портфелем, я спросил:

- Авга, у тебя есть девчонка?
- Здесь нету, а в деревне была, – охотно ответил он, нисколько не удивившись.
- Ты же там в шестом только учился, какие тогда могли быть девчонки? – усомнился я.
- А что, есть правила, с какого класса заводить девчонок? – недовольно спросил Шулин.
- Нет, конечно, но... как-то рано.
- Это вы тут размазываете: рано, нельзя, опасно! А у нас просто! – И Авга пропел мне на ухо: – Ты почто меня ударил балалайкой по лицу? Я потом тебя ударил – познакомиться хочу!.. Любка ее звали, Игошина. Набесимся, бывало, допоздна, а потом я ее провожал, чтоб никто не напугал. Она заикалась. А этим вахлакам только и давай таких, которых бы испугать! Я их гонял, как поросят. Ничего была девка. Хотя дура, конечно, – что-то вспомнив, поправился Авга. – Как-то идем летом, темно уже, звезды, новолуние. Смотри, говорит, спутник летит. Я башку задрал, а она меня чмок в щеку, как телка!

- В шестом-то классе?
- Еще в пятом!
- Ого!
- Так я к ней с неделю не подходил!

Я вдруг увидел Валины губы, увидел, как она обмахивает их кончиком косы, и у меня разгорелись уши.

- А дальше как? – спросил я.
- Как... Отвадил, коню понятно!
- Хм!.. Ну, а тут что, не нравятся городские?
- Наоборот! – воскликнул Шулин. – Девчонки тут – будь-будь! Вон видишь, какая цаца пошла?

- Вижу.
- Не идет, а пишет!.. Но я и боюсь!
- Да ну тебя!
- Правда. Они и сами от меня шарахаются. Понимают.
- Что понимают?
- Что я им неровня.
- Балда ты, граф, осиновая с медной нашлепкой!
- Ладно, замнем для ясности.

Только сейчас я сообразил, что, открыв Шулина и подружившись с ним, я забыл про других, для которых он остался, наверное, тем же деревенским туцицей, каким был и для меня. Это непростительно!.. А вдруг и я не открыт и считаюсь простофией? А почему «вдруг» – точно! Может быть, вообще все мы кажемся марсианами, пока не откроем друг в друге людей?.. Я глянул на хмурый Авгин профиль. Лоб его, нос, губы и подбородок образовывали почти одинаковые выступы, похожие на притупленные зубья огромной циркульной пилы. Шулин был действительно сколочен грубо, и, пожалуй, не по вкусу нашим девчонкам. Ну, и плевать на них! Я им тоже не по вкусу! Не вешаться же теперь! Дело-то глубже легкомысленных девчачьих вкусов! А если глубже, то Авга во сто раз лучше того же Мишки Зефа, Аполлона Безведерного. Я так и хотел сказать Шулину, но понял, что это выйдет несолидно, к тому же Зеф, может, и ничего парень, только я его еще не открыл.

- Авга толкнул меня бедром и лукаво заметил:
- А ведь и у тебя нету девчонки, нету ведь? А почему?
 - Я пожал плечами и легко ответил:
 - Не знаю.
 - Ну вот, – обрадовался Авга. – Значит, мы два сапога пара! Только я опять не понимаю. Как это у тебя, такого городского гуся, нет девчонки?.. Да будь я на твоем месте...

Я рассмеялся.

Мы свернули в переулок, где в глубине обширного двора стояла наша кирпичная, неоштукатуренная школа. Славная старушка! Конечно, мой уход решен, но сделать это надо добро и весело, а не как вчера – с горечью и обидой.

Толпы нашего брата гудели в вестибюле, кишили в раздевалке. Я поздоровался с тетей Поля, готовый уверить ее, что все в порядке, если она поинтересуется вчерашним, но тетя Поля, видно, уже трижды забыла вчерашний день.

Всюду носилась малышня. На третьем этаже, у восьмиклассников, суеты было меньше, но шума столько же. Девчонки жались к батареям, пацаны вертелись перед ними. Зеф, пританцовывая, что-то рассказывал. Увидев меня, он крикнул:

– Эп, сюда!.. Внимание! Труднейший матч СССР – Англия выиграл нокаутом советский школьник Аскольд Эпов! – И, как боксеру на ринге, поднял мне руку.

Кто захлопал, кто захихикал, посыпались реплики:

- Бесстыжий!
- Качать Эпа!
- Гы-гы-гы!

Только тут я понял хамский смысл его репортажа и выдернул руку. Все, что медленно скапливалось в душе моей против Зефа, поднялось вдруг и замутило голову. Я как держал папку с учебниками в левой руке, так и врезал ею Мишке. Он захлопнул лицо руками, девчонки охнули, а я оглушенно двинулся в класс. Шулин в дверях одобрительно пожал мне локоть.

Дали звонок.

Народ стал рассаживаться, шушукаясь и косясь на меня. Зефа не было. Уже вошла Нина Юрьевна, математичка и наша классная, уже проверили домашнее задание... Явился Зеф посреди урока, с влажным и бледным лицом, припухшим носом, подняв воротничок пиджака и пальцами сцепив борта у горла, как будто замерз.

– Ты где был? – удивилась Нина Юрьевна.

– Кровь из носа шла, – ответил Зеф.

– Какая кровь?

– Обычная. – Мишка на миг распахнул пиджак и на белой рубашке дико полыхнуло красное пятно.

– Садись! – испуганно разрешила математичка.

Мне стало не по себе и от вида окровавленной рубахи и от того, что это сделал я. К концу урока мне передали записку от Зефа. В ней два слова: «Береги сопатку» – и кровавый оттиск – к рубашке, наверное, прикладывал. Значит, после занятий драка, там, в тупике, за левым крылом школы, где дерутся обычно и где всегда кто-нибудь стоит «на атанде». Я не представлял себя дерущимся, потому что никогда еще не дрался, а только разнимал, но, видно, так уж устроена жизнь, что рано или поздно драться надо. Правда и Зеф не слышал драчуном, но был нагл и безбожно хулиганист. Последний номер Зеф отмочил перед маев. Класс освещали четыре матовых плафона на трубчатых шлангах. Мишка связал их ниткой и в тот момент, когда вошла

наша старенькая чертежница Евгения Ивановна, потянул нитку. Плафоны враз качнулись. Евгения Ивановна охнула и качнулась тоже – ей показалось, что у нее закружилась голова и она падает. Жаловаться старушка не стала, но пол-урока поварчивала, что, мол, спасибо ее крепким нервам, а то был бы нам смех.

– Ну-ка, ну-ка, – сказал Авга, беря у меня записку. – Ага… – И, что-то написав на обороте, отправил бумажку назад.

– Не надо вмешиваться, – вяло сказал я.

– Надо! – уверил он.

На перемене я не вышел из класса. Следующим был английский, и мне хотелось посмотреть урок еще раз. Если Светлана Петровна и не вызовет, то буду хоть руку тянуть, пусть видит, что учил и что в эфире хулиганил не зря.

Но драка сбивала с толку. А тут еще подсел Забор. Его темные глаза с темными ресницами были так сильно втянуты в глазницы, что казалось, будто в голове вакуум. Эта заглубленность делала взгляд Васьки пронзительно-цепким и суровым. Такие глаза пошли бы инквизитору или гипнотизеру, но шли они и нашему комсоргу, броско выделяя его из нас.

– Значит, со Спинстой уложено, – задумчиво, как бы ставя мысленную галочку, сказал Забор.

– А не пора ли сменить прозвище? – сердито спросил я. – Это же гадко – так называть молодую женщину!

– А что, есть резон! – живо согласился комсорг. – Есть, есть! Это ты прав! Надо будет принять неофициальное решение, а то действительно смех. Это мы провернем. Слушай, Эп! – тише заговорил он, склонившись ко мне. – В субботу у Садовкиной день рождения. Вот он, списочек приглашенных. – Васька вынул из кармана бумажку. – В списочке и ты, конечно. Надо маг с плёнками подготовить, ну и, естественно, полтинник – на подарок!

– Шулин приглашен?

– Нет.

– Тогда и я пас.

– Что, за хохма? И вообще, что сегодня с тобой? Зефу по морде съездил! На меня кидаешься! Это тебе не так, то не этак! – возмутился Васька. – Именины не у меня, а у Садовкиной, и при чем тут Шулин?

– А при том, что вы его за человека не считаете! – зло выпалил я, хлопнув учебником.

– Кто не считает?

– Вы все!

– Спятил.

– Спятил?.. А у Мирошникова был день рождения, пригласил он Авгу?.. А у Ленки Гриц?.. Да и у тебя в феврале собирались, ты звал его? – припомнил я.

– Чш-ш! – с оглядкой зашипел комсорг. – Это не потому, что за человека не считаем, а просто автоматически: кто раньше был, тот и потом. Всегда так!

– Автоматически и есть бесчеловечно!

– Ну, ладно. Значит, Шулин тебе нужен?

– Мне все нужны! И я хочу, чтобы и я нужен был всем! – Неотвратимость предстоящей драки, в которой меня могут убить или покалечить, что, говорят, случается сплошь и рядом, настроили меня на какую-то болезненную откровенность, точно я оставлял устное завещание. – Класс один, а живем кучками, как сектанты!.. И не знаем, у кого что за душой!.. Обидно это, Забор!

– М-да… – задумчиво буркнул Васька, вдвое, втрой, вчетверо складывая списочек и ногтями заостряя сгибы. – М-да… Давай-ка пока с Шулиным решим, о’кэй!

Дали звонок.

Зеф вошел лениво, задерживая остальных. Наши взгляды встретились, и я не уловил ожидаемой ненависти, а лишь какое-то надменное любопытство; хотя Зеф был артистом – он мог волка и ягненка играть одновременно. Но странно, что и я уже не злился на него. Тот удар разрядил меня, как искра лейденскую банку, и не будь записки, я бы даже извинился перед Мишкой, но теперь всякое извинение превращалось в трусливый пас.

Поторапливая замешкавшихся, в класс притиснулась тучная и медлительно-строгая Анна

Михайловна, завуч, с неизменным двухцветным карандашом в руке.

— Ребята, — сказала она, перекрывая шум, — Светланы Петровны не будет. С сегодняшнего дня она вынуждена уйти в отпуск. — Какая-то дура сзади хихикнула, и Анна Михайловна постучала карандашом по столу. — Девочки, ничего тут смешного нет! Вы будущие матери и должны понимать. — Тут фыркнул кто-то из пацанов. — И для вас тут нет ничего смешного, будущие отцы!.. Нового учителя мы нашли, но предупредить не успели, поэтому в расписании небольшая перестановка. Сейчас будет черчение вместо английского, а завтра наоборот, будет английский вместо черчения. Ясно? Чш-ш, знаю, что альбомов нет — на листочках! Пожалуйста, Евгения Ивановна! — сказала завуч, увидев входящую чертежницу.

Сухонькая Евгения Ивановна, не отпуская дверной ручки, поглядела на потолок: у нее за один сеанс выработался условный рефлекс. Убедившись, что плафоны не качаются, она, с большими деревянными треугольниками, транспортиром и линейкой радостно кивая нам, живо просеменила к столу.

Глава шестая

Из школы Зеф выскочил раньше меня, чтобы, наверное, взять инициативу в свои руки, поэтому выходил я на крыльце с полной уверенностью, что он или скажет сейчас «пойдем» и кивнет влево, или трахнет чем-нибудь по голове без всяких кивков. На драку я настроился. Я рассчитал, что для начала защищусь папкой, потом ударю ногой, благо ноги у меня длинные, а потом как повезет. Но драться буду ожесточенно!..

На крыльце Зефа не оказалось. Мы с Авгой, который следовал за мной, как секундант, сбегали за левое крыло школы — не было мишки и за воротами.

— Смылся, кажись, — предположил Шулин.

— Да?

— Кажись струхнул.

— Ты думаешь?

Мне казалось, что такое серьезно-опасное дело не может кончиться ничем. Скорее всего Зеф придумал особую тактику, расхолаживающую, чтобы налететь, когда мы успокоимся, поэтому я был напряжен и сосредоточен, да и Авга тоже. Лишь после переулка, на людной улице, Шулин усмехнулся:

— Ну, точно, трухнул!

— Да? — опять спросил я, но уже с облегчением — на людях обычно не дерутся, а если и сцепимся, то народ не даст убить или покалечить. — А чего бы ему трухать?

— Не знаю. Может моей приписки. Я ведь ему написал, чтобы он напарника подыскивал: будем, мол, двое надвое драться. А он подходит на перемене и говорит: может, вообще капелла на капеллу сойдемся, так давай, говорит, зови свою Черемшанку, а я своих позову. Я говорю: давай, только я без Черемшанки обойдусь, у меня ближе есть, в Гусином Логу. Вот он, видно, и трухнул, коридорный храбрец!

— А у тебя что, правда там кто есть? — спросил я испуганно-восхищенно, потому что о пацанах из Гусиного Лога ходили жуткие слухи: будто они и раздеваются, и насилуют, и в карты людей проигрывают, то есть режут.

— По-моему, там никого и нет. Мифы Древней Греции. Уж за два-то года я бы разнюхал!

— Припугнулся, значит, Зефа?

— Да так вышло.

— Забавно... А как ты-то решил драться? — удивился я внезапной Авгиной задиристости.

— А что? Думаешь, тихий, так и драться не умею! Я, брат, залимоню — эхо пойдет. Меня батя с топором такой самбе научил, что ого-го!.. Я не потому тихий. Просто я самого города побаиваюсь. Я ведь тут вроде гостя, а в гостях знаешь как — нешибко-то... Вон бог, скажут, а вон порог, и дуй в свою берлогу. А мне пока нельзя обратно, мне сперва надо — во! — Шулин сжал кулак и вздрогнул всем своим напрягшимся телом. — А сегодня, не знаю с чего, вдруг почувствовал себя маленько дома. Да-да! Ну, и решил... Да и зефовская морда больно уж постылая, ломается, как этот!..

Я все понял и почувствовал к Авге странную нежность, какую, наверно, можно испытать

к девчонке, и в порыве чуть не сказал, что в субботу мы с ним идем к Садовкиной на день рождения, а это значит, что он уже вполне свой человек среди нас, но осекся. Во-первых, Авга еще не приглашен, а во-вторых, пусть он не догадывается о моем вмешательстве в это дело. И я лишь одобрительно потрепал Шулина за плечо.

А вокруг все сверкало, была теплынь, текли ручьи. Я радостно сдернул берет и распахнул куртку, как бы говоря всем: берите меня, я ваш!.. Перед сквером ремонтировали фонтан, по лужам на трехколесиках раскатывали малыши, а на скамейках осторожно, на газетках, посиживали улыбающиеся мамы и бабушки. Из школы и в школу шагали яркие, разноцветные девчонки, размахивая кто портфелями, кто сумками с надписью «Аэрофлот», а кто нес папки на «молниях», прижимая их к груди, как новорожденных. Я представил, как Валя спешит сейчас домой, вот так же болтая с подружками, и меня вдруг прямо кольнуло, я почувствовал, что Валя вот-вот позвонит мне, явится домой и тут же позовонит. Я подхлестнул Авгу, и мы побежали.

Мама закрывала квартиру, когда я по-собачьи стелясь над ступеньками, взлетел на пятый этаж.

- Мам, никто сейчас не звонил?
- Папа.
- Нет, мне.

– Тебе и звонил. Во-первых, после обеда придет дядя Гриша, отдашь ему чертежи, они у папы на столе. Во-вторых, обед готов, а в-третьих, ни шагу из дома, пока не выполнишь во-первых. Все понятно?

- Да. Как с папой?
- Следствие возобновили.
- Опять следствие?

– Радуйся, чудак. В нашем положении и это выигрыш. Почти из-за решетки выскочил. Ну, я пошла.

Я сначала проверил, работает ли телефон, а потом сел напротив него на пол, прямо тут же, в коридоре, привалился спиной к стене и стал ждать Валиного звонка, повернув голову к ходикам в гостиной. Я ничего не хотел делать, только ждать. Маятник качался чинно и деловито. Я подсчитал, что тридцать качаний дают минуту, и продолжил счет... На одна тысяча двести девяносто пятом колебании телефон зазвонил. Я рванулся, но онемевшие ноги подкосились, и я едва удержался за косяк.

- Квартира Эповых, минуточку! – хладнокровно отвечал Меб.
- Да-да! – прохрипел я, с трудом дотянувшись до трубки.
- Аскольд?
- Он самый.
- Это я, Валя!
- А-а, привет!
- Привет! Что там с тобой?
- Да так.
- А кто это басил, отец?
- Нет, мой робот Мебиус.
- Как робот?
- Ну так. Маленький, самодельный, на столе стоит и первым трубку хватает.
- Правда? Ой, как интересно!
- А что со Светланой Петровной? – спросил я, более или менее почувствовав под собой ноги.

– Все нормально, но в школу она больше не придет, пока не родит. Вместо нее уроки у вас будет вести Амалия Викторовна, наша англичанка из седьмой школы. И знаешь, что я тебе звоню? Твои пары можно теперь легко исправить!.. Но мне неловко объяснять все по телефону. Надо встретиться.

- Давай! – выпалил я. – А когда?
- Когда хочешь.
- Брякнул дверной звонок.
- Минутку, Валя!

На ватных ногах, пронизанных колючими мурашками, я неуверенно подковылял к двери и открыл ее. Это был дядя Гриша, низенький, как карлик, но цилиндрически круглый.

— Здорово, Аскольд! — сказал он, улыбаясь. — Как оно? Где-то тут твоего бати чертежи. Ты в курсе?

— В курсе, дядя Гриша! — Я принес два большущих альбома. — Вот... Вы сейчас куда?

— На комбинат.

— Не прихватите меня?

— Валай. Я внизу обожду.

Дядя Гриша вышел, а я припал к трубке.

— Слушай, Валя, сколько на твоих?

— М-м, два семнадцать.

— Выходи ровно в два тридцать! — приказал я. — Все поймешь! Живо одевайся! Пока!

Когда вырулили на проспект, я спросил:

— Дядя Гриша, можно маленький крюк?

— Куда?

— Влево.

Машина с прискоком пересекнула трамвайную линию, пронеслась мимо парка и тормознула против Валиного дома. Я только хотел попросить дядю Гришу подождать минуту-две, как Валя появилась на крыльце, в красных сапожках, красной шапочке и в сиреневом плаще. С птичьей быстротой глянув туда-сюда, она ловко перебежала по кирпичам лужу у подъезда, и тут я, выскочив из кабины, крикнул:

— Мы здесь!

— Ой! — пискнула она.

Радостным жестом, смущенно улыбаясь, я предложил ей одноместное сиденье в кабине, отделенное от шоферского теплым бугром мотора, нескладно подсадил, а сам запрыгнул в будочку, которая соединялась с кабиной окошком без стекла. «УАЗик» круто развернулся, и нас тут как не бывало.

Валя обернулась ко мне, сияя.

— Вы меня прямо как похитили!

— Джигиты!

— А куда мы?

— В глушь, в Саратов, — ответил я.

— Как здорово!

«УАЗики» безносы, вроде гоголевского Ковалева, сразу за стеклом обрыв, и дорога так рвется под ноги, что аж пяткам озноно. Не едешь, а летишь! Дядя Гриша, низкорослость которого скрадывалась за рулем, играючи вел машину своими короткорычажными сильными руками, только успевай приоравливаться к поворотам. Меня, правда, не швыряло, потому что во мне почти не было массы, один дух, а дух, по Ньютону, не обладал инерцией. У Вали инерция была, но она чутко реагировала на повороты, лишь изредка и слегка придерживаясь за скобу. Мы попали в волну светофорных зеленых огней и неслись по городу без остановок. Вырвались на мост. Река нынче вскрылась первого мая, словно вместе с народом решила продемонстрировать свою весеннюю радость и силу, но ледоход у нас кончался быстро: день-два — и чисто, потому что выше, километрах в тридцати, стояла плотина. И лишь редкие льдины проплывали сейчас, но вода поднялась и затопила всю левобережную низину, с ее домиками, огородами и озерками.

В будочеке было свое окошко, но я тянулся вперед и смотрел мимо Валиной головы.

В три ноль-ноль мы остановились у железобетонной арки, за которой, возвышаясь друг над другом и загораживая друг друга, громоздились серые заводские корпуса. Из диспетчерской вынырнул отец, очевидно, уже поджидавший машину, и помог Вале сойти. Я не рассчитывал на эту встречу и, выпрыгнув из будочки, растерянно улыбнулся и сказал:

— Пап, это Валя! А это мой папа, Алексей Владимирович, главный инженер всего вот этого!

— Очень приятно! — сказала Валя.

— Мне тоже, — ответил удивленный отец. — А я подумал, что это случайная попутчица дяди

Гриши или курьер. – Мы рассмеялись. – Уж не ко мне ли, друзья?

– Нет, пап, мы так.

– Ну, то-то.

– Вас куда подкинуть?

– Никуда. Обратно мы пешком.

– Правильно! Чертежи тут? Ага, вот они! Ну что ж, гуляйте! – Он кивнул нам, втиснулся в кабину, сразу посмурев, и «УАЗик» умчался опять, видно, в прокуратуру.

Валя с живым прищуром огляделась: с одной стороны длинный решетчатый забор, с другой лес.

– И правда, глушь. А теперь куда?

– Еще глуше.

И через дорогу мы двинулись в лес, куда увиливалась тропа, ведущая к невидимой городской окраине.

Шоссе шло туда далеким огибом, потому что прямо лежала глубокая лощина. Лес этот, зажатый между городом и промплощадкой, был еще нормальным: выселись тут зелено-золотистые, здоровые сосны, густыми островками рос кустарник, тянуло смолистым сквознячком и насыщивали пичужки, но хворь уже привили ему: справа и слева серели в молодняке ноздреватые вороха отходов, лепешки застывшего раствора, бракованные балки и покореженные плиты – словно какие-то внеземные обжоры бесстыдно швыряли сюда внеземных объектов. Даже последние нищие сугробики-льдишки, которые песчаный грунт жадно досасывал под кустами, казались бетонными ошметками. Сквозь одно, метрового диаметра кольцо с голыми ребрами арматуры, проросла сосенка. Лет через тридцать, если свалка не задушит лес и город не поползет в эту сторону, народ подивится на окольцованные сосны.

Мы были одни.

Я думал, наша прогулка будет простой и веселой, как телефонный разговор, но уединение вдруг сковало меня. Я уже не скрывал от себя, как вчера, что влюбился в Валю и что ради нее выходил в эфир, но боялся этой влюбленности, потому что уже дважды она заканчивалась плачевно – девчонки отшатывались от меня, едва я делал намек. И понятно! Разве можно ответить взаимностью такой образине? Поэтому я решил раз и навсегда: ну их к лешему, этих девчонок! И вдруг опять!.. Теперь я знал, что надо таиться, чтобы дольше продлилась эта невесомость. И я таился, стискивая в кармане бочонок 81. Во мне билось ликование, но я подавлял его. Мне бы говорить и говорить с Валей, но я молчал; мне бы кувыркаться и плясать вокруг нее, но я спокойно брел рядом; мне бы смеяться, но я почти хмурился; мне бы не сводить с нее глаз, но я покосился на нее лишь украдкой, как на электросварку.

– Аскольд, ты уже был здесь? – спросила Валя.

– Был. Вон там маслята собирали.

- С кем?
- Как с кем? Один.
- А почему ты покраснел?
- Потому что вопрос странный.
- Сам ты странный.

Она отбежала в сторону, набрала сосновых шишек и стала кидать в меня. Пятерка, я ловил их и складывал в карман. На просеке, под тяжело прогнутыми проводами ЛЭП, мы сблизились, и я сказал, таинственно подняв палец:

- Послушай-ка!

Валя запрокинула голову и замерла. Щека ее была в десяти сантиметрах от моих губ. Я вспомнил, что почти вот так же, обманув Шулина, шустрая Любка Игошина нанесла ему оскорбительный поцелуй, и смущился.

- Шуршит, – сказала Валя.
- Ток, – шепнул я.
- Да?
- Еще минут пять, и у нас волосы выпадут.
- Почему?
- Излучение.
- Мама! – воскликнула Валя, кидаясь вон с просеки.

Я догнал ее и усмехнулся:

- Трусиха!
- Ага, трусиха! Хочешь, чтобы я облысела? Вам что, хоть лысые, хоть бородатые, а нам?.. Представь-ка меня лысую! Фу, лучше не представляй!

Некоторое время мы опять шли молча, потом я сказал, вспомнив, как считал колебания маятника:

- А у вас было шесть уроков?
- Откуда узнал?
- Вычислил.
- Ух ты! а какой был последний?
- Английский, – брякнул я наугад.

– Вот и нет! Вот и нет! – Валя захлопала в ладоши, но тут же остановилась. – Ой, Аскольд, мы же про двойки твои забыли! Слушай, у нашей Амалии Викторовны есть одна странность – ставить уличные отметки. Встретит на улице, покалывает по-английски, конечно, а потом смотришь – в журнале пятак. Мы с ней соседи, так у меня сплошь уличные отметки. Я и девчонок выручаю, кто посмелей. Если хочешь, рискнем. Правда, подучить кое что придется: всякие там фразы, диалоги, шутки. Но это пустяк! Я тебя в два счета научу! Хочешь?

- Подведу я тебя, – ответил я сдержанно, хотя у самого сердце запрыгало от радости.
- Если я возьмусь, не подведешь!
- Ну берись! – с улыбкой разрешил я.
- Все! С завтрашнего же дня!

Позади затрещал мотоцикл. Валя ойкнула и спряталась за меня. Донельзя грязный «ИЖ» обогнал нас, нырнул в лощину, но вскоре вылетел обратно: не проехал, видно. Спустившись, и мы убедились, что дно балки непролазно. Метров на десять растеклись желтые глинистые наносы, из которых там и тут торчали раскрошенные бульдозерами плахи, бревна и выступы железобетонных плит. Мы взяли правее и наткнулись на вывороченную с корнем сосну, под углом упавшую через топь. Придерживаясь за ветки, я пробрался к вершине, но до сухого оставалось еще два-три метра.

- Придется поработать, – сказал я.
- Давай.
- Это я себе говорю.
- Как тебе, а я?
- А ты пожнешь плоды.
- Нет уж, Аскольд.
- Да уж, Валя! Черная, мужская работа! А у тебя и так вон сапожки затуманились, –

сказал я, скидывая куртку. – Лучше погуляй, подыши.

– А ты без меня не уйдешь?

– Уйду!

– Смотри!

И она медленно двинулась наискосок вверх, а я энергично засновал вдоль трясины, собирая коряжки и таская их по сосне в кесиль-месиль. Отсыревшая кора скользила под ногами, трижды я срывался, роняя ношу, начерпал ботинками жижи и вообще забрызгался как черт на этой трехметровой гати. Но тропу настелил и опробовал – держала хорошо. Отмыв туфли снеговой водой из приямка, я свистнул Вале и задрал голову к вершинам сосен, которые неподвижно отогревались в солнечном воздухе. Я вдруг ощутил, что мы с лесом в одном состоянии – впитываем весенние соки жизни.

Валя выцарапалась из кустов, натужно волоча за ржавый корень здоровый кусок обгорелого пня.

– Вот! – сказала она, переводя дух.

– Ого! Молодец! – похвалил я, прикидывая, не сковырнет ли меня с сосны этот уже вовсе не нужный пенечек, но операция прошла благополучно, и обломок, устало брызнув, грузно чавкнул в грязь рядом с тропкой. – Ура-а!

– Ура-а! – подхватила Валя.

Мы перебрались и счастливо, точно форсировали Днепр, глянули сначала на оставленный берег, потом друг на друга: мол, каковы! Валя усмехнулась, вынула беленький платочек, послюнила уголок и, вдруг за шею наклонив меня к себе, стала протирать мой лоб. Я прямо задохнулся от этого внезапного жеста и сурово сощурился, будто недовольный, а сам таял от ее прикосновений. Знал бы, вывозил все лицо! От моего дыхания колыхались выбившиеся из-под шапочки ее золотистые пряди, и мне хотелось подоткнуть их...

– Теперь ол-райт! – сказала Валя.

– Сенкью! – сказал я ей по-английски.

– Не за что! – ответила она и другим углом платка обмахнула свои щеки.

А наверху уже кончался лес и начинался город.

Глава седьмая

Весь путь мы протопали пешком.

У парка Валя убежала, не дав себя проводить, но, и оставшись один, я не сел в трамвай, точно это было изменой, так и доплелся до дома своим ходом.

Шел уже седьмой час.

Приняв теплый душ, я в одних плавках бухнулся на прохладный диван, закрыл глаза и... взлетел. Я стрижком унесся за город, к железобетонной арке, и увидел, как из подкатившей машины выходят мальчик с девочкой и углубляются в лес. Она удивительно красива, а он так себе, на тройку с минусом, почти двоечник по красоте, но это, кажется, не беспокоит ее, наоборот, она улыбается ему, кидает в него шишки, вытирает платком его запачканный лоб. Он влюблен в нее, а она?.. Чем он привлекает ее?.. А может, и не привлекает вовсе. Может быть, это просто так, и завтра он поймет это. Она позвонит и скажет: все, мальчик, больше я с тобой не играю... Хотя нет, вот они на завтра назначают новую встречу, правда, деловую, но встречу. Девочка опирается на его плечо и что-то вытряхивает из сапожка. Ах, какая девочка! Какая милая девочка! Даже мое стрижиное сердце трепещет! Я взмываю ввысь так, что те двое сливаются в одно. Или они взялись за руки? Я низвергаюсь и просвистываю между ними – нет, за руки они не взялись... Я прервал этот волшебный полет и открыл глаза от ощущения какой-то тревоги. И вдруг с болью догадался, что этого путешествия с Валей могло бы и не быть! Ведь разгорись наша с Зефом драка, и все, сидел бы я дома, отмачивал синяки, вправлял суставы или вообще почивал бы в морге. Ужас как тесно соседствуют добро и зло! Научиться бы так управлять своей жизнью, чтобы все в ней было хорошо! Но управясь я вчера по-хорошему, не уди с уроков, не обидь Светлану Петровну – я бы не встретил Валю. Все сложно и перепутано! Но как там ни мудри, а уж от явных глупостей надо откращиваться! Например, от внешней вражды с Зефом. Внутренне расходимся, и хватит. Иногда сам с собой

расходишься, так не лупить же себя!

Я встал, подумал, как начать разговор, и набрал номер. Зеф отозвался мигом.

— А-а, ты-ы! — протянул он.

— Слушай, Зеф, ты чего сбежал?

— Откуда?

— Откуда! Затеял драку, а сам утек!

— Может, я по расписанию дерусь! — заиграл Зеф. — Может у меня очередь на драку! Или ты спешишь?

— Я не спешу! Я предлагаю мир.

— Мир! — удивился и даже несколько растерялся Мишка. — Так мы же еще не воевали.

— Вот и не надо, а то будет поздно.

— Ха! — воскликнул Мишка. — Я ему — шуточки, а он мне — по сопатке, и квиты?

Математик нашелся!

— Ты мне этой шуточкой в душу плюнул! А мне, может, легче по морде получить, чем в душу!

— Шустряк! — вяло крякнул Мишка. — А может, сначала только перемирие для раздумий, а?

— Ну, перемирие.

— Ладно, Эп, я тоже не любитель мордобоя. С тебя за это две задачки по физике.

— Я еще не решил.

— Решай и звони.

— О'кэй!

— Да, Забор тебя что-то разыскивал, — вспомнил Зеф. — Дважды был у меня, звонил тебе, но... Сердитый. По-моему, чехвостить собирается.

У Забровских телефона не было. Звонить же он любил, звонил много и все из автоматов и всегда ходил, бренъкая запасом двушек в кармане.

Позвонит еще, если крайне нужно!

А с Зефом — блеск! Нет у меня больше врагов! И нет огорчений! Правда, с отцом!.. Но и это утрясется. Раз он уверен, что не виноват, значит, утрясется. Разговор о школе отложу до экзаменов, там найду что сказать!

Мебиус угодливо, как бравый солдат Швейк, улыбался мне. Славный он тип, мой робот, бесстолковый, ничегошеньки, кроме телефонных звонков, не чувствует. Не чувствует, например, что за его спиной на подоконнике, разъершив чешуйки, лежат одиннадцать сосновых шишек, которыми Валя кидала в меня. Одиннадцать, как комсомольцев в нашем классе. Если каждому дать по шишке, будет одиннадцать счастливых комсомольцев!

Еще одно заветное число!

Я любил числа, и они сами роем слетались ко мне, как рифмы к Пушкину. Числа — это целый народец, со своими порядками и законами, со своим равенством и неравенством. Семьями и по одиночке, сходясь и расходясь, живут они то в скобках, то под корнями, то на мансардах числителей, то в подвалах знаменателей. Их возводят в степени и сокращают. И говорят они на своем языке. Но главное, что ни число, то личность, с характером! Есть среди них заносчивые гордецы, как Мишка Зеф, которые делятся только на себя и которых зря называют простыми, а есть настоящие простаки, вроде Авги Шулина, которых дели как хочешь и на что хочешь, есть таинственно-бесконечное числи «пи», напоминающее Ваську Забровского, и есть подозрительные, словно шпионы, мнимые числа. Даже и внешне числа похожи на людей. Номер моего бочонка от лото 81 — это выпитый портрет бабушки и дедушки из деревни... Я нашел бочонок еще в детсаду, когда и цифр-то не знал. Но две эти загибулинки так очаровали меня, что я вечером исписал ими полтетрадки, к удивлению и радости родителей, которые тут же показали мне и остальные цифры. Я часами колдовал над ними и, когда явился в школу, оказался почти профессором для первоклассника... Прошло столько времени, а бочонок я так и ношу с собой, хотя мне, дураку, уже вот-вот шестнадцать. От того раннего детства у меня ничего не осталось: ни дырявого сандалика, ни сломанной игрушки, ни растрепанной книжки, ни даже друга. Как это ни странно, но в нашем подъезде, пятиэтажном и двадцатиквартирном, не было моих сверстников, точно соседи договорились не рожать целую

пятилетку. На три года старше и младше – пожалуйста, а ровни – хоть умри! Ну, какие же мне, например, друзья Нэлка Ведьманова, брякавшая на пианино, или Юрка, отец которого треснул о пол магнитофон? У Нэлки уже ребенок, а Юрка все еще мастерит луки да пулит чижика! Правда, были ребята из других подъездов, но это совсем не то! Туда не побежишь зимним вечером в тапочках и в майке, чтобы поделиться внезапной новостью, как побежал бы к близкому и теплому другу! Вот и остался я один, со своим маленьким деревянным талисманчиком...

Зеф ждал задачи.

Задачи были, конечно, легкими. Зефу просто лень думать. Я решил их и позвонил.

– Готово. Тебе одни ответы?

– Давай все!

Я продиктовал, и Мишка довольно заключил:

– Ну вот, быстро, дешево, красиво!

– Так мир или перемирие?

– За две-то задачи?

– Ну, делец!

– Еще какой! – польщенно согласился Зеф. – Кому это ты там музыку крутишь, девчонкам?

– Тебе бы все девочки!

Более серьезно выяснить отношения с Зефом не стоило: его близким другом я не хотел быть, а для закрепления перемирия хватит пустячной болтовни.

Вскоре позвонил Забор.

– Эп? Наконец-то! – радостно воскликнул он. – Я уже все девушки извел! Где тебя носило?

– Шишки собирал.

– Какие шишки?

– Сосновые.

– Зачем?

– Жизнь украшать.

– А «Скорую помощь» тебе не вызвать?

Я коротко рассмеялся и вздохнул:

– Вася, есть очень актуальный весенний призыв: каждому комсомольцу – по шишке!

– А комсоргу – две, для симметрии: на лоб и на затылок, – добавил Забор. – Так оно и будет, без призыва. Слушай, Эп, а вот что ты со мной сделал? Ведь до сих пор я думал, что я сносный комсорг – признаюсь без ложной скромности, – а ты меня двумя фразами уничтожил! Прямо сдул с должности, как пушинку! – И Васька дунул в трубку.

– Ты спятил! – сказал я.

– Забыл уже?.. А кто мне на перемене сказал, что наш класс – это кучка сектантов, которые неизвестно чем дышат? – напомнил Забор угрожающе, мол, как же ты, комсомолец, посмел обвинить в сектантстве целый класс.

– Да это я так, – смущаясь я.

– Не так, мой милый Эп, а прав ты! – выпалил он. – Я прикинул: семь компаниек выходит, которые вне школы не общаются, а в школе так себе. Чем не сектанты?.. Это я упустил, проборолся с вашими кулаками и двойками!

– Неужели семья? – удивился я.

– Даже восемь – Ваня Печкин собственной персоной!.. а кто чем дышит – вообще туман.

– Да-а!.. И что теперь?

– Понятно что, гнать меня из комсоргов! За ротозейство и мелочность! – категорически заявил Забор, и я мысленно увидел, как блеснул его жуткий гипнотический взгляд. – Гнать с треском! И комсоргом ставить тебя!

– Да знаешь ли ты, что Забор – лучший комсорг на земном шаре? – закричал я, ощущая мороз по телу. – Ты же золото у нас, если без ложной скромности! И мы тебя не променяем ни на каких Эпов! Так что не бзыбай, как говорит Шулин!.. Ну, упустил кое-что! Откуда же все знать? Думаешь, я знал да помалкивал? Ни фига подобного! Просто душа вдруг вспыхнула – и увидел глубже. А так откуда знать? Только ощупью. И не беда, что упустил, наверстаешь!

Считай, что я тебя критикнул, и наверстывай! В жизни еще не то бывает! У отца вон гостиница трещит, и не критикой там пахнет, а тюрьмой. Так он что, бзыкает, думаешь? Он работает как вол. И все будет о'кэй! Так что, Василий, не хандри! – закончил я, понимая, что не сказал бы всего этого в лицо Забровскому, сконфузился бы, а тут перед телефоном расцицеронился.

– М-да, – вздохнул комсорг.

– Лето подскажет.

– Нет-нет, нельзя так разбредаться! Стадом уйдем, стадом приDEM. Надо что-то сделать! – опять оживился Васька. – Осталось полмесяца. Мало, но успеть надо, иначе нам грош цена!.. Вот я весь день и думал и тебя искал, чтобы вместе поломать голову. Смысл такой: сплотиться и узнать друг друга – это твоя программа. Прекрасная программа, но время... Не мог ты пораньше вспыхнуть! Вот что, прикачу-ка я сейчас к вам, посидим мы вечерок и помаракуем. Одна голова хорошо, а две, сам знаешь... Может, и тетя Римма с дядей Лешей помогут. Они у тебя, по-моему, самые толковые из наших предков.

– Не знаю.

– Кстати, по физике сделал?

– Сделал.

– Сдую заодно. Что-то сегодня неохота уроками заниматься. Погулять бы! Пособирать шишки! Как ты там сказал: каждому комсомольцу – по шишке? Ничего!.. Ну ладно, Эп, иду!

Глава восьмая

Явился Забровский в девятом часу, мы поджидали отца к позднему, как всегда, ужину. На ходу скинув туфли, Васька влетел в мою комнату и, опервшись на журнальный столик, прошептал мне в лицо, как будто крича:

– Анкета!.. Понимаешь, Эп, ан-ке-та!.. это же так просто: вопрос – и ответ! – Васька выпрямился и, горя заглубленными глазами и резко жестикулируя, заметался по комнате, а я молча наблюдал за ним в предчувствии близкого чуда. – Весь день бился, и вот только что вдруг осенило! Помнишь, в марте десятиклассники проводили анкету? А мы чем хуже? Вот, например, вопрос: «Любишь ли ты Моцарта?» И Ваня Печкин отвечает «да», и пожалуйста – одна клеточка души ясна! А если Ваня Печкин не слыхивал о Моцарте, он ответит «нет» – и тоже ясно!

– Ваня Печкин наотвечает тебе! Так наотвечает, что с него хоть икону пиши!

– То есть наврет?

– Еще как! – заверил я. – Да и ты наврешь. Кому охота дураком выглядеть?

– М-да... Ну, я-то не навру, а запятая тут, пожалуй, есть – согласился Зabor. – А если анонимно?

– Тогда Ваня Печкин растворится, – сказал я, задумываясь, – что-то запульсировало в моем уме. – Слушай, Вась, а если так: пусть анкета будет анонимной и пусть нас как будто интересует не лично Ваня Печкин, а класс в целом?

– В целом?

– Да. Дух класса, понимаешь?

– Правильно, Эп! Для начала – именно дух! А потом из этого общего духа мы выудим и душу Вани Печкина! Тыфу, тыфу, бедняга, попался на язык!.. А вопросов хоть двадцать ставь! Или сорок, сколько надо! Как на рентгене просветим! Ну, Эп, решено?

– Давай!

– Уф, гора с плеч! Давай разобью что-нибудь! – Васька азартно-весело потер ладони и прыгнул на диван. – Ну что, набросаем несколько вопросиков?

– Народ сам подскажет.

– Народ подскажет, если подсказать народу. А так будут киснуть. Я уж опытный! – убежденно заявил он. – Хоть с десяток, для затравки!.. На вот листочек, где у меня сектантны, пиши на обороте! – И он опять зашагал. – Ну, первый вопрос, само собой: не собираешься ли ты бросать школу?

Я вздрогнул.

– Почему само собой?

– Потому что восьмой класс – это форточка в жизнь. Еще не окно, но уже форточка, понимаешь? – пояснил комсорг. – И кое кто спит и видит, как он выпархивает из этой форточки. Тот же Ваня Печкин. И нам это важно знать.

Поразительное совпадение мыслей у мамы и Забровского: свечной огарок и форточка, но возражать Ваське я не рискнул – этот проницательный черт меня живо раскусит, если уже не раскусил, и начнутся преждевременные осложнения.

– Написал?.. Дальше поехали.

Мы перевалили за десяток, когда пришел наконец пapa и над моей дверью гуднул зуммер – нас приглашали ужинать. Васька сказал, что сыт, но чайку попьет с радостью.

Людей поражала у нас кухня. В углах слева и справа от окна стояли вечные противники: электропечь и холодильник. Рядом с холодильником, торцом к стене, – наш трапезный столик, рассчитанный на троих, от силы – на четверых. От печи к раковине простерся стол-шкаф, над ним – два яруса полок с посудой, под нижней – рейка с крючками, на которых висело десятка три инструментов и приборов. Все было белым и блестело: холодильник, печь, раковина, пластик, kleenka, инструменты, посуда – эмаль и никель. Чугунное и цветное всегда пряталось, и на виду оставалась лишь белизна. Отец оборудовал кухню под операционную, чтобы маме в ней было привычней. И правда она любила «оперировать». Ей в белом переднике и белой косынке не хватало только маски. Заходишь на кухню и не знаешь, будут кормить тебя или резать.

– Привет, комсорг! – сказал пapa.

– Здрасьте! – ответил Зabor.

Я глянул на отца, ожидая дуэли с его взглядом: он меня спросит, что, мол, это за девочка, с которой ты раскатываешь в моей машине, а я хитро улыбнусь и спрошу, как, мол, идут твои дела с прокурором, – но на папином лице была только усталость, прямо стекавшая, казалось, с бороды.

Потеснившись, мы расселись, и пapa спросил:

– Как там наш Эп?

– Мог бы лучше, – ответил Зabor, быстро освоившись. – Все мы могли бы лучше!.. Дядя Леша, тетя Римма, а хотите знать всю правду о своем сыне?

– Еще бы! – сказал отец.

– А обо мне?

– И о тебе.

– А об Августе Шулине? О Мишке Зефе?.. Хотите знать правду о пятнадцатилетних вообще?

Родители переглянулись, и мама ответила:

– Конечно, хотим!

– Мы тоже! – заявил Васька. – И вот-вот узнаем! Мы тут с Аскольдом кое-что завариваем. – Он вынул листочек, пояснил суть затеи и прочитал некоторые вопросы.

– Толково, – одобрил отец.

– Мы еще всем классом покорим! Шире возьмем и глубже, чтобы вдоль, поперек, по диагонали и сквозь! – разошелся Зabor. – А вы не подкинете нам чего-нибудь? Вам с колокольни взрослых и бородатых видней.

– Виден масштаб, Вася, а детали уже слились, – с легким сожалением протянул пapa и вздохнул. – Слились детальки-то! А вы жрецы деталей!

– Жрите-ка, жрецы! – сказала мама.

– Тетя Римма, мне только чаю.

– А мне всего! – потребовал я, не евши целый день, и жадно набросился на кашу.

– Курево с питьем отметьте, – сказал пapa.

– Уже отметили.

– А половые вопросы? – спросила мама.

– В каком смысле? – не понял Зabor.

– Тут много смыслов. Например, есть ли друг или подруга? Какой пол выше: мужской или женский?

– А надо ли? – нахмурился пapa.

— Пятнадцать лет! Через три года — женихи. А от этих вопросов зависит будущая семейная жизнь! — жестко проговорила мама.

Даже для врача она была слишком бесцеремонна. Однажды при гостях мама спросила, почему я плохо ем и какой у меня утром был стул. Я побаивался ее в компании.

Подумав, Забор сказал:

— Надо! — И что-то чиркнул на листочке. — Надо!

После некоторого молчания отец, покончив с кашей и заметно приободрившись, спросил:

— А хотите знать, что мы о вас думаем?

— Ну-ка! — насторожился Васька.

— Не ну-ка, а давайте вторую анкету, родительскую.

— Давайте.

— И тоже анонимную.

— Давайте, давайте! — мигом разгорячился Васька.

— А не боитесь? Мы вас так раздраконим, что ай да ну! — пригрозил отец. — Зато будет полная картина. А по анкетам устроить форум отцов и детей.

Забор отставил чай и воскликнул:

— Это же идея!

— Дарю! — сказал папа.

— Хватаю!.. А кто анкету составит? — спохватился Васька, нетерпеливо оглядывая нас всех и останавливаясь на папе, который один только улыбался. — Дядя Леша, вы?

— На заводах такой порядок: изобрел — внедряй! — сказал отец. — Что, Римма, возьмемся?

Без особого огня мама ответила:

— Подумать надо.

— Да, надо подумать, — уже серьезнее заключил папа, принимаясь за чай. — Я, пожалуй, завтра на планерке свое воинство потереблю. Ну, а сорвется — не обессудьте!

Я наелся, сказал, что посуду помою позже, и мы с Васькой опять ушли в мою комнату.

— Как ты думаешь, сделает? — спросил он, кивнув в сторону кухни; я, зная, сколько сейчас у отца забот и хлопот, лишь неопределенно выгнул губы. — Хоть бы!.. Мы бы такую штуку провернули, так бы выступили под занавес, что — м-м!.. — Он просмотрел свои пометки на листочке и хмыкнул: — Слыши, Эп, оказывается через три года мы с тобой женихи! Ты — через два даже!

Забор спрятал бумажку, отошел к окну и уставился на вечереющее небо.

— Поставь что-нибудь, — сказал Васька.

— Моцарта?

— А есть? — удивился он, обернувшись.

— Конечно, нету! — усмехнулся я. — Вспомнил твой вопрос. С чего ты вдруг Моцарта зацепил?

— Да так. Бегал на днях к отцу, ты же знаешь — он рабочий сцены в оперном... А там концерт, ну и услышал. Ничего!.. Сто раз слышал, а услышал впервые. А ты?

— Только имя.

— Да, имена-то мы знаем! Альфонс Доде и т. д.! — сказал Васька и опять повернулся к окну.

У меня было двадцать восемь кассет, то есть семь километров пленки, а вот Моцарта на ней не было. Была «Шотландская застольная» Бетховена, которой я дразнил Нэлку Ведманову, да три оперных увертюры, записанные по маминой просьбе, остальное — эстрада. Я поставил Тома Джонса, своего любимца. Пятерку отдал за перезапись. Том Джонс тут и пел, и говорил, и смеялся — блеск! Вот у кого английский!

Васька в тakt задергал локтем и вдруг спросил:

— А это что? — Он взял с подоконника шишку и понюхал. — Настоящая!.. Ты что, Эп, правда был в лесу?

— Правда.

— Один?

— Не один.

— Молчу... Из нашего класса?

– Нет.

– Из нашей школы?

– Нет, – улыбаясь отвечал я: мне была приятна и Васькина догадливость, и его сдержанная попытка кое-что узнать, и мое таинственное отнекивание.

– Хм, тихоня!.. Надо срочно агитнуть Садовкину в лес... Да, с тебя полтинник, пока не забыл!

Я вынул из-под «Трех мушкетеров» железный рубль.

– Держи.

– Сдачи нет.

– И не надо. За меня и за Шулина.

– Ах да, Шулин же еще!.. С Шулина и началась эта каша. И за это ему спасибо. – Забор сел в кресло и на миг призадумался. – Конечно, в идеале мы все должны дружить, и мы подружимся. Но это слишком простая дружба, Эп, стадная, что ли, не знаю, как ее назвать. Дружба в первой степени – назовем так. А мне этого мало. Мне нужно покрупнее и поглубже – дружба в квадрате или в третьей степени! Понимаешь?

– Понимаю.

– И тут я разборчив, не каждого возведу в квадрат.

– Я тоже.

– Ну и вот!

– А Шулин у меня в квадрате!

– А у меня нет. У меня в квадрате ты!

– А геометрия говорит, что если две фигуры порознь равны третьей, то они равны и между собой!

– То геометрия!

– Нет, Авга – во парень! – заверил я и хотел было перечислить все, что мне в нем нравится, на решил, что незачем живого Шулина подменять скелетом. – А Садовкина у тебя в какой степени? – круто спросил я.

– В энной! – живо ответил Васька. Минуту помолчал и спросил: – Ну, Эп, где там задачки?

И стал переписывать.

Том Джонс запел «Лайлу», и я сразу ото всего отключился. После той встречи с двумя девчонками в заснеженном сквере и особенно сейчас, после знакомства с Валей, песня эта сделалась для меня символом чего-то неясно желанного и до боли необходимого.

Глава девятая

На следующее утро, за пять минут до первого звонка, Васька собрал нас в кабинете истории и коротко, но с многозначительной живостью объявил, что есть очень важный разговор и что после уроков на часок останемся.

– Что, что? – переспросил, оторвавшись от учебника, Ваня Печкин, который всякую новость принимал с опаской, как прямую угрозу лично ему.

– Останемся, говорю, после уроков!

– Все или одни комсомольцы?

– Все.

– Лучше бы одни комсомольцы, – буркнул Ваня Печкин. – А то мне собаку кормить.

– Значит часок потерпит.

– Она породистая! Ее по часам кормить надо...

– Надо быть породистым хозяином, тогда любая собака будет породистой! – заметил Васька.

– У нее режим. И нечего обзвываться!

– Так! – хмуро произнес Забор, шлепнув ладонью по столу. – Еще у кого собаки?.. А может, кто спешит клопов травить?.. Или в больницу грыжу вырезать?.. Или на свидание к двум? – спросил вдруг он, и сердце мое дернулось, потому что именно мне надо было к двум тридцати на свидание с Валей, но я не выдал себя, лишь на миг закрыл глаза да стиснул виски

ладонями – не мог же я подрывать идею, которую сам выварил вместе с Васькой. Вот ведь совпадение, черт возьми! – Никаких собак, больниц и свиданий! Ясно? Остаются все по-го-лов-но! – подчеркнул комсорг, как бы пересчитывая нас. – Ну, а если кому действительно позарез надо, – разберемся. Разговор срочный и касается всех!

Вовка Еловый спросил:

– А о чём?

– Эпа, наверное, будем чистить за двойку и за Спинсту, – ответил кто-то из девчонок сзади.

– Да нет! – горько отмахнулся Васька.

– Значит за то, что Зефа треснул, – равнодушно предположил тот же голос.

– Во-во! – обрадованно подхватил Забор. – Мы так привыкли заниматься кулаками и двойками, что мозги наши протухли и слепо шпарят по этим рельсам, как будто на свете ничего другого нет! Пора спрыгивать, иначе в такой тупик залетим, что и подметок не останется!.. Ведь нам около пятнадцати лет! Зеф завтра бриться начнет, а мы ему все: тю-тю-тю, Мишенька, почему ты такая бяка! – Васька сделал сиропную физиономию и пальцами изобразил бодуче-игривую козочку.

– Тю-тю-тю! – такой же козочкой ответил Зеф.

Класс грохнул. Забор сам рассмеялся до кашля и, еле уняв его, продолжил:

– Вот и вся наша работа. Надо менять климат! Встряска нужна. Ее-то мы сегодня и будем готовить. – Затрещал звонок, и Васька торопливо заключил: – В перерывах поговорим подробнее. А что касается кулаков и двоек, то совсем их забывать тоже нельзя, конечно. Зеф, например, получил по морде совершенно правильно! С гуманистами мы гуманисты, а заработал – получай! И нечего тут вече устраивать. А Эп, кстати, и без вашей чистки прекрасно все понял и сам утряс нелады со Светланой Петровной. Это как раз и доказывает, что он уже взрослый, а значит, взрослые и мы. Хватит играть в бирюльки и пускать мыльные пузыри!

– Вот именно! – крикнул кто-то.

– Браво, Забор!

– Ну, выдал! – восторженно шепнул Авга.

– Да-а! – согласился я, в который раз убеждаясь, что есть в нашем Заборе та закваска, которая делает его истинным комсоргом и которая не зря приводит в трепет Шулина.

Вошла быстрая и сосредоточенная историчка Клавдия Гавриловна, и урок начался.

После звонка мы перебежали в кабинет иностранного языка, и заинтригованный люд окружил стол Забровского и Садовкиной, мигом образовав над ним этакий двухъярусный кратер. Наташка смутилась, что оказалась вдруг в самом центре внимания, и вскочила, мол, я тут ни при чем. А мне, наоборот, хотелось именно туда, в жерло этого вулкана, и я даже имел право на это, но запоздало лезть в середку было слишком демонстративно. Я оттянул от толпы к окну Шулина и растолковал ему, в чем дело. Авга отнесся к анкете с неожиданной прохладцей. Оглянувшись на шумящую кучу-малу, словно не веря, что и там говорят об этом же, он разочарованно протянул:

– У-у, а я думал, что-то путевое!

– Это зависит от нас: поставим путевые вопросы – получим путевую анкету.

– И о чём спрашивать?

– О чём хочешь. Что волнует.

– Меня многое волнует.

– Вот и формулируй.

– Хм, формулируй!

– Или вот что, Авга, слушай! Давай для старта я тебе дам пару готовых вопросиков. – Я вынул из кармана бумажку. – Вот они. Старт и тебе нужен и всему классу, потому что когда начнется собрание, все будут раскачиваться и оглядываться друг на друга, а мы с тобой поочередно – бэмс, бэмс! И пошла цепная реакция! Главное – затравить. Понял?

Авга взял листок, прочитал и восхликал:

– Ого, вопросы!

– А что?

– «Кто умнее: девчонки или мальчишки?» Да мне такого в жизнь не придумать! Сразу

поймут, что я белены объелся! Или что меня подучили, как дурака!

– Наоборот, чудак! Все только ахнут: ого, скажут, ай да Авга, ай да Спиноза!

– Ну ладно. Забор поручил?

– Забор. Поручил мне, но я и тебя привлекаю.

– А не влетит тебе?

– Нет, за работу с массами обычно хвалят... Да и вдвоем надежнее. Мигом собрание кончим!

«И я успею на свидание!» – обрадованно спохватился я.

Пряча листочек, Авга спросил:

– Эп, а вдруг, того, мы скажем, а все молчок?

– По второму разу скажем.

– И опять молчок?

– Ну уж?

– А вдруг?

– Тогда не знаю... Тогда пусть сам Забор скажет. А что мы еще можем сделать?

Сальто-мортале?

– А может, еще кого уговорим? – плутовато предложил он. – Уж работать с массами, так работать!

– Третьего?

– Ага. Вопросы еще есть?

– Есть?.

– Ну и давай. Бог троицу любит! – с заговорщицким азартом заключил Шулин.

– А кого?

Мы осмотрелись.

Васькин вулкан продолжал клокотать. Сгрудились все, кроме Вани Печкина, который, заткнув уши, зубрил английский. Или он дома не учил, или у него память никудышная, но Ваня Печкин долбил учебники из перемены в перемену: даже когда дежурный выгонял его, чтобы проветрить класс, он прихватывал книжку с собой. Каким-то испуганным был у нас Ваня Печкин и первую половину каждого урока, то есть во время опроса, сидел, как приговоренный, – скаввшись и чуть ли не дрожа. Он так и напрашивался на высмеивание, и в общем-то мы подсмеивались над ним, хотя не особенно зло, но считали его серой личностью.

Мы с Авгой переглянулись и, моментально поняв друг друга, направились к Ване Печкину. Вот будет фокус, если удастся его сагитировать, – тон всему классу зададут второстепенные члены... Я зашел сбоку и живо захлопнул его учебник. Ваня Печкин вздрогнули тревожно поднял голову.

– Отвлекись-ка на минутку, – сказал я.

– Чего?

– Отвлекись, говорю, и уши разоткни!

– А чего?

– Дело есть! – сказал важно Шулин.

– Причем дело пустяковое, но для пользы всего класса, – внушительно добавил я.

– Мне некогда.

– Всем некогда!

– Слушай, Ваня Печкин, ты можешь хоть раз что-нибудь пожертвовать классу: или время, или отметку? Можешь? – возвзвал я, почувствовал, что надо брать круче.

– Это вон пусть Садовкина оценки жертвует, у нее много пятерок! – недовольно мотнул головой Ваня Печкин. – А мне нечем жертвовать, у меня двойки!

– У всех двойки! – отрезал Шулин.

– И меня спросят.

– Сегодня не спросят. Придет новая учительница. А новые сразу не спрашивают, сначала знакомятся! – попытался я внушить Ване Печкину здравую мысль.

Но он не сдался.

– Ага, это с вами будет знакомиться, а меня спросит! Не мешайте! – И, открыв учебник, опять углубился в него, равнодушно выставив свою макушку.

Я со злости чуть не влепил ему щелчок в эту макушку, но под жидкими волосенками различил какую-то коростинку и брезгливо махнул рукой. Авга буркнула: «Балда ты осиновая с медной нашлепкой», — и мы отошли. Наш поход в массы провалился. Еще бы! Если уж буря целого класса не раскачала Ваню Печкина, что тут наши хилые потуги! Оставалось надеяться, что и без него дело обойдется, — вон как народ оживлен.

По звонку все суматошно расселись, но вместо новой учительницы опять вошла Анна Михайловна со своей дирижерской палочкой, двухцветным карандашом. Постучав по столу, она несколько виновато произнесла:

— Ребята, снова неувязка.

— И эта заболела? — спросил кто-то.

— Нет. Амалия Викторовна думала, что ее уроки начинаются с третьего. Я только что звонила ей. Она выходит, но знаете, человек пожилой, пока дойдет, пока найдет, будет конец урока.

— Хорошо! — вздохнуло полкласса.

— Напрасно радуетесь! Кое-кому эти последние занятия нужны как воздух! Смотрите, как бы ваши легкие вздохи не обернулись тяжестью! — строго заметила завуч, и в этом была истина, которая касалась и меня; правда, я не вздыхал облегченно, потому что был заинтересован в Амалии Викторовне. — Сейчас придет библиотекарь и почтает вам что-нибудь, так что никакого шума, спокойно оставайтесь на своих местах!

Забор вскочили сказал:

— Анна Михайловна, отдайте этот час в наше распоряжение! Мы хотели задержаться после уроков, но раз так, то лучше сэкономить время. Нам нужно провести междусобойчик.

— Что провести?

— Междусобойчик!.. Ну, разговор то есть!

— Очень хорошо! Пожалуйста, поговорите, — улыбнувшись, согласилась завуч. — Я вам нужна?

— Нет.

— Только тихо. Обещаете?

— Обещаем! — крикнули мы.

— Чш-ш! — и Анна Михайловна вышла.

Васька стремительно оказался у стола с тетрадкой в руке, поправил пятерней прическу и сказал:

— Видите, как складно все получается! Сама фортуна за нас!.. Итак, на чем мы остановились?

— На мыльных пузырях, — подсказал мишка Зеф.

— Да! Пора кончать с мыльными пузырями! А для этого есть только один путь — дело! Вот и займемся делом!.. Я все объяснил, вы все поняли — прошу!.. Придумайте сколько угодно вопросов, но чтобы участвовал каждый. Кстати, если поработаем в темпе, то спасем от голода собаку Вани Печкина!

— Нечего обзвываться! — огрызнулся Ваня Печкин.

— Что? У тебя уже вопрос?

— Нет у меня вопросов!

— Тогда не фыркай, а думай! Ну все, сажусь и пишу!

— Ну? — подстегнул Забор, остановив взгляд на мне.

Насчет условного знака мы не договаривались, но это был почти знак. Я собрался с духом, подтянул ноги, чтобы встать, но тут Вовка Еловый спросил:

— А в стихах можно?

— Еще бы!

— Тогда пиши:

Скажи-ка, разлюбезный друг,
Как ты проводишь свой досуг?

— Прекрасно, Вовка! — под веселый шумок воскликнул Забор.

Он еще не записал, а уже поднялась Садовкина.

— А вот интересно, кто в жизни важнее: мальчишки или девчонки? — спросила она.

— Мальчишки! — заорали пацаны.

— Девчонки! — завопил прекрасный пол.

— Споры потом! — пресек Васька. — Потом наспоримся до хрипоты! Так, записываю...

Довольный Авга шепнул мне:

— Один мой вопросик склонули!

— Пусть клюют, лишь бы аппетит был! А ты говорил — молчок! Это как бы нам молчать не пришлось!

Вовка Еловый опять вскочил.

— У меня еще!

— Прорвало поэта! — заметил кто-то из девчонок.

Вовка засек, кто это сказал, простер руку в ее сторону и продекламировал:

Скажи-ка, друг мой разлюбезный,
Полезный ты иль бесполезный?

— О, пойдет! — подхватил Забор.

Тут же ввернулся вопрос Мишка Зеф:

— А ты бы учился, если бы тебя заставляли?

— Блеск! — отреагировал комсорг.

— И наконец, последнее, — взмолился Еловый. — уж дайте высказаться, и клянусь — больше ни звука!

Друг разлюбезнейший, скажи,
Ты часто утопал во лжи?

— О'кэй! — приветствовал Васька.

Справа подняла руку Лена Гриц.

— Можно мне? — И, спохватившись, что не на уроке, встала, ощупывая пылающие щеки. —

Раз договорились от души, то от души. Только не смеяйтесь, а то я разревусь... Сейчас... Было ли тебе так трудно, что хотелось умереть?

Вопрос, видно, стоил ей мучительной борьбы, потому что она еле-еле договорила его — губы задрожали и глаза заблестели. Напряженно улыбаясь, девочка нерешительно оглядела нас, как бы проверяя, не смеется ли кто, но стояла тишина, которая вдруг подействовала на Лену сильнее, чем, может быть смешок, — она порывисто села, ткнувшись в ладони лицом и расплакалась.

Среди общего веселья это было так неожиданно и странно, что Васька растерялся.

— М-мда... Кха... Ну что ж, толковый психологический вопрос — бодро заключил он, мимикой торопя нас что-нибудь быстрее говорить, чтобы отвлечь внимание от Лены.

Но и мы сбились с толку, и неизвестно, сколько бы продлилась эта заминка, если бы не нашелся Авга. Он не вышагнул, а вылетел в проход, запнувшись о ножку стула, и выпалил:

— А кто хочет в деревню?.. Жить! Навсегда!.. Мясо выращивать! Хлеб пасти! — Тут уж, несмотря на неловкость, все прыснули. — То есть, конечно, хлеб выращивать и мясо пасти! То есть скот, понятно! — Не знаю, нарочно Шулин заплел язык, чтобы разрядить обстановку, или от волнения, но класс оживился опять. — А что? Едят все, а еду делать некому!

— А сам-то почему сбежал? — крикнул Зеф.

— А чтобы вас агитировать! — вывернулся Авга.

— Без дискуссий! — призвал Забор. — Садись, Август!.. А вопрос, между прочим, что надо — социологический! И очень кстати, потому что еще вилами по воде писано, кто кем будет и кого куда занесет. Браво, Шулин!

Вот тут-то и разгорелись страсти. Класс закружило, подхватило и понесло... Васька едва успевал фиксировать. Он молодец, не расхолаживал людей, не укорял, что, мол, такой-то вопрос мелкий, а этот нечеткий, а тот вообще уже был, он писал все подряд. Потом разберемся.

Как говорится, куй железо, пока трамваи ходят! Я уже не опасался за судьбу анкеты, а лишь сдержанно восторгался, что народ пошел за нашей идеей...

— Good day, my friends! — раздалось внезапно от двери. Там стояла пожилая, грузная женщина, с устало-добрым лицом и в очках. — Sorry for being late, but you know, better late than never, as both english and russian people say. There rest ten minutes. I think it would be enough for beginning!.. My name is Amaliya Viktorovna.

(Добрый день, друзья!.. Простите, что опоздала: но вы знаете, лучше поздно, чем никогда, как говорят и русские и англичане. Осталось десять минут, и я думаю, что этого достаточно для начала!.. Меня зовут Амалия Викторовна!)

Ошарашенные, мы все встали.

Глава десятая

Мы с Валей должны были встретиться на трамвайной остановке, и я уже четверть часа вился тут, как голубь. Я успел. Забор хотел, правда, еще задержать меня, чтобы вместе посоветоваться с нашей Ниной Юрьевной, которая пока ничего не знала, но я отвертесь, клянясь, что завтра гору сворочу, а сегодня — хоть режь. Васька — тык-мык и отступил, наказав только подогреть процесс с родительской анкетой...

И вдруг я увидел Валю. Держа сумку за спиной, она пристально оглядывалась. Я приблизился сзади и громко кашлянул.

— Ой! — вскрикнула она, испуганно обернувшись. — Аскольд! Да ну тебя!.. У меня сердце чуть не оборвалось!.. Слушай, а вдруг встретится Амалия Викторовна и спросит, куда ты идешь?

— О, мы же сегодня познакомились с ней.

— И как?

— При знакомстве ничего, а вот что дальше?

— И дальше ничего. Хорошая бабушка. Но учить все равно надо! — предостерегла Валя.

— Это у всех так — хороши, пока учишь! — знающе рассудил я. — Дай мне сумку, — сказал я по-английски.

— О, возьми! Спасибо! Ты молодец!.. — тоже по-английски ответила Валя, отдавая мне сумку. — Итак, продолжаем... Разговариваем только на английском языке.

— Давай! — неохотно ответил я по-русски.

— Если ты хочешь знать чужой язык, будем говорить только на нем.

— Да не хочу я его знать! На кой он мне сдался! Мне лишь бы двойки исправить! — выпалил я.

— Во-во! А для этого надо кое-что знать! А чтобы знать, надо говорить и говорить, ошибаться, путаться, врать, но говорить. Надо, чтобы мозоль выросла на языке от новых звуков!.. Надо быть даже нахальным, если хочешь! Вот так, например! — Валя быстро пошла навстречу высокой, мрачноватой, красивой женщине и, задержав ее, спросила по-английски, который час.

— Что, девочка? — как бы очнулась женщина, — Извини, голубушка, не понимаю, — и, пожав плечами, задумчиво пошла дальше.

Удивленный, я сказал:

— Нет, так я не смогу!

— Сможешь, когда разомнешь язык и осмелеешь! — заверила Валя. — А без этого, Аскольд, к Амалии Викторовне и подступаться некого.

По лестнице мы поднимались молча. Я тревожился, как бы из соседских дверей не начали, кукушками из часов, высказывать любопытные физиономии. Валя, почувствовав мои опасения, шла тихонько, опираясь на кромки ступенек, чтобы не стучали каблучки. Мы прямо крались. И лишь у наших дверей, когда я достал ключ, она шепотом спросила:

— Дома никого?

— Никого... Заходи.

Оказавшись с ней один на один в сумрачном коридорчике, я опять смутился, как вчера в лесу. Краешком сердца я ощущал какую-то манящую сладость этого уединения и этого

полумрака, но они пугали меня, и я включил свет. Стало спокойнее. Мы прошли в мою комнату, солнечную и чистую – я тут целый час протирал запыленные полки, стол, подоконник, батарею и два раза вымыл пол.

– Вот здесь я и живу!.. Знакомься: Мебиус, мой первый друг, мой друг бесценный!

– Ах, вон он какой маленький! Я думала, верзила! – Она протянула руку. – Не дернет?

– Нет.

– Ух ты, большеротый! Ух, смешной! – ласково заприговаривала она, ощупывая проволочную шевелюру Мебиуса, его глаза, нос и единственную руку, потом оглядела книжные полки. – У-у, сколько из «Эврики»! Кстати, как перевести слово «эврика» на русский, если считать его английским?

– Эврика?.. Эв-ри-ка!.. А-а, every car – каждая машина!

– Хм, молодец, Аскольд! И даже непонятно, почему у тебя двойки. В тебе же спит англичанин! Да-да! На переключателе я заметила «in» и «out», на кассетах – тоже по-английски, правда, с ошибками. Вот написано «Royal nights», то есть «Королевские ночи», а японский ансамбль называется «Королевские рыцари» – по-английски звучит так же, но перед «n» стоит немое «k» … Так что мне остается малость разбудить тебя.

– Буди, – с улыбкой сказал я.

– И разбужу… Поставь что-нибудь.

Я поставил этих самых «Королевских рыцарей», приписав немое «k», и сел в кресло.

– А почему не включаешь?

– Хлопни в ладоши.

Она хлопнула, и на нас обрушился гром музыки, который я тут же перевел на кухню.

– Как это? – удивилась Валя.

– Я говорил, что у меня по физмату о’кэй! Пожалуйста!.. а сейчас – в общей!.. А вот у отца!.. А это – в ванной! – пояснял я блуждающие звуки, ни малейшим движением не обнаруживая своего вмешательства в эти блуждания.

– Тоже Мебиус? – спросила Валя.

– Нет, кресло. – И я показал кнопки.

– А-а! – протянула она и нажала несколько раз, перекидывая звуки туда-сюда и следом поворачивая голову. – Ловко! Аскольд, в тебе спит инженер!

– Что-то много во мне спящих! – я усмехнулся: – И спят все порядочные: англичанин, инженер!.. Значит, бодрствует какой-нибудь болтус!

– Ну-ка! – Упершись руками в подлокотники кресла и как бы взяв меня в плен, Валя склонилась ко мне и лукаво-озорным взглядом пристально стала выискивать что-то в моих глазах.

– Нет, и бодрствует порядочный! Да-да! Я чувствую! – Она выпрямилась и прошлась по комнате. – А это кто, твой дедушка?

– Нет, физик Эйнштейн.

– У-у, какой грустный!

Я подошел и перевернул портрет – мимо нас глянул задумчивый Пушкин Тропинина. Я вырвал его из какого-то журнала и так обкорнал, подгоняя под рамку, что он потерял портретность и, как живой, подглядывал из кухни через окошечко.

– Так лучше?

– Лучше. Ну, Аскольд! Ну, изобретатель!

– Это же не изобретения, а просто дела.

– Ну, делатель! – подхватила Валя, посмотрев на меня так, словно и я был тут какой-то неожиданной поделкой. – Но Мебиус лучше всего. – Она повернулась к роботу и опять потрогала его ершистую марсианскую макушку. – Я Мебиус! Светлана Петровна, извините! Я Мебиус! – проговорила вдруг она грубоватым голосом и обернулась ко мне – не осуждаю ли я ее за дурашливость, но я не осуждал, я тихо радовался, и Валя успокоилась. – Хоть бы кто позвонил, посмотреть, как он работает!

– Сейчас! – Я набрал номер Зефа. – Мишка, брякни мне!

– Зачем?

– Меба чиню. Брякни разок!

— Давай.

Я выдвинул верхний ящик стола, чтобы виден был маг. Телефон зазвонил. В работе щелкнуло, и одновременно вздернулась рука с трубкой, и пошел маг.

— ... уточку!.. Квартира Эповых, минуточку! — Квартира Эповых!.. Квартира Эп... — щелчок, трубка упала в гнездо, и все замерло.

Валя страдальчески смотрела на вскрытый маг. Я понял, что сейчас она видит не магнитофон, а вырванный из живого Мебиуса кишечник, и закрыл стол.

Она вздохнула:

— Бедняга!.. А кроме этого он что-нибудь умеет? Переводить, например, с английского?

— Пока нет, но если научить...

— Сначала я научу безжалостного хозяина. Все, Аскольд, давай заниматься, а то ничего не успеем!

Валя сказала, что лучше начать с уроков, чтобы потом не беспокоиться о них. Я согласился. Мы сели за круглый стол, как министры враждующих стран, и разложили учебники... Я не смотрел на Валю впрямую, но видел все ее движения, и мне было приятно знать, что в любой миг я могу посмотреть прямо и увижу ее не в воображении, а тут, в метре от себя... Мозг мой работал какими-то импульсами: я то удивительно четко все понимал, то вдруг все обрывалось, даже цифры и буквы упывали из фокуса и пропадали вовсе. Тогда я прикрывал глаза ладонью и тайно глядел сквозь пальцы на Валины брови, ресницы, тонкий нос и на губы, которые то шевелились просто так, то аккуратно поигрывали разлохмаченным кончиком косы... В один из моментов сосредоточенности передо мной легла бумажка с цепочкой слов. Я прочитал:

«Аскольд — ask old — спроси, старый!»

Усмехнувшись, я ответил:

«Что спросить, молодая?»

«Что хочешь!»

Откуда-то из глубины тела ударили жар, как в школе, когда я огорел Зефа папкой, и я, чувствуя, что невыносимо краснею, вдруг написал:

«Хочу поцеловать тебя!»

Я написал это и в шутку и всерьез и целиков вверился Вале: если примет в шутку — я спасен, если всерьез... она вскочит, швырнет в меня тетрадки и уйдет. Не поднимая головы, я передвинул бумажку и плотно, до звона в ушах, зажмурился, ожидая реакции — шума, падения стула или, может, шлепка по башке, но время тянулось космически медленно, я не выдержав пытки, открыл глаза — бумажка уже лежала передо мною.

«Когда?» — прочитал я, и новая волна жара окатила меня: слава богу, шутка принята!

«Сейчас!» — смелее приписал я. «Нет, в пять часов!» — ответила Валя.

Не стесняясь — шутить так шутить! — я обернулся к ходикам — без десяти пять — и весело глянул на Валю, думая встретить ее насмешливую улыбку. Но Валя не смотрела на меня, она преспокойно учила. Я словно ожегся и отвел глаза. Конечно, чему тут улыбаться! Шутка до того глупа, что дальше некуда!.. Пристыженный, я уткнулся в историю и, буксую на фразе о борьбе Плеханова с народниками, стал разносить себя в пух и прах!.. Говорил, держись, так нет, шутить полез, Мольер! Ну и моргай теперь!.. Правда, время шутки еще не истекло, может, именно в пять Валя простительно рассмеется и развеет эту дурацкую неловкость. И в голове моей тотчас заработал неведомый счетчик, отщелкивая секунды и минуты. На Валю я больше не смотрел — ни тайно, ни явно. Я, как НЗ, хранил этот последний взгляд, который виновато-конфузливо брошу на нее, когда часы ударят... Сначала в ходиках пробудится жужжалка, и лишь потом забьет важно и раскатисто. Несколько раз мне уже чудилось это жужжание, и я вздрогивал, но это машины проносились под окном, а настоящее жужжание я прозевал — часы ударили вдруг.

— Пять! — вырвалось у меня.

— Пять, — сказала Валя.

— Пять! — слегка пригрозил я.

— А не спешат они?

— Нет.

Усиливая угрозу я стал приподниматься, поднялась и она. Не знаю, какой вид был у меня, но Валя улыбалась странно: не дразняще-игриво, как надо бы в шутке, а напряженно-выжидательно. И я медленно двинулся к ней, мелко перебирая руками по столу, чтобы хоть как-то удлинить этот невероятно короткий путь. Валя пошла от меня. Я прибавил шагу, прибавила и она. Я побежал, и она побежала. Я все ждал, что Валя вот-вот прервет эти кошки-мышки, махнет рукой, властно усаживая меня на место, и мы начнем наш дурацкий английский язык, но она не прерывала. Я метнулся в обратную сторону, она – в обратную. Скатерть сбилась, что-то упало, стучали по полу ножки сдвинутого стола, а мы, ничего не замечая, кружили и кружили, шумно дыша, и никак не могли сблизиться, как одноименно заряженные частицы. Валя наконец оторвалась от стола и скрылась в коридоре. Я кинулся следом. Она, фосфорически сияя водолазкой, стояла в полумраке спиной к стене и глядела исподлобья, как я приближаюсь. И я вдруг понял, что больше она не побежит от меня и что все это уже не шутка. С мертвящей бесчувственностью я взял ее за плечи и, закрыв глаза, бессильно ткнулся губами в ее щеку. Валя встрепенулась, обхватили руками мою шею и, шепнув «не так», быстро поцеловала меня в губы.

– Вот так, Эп! – выдохнула она и умчалась в гостиную.

Глава одиннадцатая

До четырех часов я пахал в школе с Васькой, как и обещал ему. Выбрав из более чем пятидесяти вопросов тридцать и отредактировав их, мы позвали Нину Юрьевну и, вручив ей тетрадку, открыли наш замысел.

У Нины Юрьевны было странно жесткое, словно чем-то армированное лицо, затруднявшее артикуляцию, так что каждое слово ей приходилось прямо конструировать, напрягая не только губу, но и щеки, и лоб, и шею и принимая при этом вид человека крайне обиженного и готового заплакать. Волноваться ей было совершенно противопоказано – тогда она почти теряла дар речи. Именно поэтому Нина Юрьевна не устраивала ученикам бурных словесных головомоек, а испытывала своим тоже напряженным почерком целый листище и давала прочесть разгильдяю, разрешая после этого рвать записку или отнести родителям. Все, конечно, рвали. Но зато как она вела математику, где как раз и требовалось эти немногословие, медлительность и четкость! Она прямо высекала в наших мозгах все формула!

Даже не открыв тетрадку, Нина Юрьевна спросила, где же мы были раньше – ведь экзамены близятся. Мы сказали, что успеем. Тревожно помолчав и повздыхав, она повела нас к завучу. Анна Михайловна, поразмыслив, заметила, что после такого форума мы и экзамены лучше сдадим, потому что поднимется настроение. Завуч уточнила срок. Мы ответили, что вот сегодня суббота, а в следующую субботу – уже форум. Еще подумав и полистав нашу тетрадку с вопросами, Анна Михайловна улыбнулась, и, возвращая Забору тетрадь, сказала, что раз уж нам так хочется и, главное, раз уж полдела сделано, то придется разрешить. И отпустила нас, задержав зачем-то Нину Юрьевну. Мы ликовали.

– Вот что значит подготовить вопрос! Мотай на ус! – гордо заключил комсорг. – Сунься мы с голой идеей – до свидания! А теперь – во! Дело, Эп, за тобой!

– Отец сказал, что к вечеру будет.

– Смотри. Срыв смерти подобен!

– Понял.

– Ну, до семи! Не забудь маг!

Мама была еще на работе, а папа сидел в своем кабинете, обложившись альбомами и справочниками – нелегко, видно, давалась борьба со следственной комиссией. Прежде чем я открыл рот, он протянул мне два листа с вопросами. Пятнадцать штук – на большее не хватило родительского воображения, но и этого, я думаю, родителям – по ноздри. Выразив благодарность от имени класса, я радостно похлопал отца по плечу и стал готовиться к вечеру.

У меня блеснула дерзкая мысль – явиться к Садовкиной на день рождения с Валей. Вот будет сюрпризик! Наши все четко рассчитали: пятеро девчонок, пятеро мальчишек – не чтобы там ромеоджульетничать, а просто чтобы никто не оставался лишним, и за столом ухаживать, и танцевать, и играть – все парами, хотя, конечно, пары складывались не случайно, и лишь мне

– кого бог пошлет. И вдруг я – бах! – явлюсь со своей! Ох, уж девчонки покосятся, ох, посплетничают! И пусть! Думают, что Эп – лопух, красная девица!.. Близорукие воображалы! Но мои планы рухнули.

Валя позвонила в пять, как мы и договаривались, и сказала, что сегодня нам не встретиться: дома накопилось столько дел, что хоть не спи, потому что Света теперь в ауте. Я повздыхал, покрякал, но что делать? И мы простились до воскресенья... А нашим я и без Вали нос утру!

В половине седьмого, когда я переодевался, явился Шулин. Он был в школьном пиджаке и белой рубашке с распахнутым воротом. Свежевымые волосы торчали и смешно облагораживали его оттопыренные уши. Ни дать ни взять – милая поросячья мордашка. Авгино выступление на собрании лучше моих рекомендаций повлияло на Ваську Забровского, он все устроил, и Садовкина пригласила Шулина персонально. Он так удивился, что это удивление до сих пор не сходило с его сияющей физиономии.

– Хочешь галстук? – спросил я.

– Галстук? Какой?

– Черный, например, к рубашке. Или цветастый – к пиджаку. Во! Примеряй, граф! Сейчас мы нарядимся будь-будь!

– А ты какой нацепишь?

– Я – бабочку!.. Вот смотри!

– У-у... – протянул Авга, примерил черный галстук и снял. – Нет, хомут есть хомут. Так свободней! – И он погладил свою голую крупную шею. – А то стиснет – буду хрипеть и холодцом давиться.

– Каким холодцом?

– Какой подадут. Люблю холодец. Мама, было, зальет целый таз, мы так навалимся – полтаза нет!

– Не настраивайся, Авга, не будет холода. Будет торт и чай до потери пульса.

– И тортом можно подавиться.

– Обжора!.. Ну, я готов!

Мы взяли магнитофон и отправились.

Садовкина жила у школы, в одном доме с Васькой Забровским. Дом их был огромным, с загибами, с арочным входом, и покрась его в какой-нибудь радостный цвет, он бы сиял на весь квартал, но его отделали под динозавра, если только динозавры были грязно-зеленые, и ни солнце, ни весна не оживляли его.

Мы договорились собраться к семи, но я нарочно медлил, чтобы задержать торжество и чтобы привлечь к себе общее гневное внимание. Так и случилось. В коридоре на нас обрушился десятигорловый шквал. Я невозмутимо разделся, повернулся к возмущенной публике и вздернул подбородок, показывая бабочку.

– Эп-то!..

– Паганини!..

– Держите меня!

– Наташа! – обратился я к низенькой полненькой имениннице с живым красным цветком в темных волосах. – Мы вот с Августом поздравляем тебя и желаем счастья!

Я протянул ей руку. Она, улыбаясь, подала мне свою. Я не стиснул ее мужественно-сурохо, а взял за кончики пальцев, наклонился и поцеловал их. Охнув, Садовкина зажала мигом вспыхнувшие щеки и нырнула в толпу. Девчонки захлопали в ладоши, закричали «браво, бис!», а пацаны загмыкали и запокашивали, пряча усмешки и хохотки, лишь у Зефа вырвалось:

– Убил, Эп!

Он повалился, его поймали и поставили.

– Не убил, а хоть один настоящий кавалер нашелся! – восхлинула вдруг, потрясая сухим кулаком, затертая в кухонных дверях Наташина бабушка, маленькая и жилистая. – Слава богу! Раз внучке целуют руки, все в порядке, можно спокойно умирать! – У бабушки затряслись губы, покатились слезы, она махнула рукой и скрылась в кухне.

Дядя Коля, смуглый, тощий и согнутый интегралом отец Садовкиной, пригласил нас в

гостиную.

— Где анкета? — шепнул Забор.

— Вот.

— Молодец, Эп! Ну все, теперь можно повеселиться! — обрадовался он, спрятал листы, перехватил у меня магнитофон и пошел с Зефом подключать его.

Наташка, все еще смущенная, подвела меня с Авгой к своим подружкам, которых я не знал.

— Вот, знакомьтесь: Рита и Лена! — представила она новеньких. — Вместе были в лагере летом.

— Очень приятно! Аскольд! — сказал я. — А это мой друг граф Шулин, потомок пушкинского графа Нулина, но поскольку революция, гонения, букву пришлось заменить, а титул забросить! — Авга молча кивнул, а я, бесцеремонно разглядывая девчонок, воскликнул: — Граф, в какой цветник мы попали!.. А не согласится ли кто из вас быть на сегодня моей дамой?

Наши девчонки прыснули. Прыщастенькая и худенькая Рита в голубом платье с огромным, во все плечи, отложным воротничком презрительно выгнула губы и отвернулась. Высокая же и плотная Лена в тугой серой кофточке и темно-синей юбке спросила с искренней заинтересованностью:

— Только на сегодня?

— А может и дольше.

— Тогда выбирай!

— Я выбрал бы, очаровательную именинницу, — не моргнув глазом, ответил я, — но боюсь, комсорг не одобрит... — Я был уверен, что этим не обижу Ваську с Наташой, так как дружили они открыто, не опасаясь никаких намеков и кривотолков.

Все рассмеялись, а Наташка, еще сильнее заливвшись румянцем, весело укорила меня:

— Ну тебя, Эп! С тобой сегодня что-то не того!

Тут включили маг, зацокало знобящее вступление к «Лайле», девчонки похватали друг друга и, не умея вальсировать, пустились кто как, подпевая Тому Джонсу. «Лайла» как бы отрезвила меня. Я отошел и опустился в кресло. Хватит, надо кончать маскарад! Я взялся было за бабочку, чтобы отцепить ее, и поймал удивленно-пристальный взгляд Мишки Зефа. Зеф сразу отвел глаза, а я вдруг подумал, что сегодня играю Мишкину роль, перебежал ему дорогу и, может быть, даже в чем-то перешеголял его, вот он и в растерянности. Забавно, что я нашел в себе что-то зефское. Я даже обрадовался такому обогащению, но тут же отметил, что оно мне все-таки не по душе. Нет уж, Зефу Зефово, а Эпу Эпову!.. Бабочку я лишь поправил — пусть сидит, дело не в ней.

Ко мне сбоку подошла Лена и тихо спросила:

— Ну что, Аскольд, сделал выбор?

— Нет еще.

— А если я тебя выберу?

— Пожалуйста!

Вальсировать я тоже не умел, и мы пошли в ритме танго. Лена была пальца на три-четыре ниже меня, и, если бы мы сблизились плотнее, я бы ткнулся ей носом между бровей, но я держал Лену свободно, скорее не я вел, а она, положив мне руку за плечо, на лопатку. Я чувствовал, что она не спускает с меня глаз, ожидая слов ли, жестов ли особых — не знаю, чего ожидают девчонки от таких разбитных молодцов, каким я тут рисовался. А я молчал.

— Аскольд, ты не рад, что я тебя выбрала? — не выдержала наконец Лена.

— Что ты! Наоборот! — честно уверил я.

Усмехнувшись, она подтолкнула меня к себе, и нос мой действительно клюнул ее между бровей. Я вспыхнул, как при коротком замыкании, и мигом вспомнил те два поцелуя в сумрачном коридоре нашей квартиры. Сердце у меня сжалось, и невольно сжалась руки. Лена сразу же передвинула свою ладонь с лопатки на плечо и отдалась моей танцевальной власти.

Тут же позвали к столу.

Авга оказался прав — было чем давиться: яблоки, мясной салат, маринованные опята, колбаса двух сортов и даже свежие огурчики в пупырышках.

Застольничали мы около получаса, потом отеснили состыкованные столы, расставили

вдоль стен стулья, включили маг и кинулись прыгать, несмотря на сытость.

Я снова вспомнил Валю, мне стало до боли грустно, и я понял, что без Вали эта грусть не пройдет, как бы я ни бодрился и ни выкаблучивался... Девчонки схватили меня за руки и втянули в свой шумнотопающий круг. Потом шейк сменился плавной мелодией, и я оказался в паре с Леной.

— Аскольд, хочешь по секрету? — шепнула она. — Девчонки говорили, что ты совсем не такой.

— А какой? Теленок? Вафля? Размазня?

— Не так, конечно, но что-то в этом роде... Только ты не обижайся на них, ладно? В общем-то они уважают тебя... И мне ты понравился, — добавила она тише, чуть отведя глаза и пальцем шевельнув мочку моего уха.

Еще вчера я бы, наверно, умер от этих девчачьих слов, да и сейчас меня бросило в жар, но какая-то закалка уже произошла во мне.

Ребята возились у мага, меняя кассету. Девчонки толпились в сторонке, о чем-то болтая и подергиваясь. Зеф шепнул мне:

— Видишь ту, у приемника?

— Рита.

— Как она тебе?

— Ничего. Мишк, — сказал я, медленно жуя яблоко, — а ты со многими девчонками из седьмой школы знаком?

— Да кое с кем.

— А Валю Снегиреву знаешь?

— Валю?.. Снегиреву?.. Не помню. Я их больше в лицо знаю, чем по именам. А что?

— Да так.

Опять ухнул шейк. Мишка прямехонько направился было к Рите, но я, шепнув: «Минутку!» — придержал его и сам пошел к ней, решив как-нибудь сгладить колючее впечатление от нашего знакомства — она и так продолжала коситься на меня. Если откажет — плохо твое дело, Эп... Рита не отказалась, она безразлично шагнула в круг и, глядя под ноги, начала нехотя расходиться. Я поймал ее руку.

— Сначала несколько слов, — сказал я. — Сегодня я сделал два дела: обрадовал бабушку и обидел тебя. Получился плюс и минус. Они взаимно уничтожились, и я оказался у разбитого корыта, как сказал то же Пушкин... Чтобы остался плюс, нужно твое прощение.

Рита вскинула на меня удивленные глаза, под цвет своего голубого платья, некоторое время пристально-хмуро изучала, потом недоверчиво произнесла:

— Если это тебе важно...

— Важно.

— Пожалуйста, я не сержусь.

— Вот и хорошо. А теперь взгляни налево. Вон у косяка волнуется и делает вид, что не замечает нас, Мишка Зеф. По-моему, ты ему нравишься. Чш-ш!.. Пусть это будет маленькой тайной. Дарю ее тебе в честь примирения.

— Спасибо. — Рита чуть усмехнулась.

— И это еще не все. Вот яблоко. Яблоко раздора. Съедим его на брудершафт! — И целым бочком я поднес его к Ритиному рту. — Кусай!.. Да смелее!

Она рассмеялась и осторожно куснула. А потом мы врезали шейк с такими коленцами, какие не снились ни одной марионетке.

Шулин, не пригубивший и шампанского, но подхваченный и разогретый общим весельем, танцевал вовсю! Суматошно, не слушая ритма, забыв партнершу, — смех и грех. Упав рядом со мной на стул и отдуваясь, он вытер пот:

— Уф, работенка!

— Ничего, граф! Все мы так начинали!.. Ну, а как насчет предмета воздыханий? — тихо спросил я.

— Воздыхания есть, а предмета — тю-тю! — без особой скорби признался Авга. — Все чересчур умные, а мне бы такую, чтобы хоть капельку быть умнее ее!

— А ты разве дурак?

– Не знаю, но на всякий случай, – слукавил он. – А ты, я гляжу, распетушился!.. О, и этот глухарь затоковал!

И Шулин кивнул на Мишку, который подсел к Рите и стал что-то наговаривать ей. Она усмешливо слушала, искоса посматривая на меня, словно пытаясь понять, какой же я наконец. Ой, милая, я и сам теперь не знаю, какой я!

Наташа объявила отдых и увела нас в свою комнату. Плотно сдвинутые шторы скопили тут сумрак и прохладу. Девчонки скинули туфли и забились на диван-кровать, а мы расселись кто куда. Вовка Еловый сразу улегся спиной на ковер посреди пола и рукой закрыл глаза – значит, будут новые стихи. И правда, не дожидаясь тишины, он начал:

Не раз и не с одной красибою девчонкой
Встречался мой любовь ловящий взор,
Но все же незасвеченною пленкой
Душа моя осталась до сих пор.
Виновны в нечувствительности этой
Скорей девчонки, нежели поэт:
В них, очевидно, было мало света,
А сердцу нужен очень сильный свет.

– Мало ему света! – проворчал кто-то из девчонок. – А сами-то тлеете, как головешки!

– Кто головешки, мы? – возмутился Зеф.

И пошла веселая перепалка, лишь поэт бесчувственно лежал на полу. Отшумев, все глубоко замолчали, по-настоящему, видно, вникая в стихи... Лена сидела на краю дивана, поджав ноги. Она была стрижена коротко, но мне вдруг почудилось, что вот-вот она возьмет из-за спины косу и распущенными кончиком заводит по губам...

Глава двенадцатая

По воскресеньям я обычно отсыпался, но сегодня уже в семь сна у меня как не бывало. Предстояло два серьезных дела. Странно, что школа, всю жизнь роде бы равнодушная ко мне, тут вдруг ухватилась за меня, словно родное живое существо, почувствовавшее, что с ним собираются расстаться. Вчера, проводив после именин девчонок, мы с Васькой задумались, как же нам теперь размножить анкеты. Я заикнулся, что соседка, живущая под нами, – машинистка из отцовского управления. Забор подпрыгнул от радости, сплавил мне обе анкеты и благословил на новый подвиг. Вернувшись домой, я спросил у папы, не сможет ли он поговорить с тетей Верой, чтобы она сделала нам копии. Отец категорически отказался, ссылаясь на то, что он и по работе-то уже стесняется загружать ее – столько бумаг накопилось. И я решил действовать самостоятельно.

Я встал, потихоньку прибрал в комнате для разминки, склеил порванные вчера пленки, намазал кусок хлеба вареньем и, жуя, улегся опять, прислушиваясь к звукам внизу.

В общем-то, если не считать музыкальных стычек, я мирно жил с Ведьмановыми, даже раза два менял в их телевизоре лампы. Эта семья была тем необычна, что в ней отсутствовали мужчины. У тети Веры не было мужа, у Нэлки тоже не оказалось, а Анютка привыкнет к этому безмужью и, глядишь, туда же. Не знаю, в чем там дело, но скорее всего в пианино – шарахались наверно мужики от бряканья. Тут, видно, простой выбор: или муж, или бряканье. А может, и сложнее...

Часов в девять, когда наши уже встали и зуммер позвал меня завтракать, ведьмановские клавиши наконец проснулись. Не разобрав, кто там заупражнялся, я хвать тетрадку – и вниз. Дверь открыла тетя Вера. Бабушкой ее сделала Анютка, а сама по себе тетя Вера была моложе, стройней и, если честно, красивее моей матери, которой еще далеко до бабушки. И одевалась она всегда опрятно, даже когда спускалась в подвал за картошкой или когда выносила мусорное ведро.

– Доброе утро! – сказал я.

– Аскольд? Заходи.

Я вошел. На полу валялись игрушки, где-то смеялась Аньотка.

– Знаете, тетя Вера, я сегодня впервые с нетерпением ждал, когда у вас заиграет пианино!

– Очень приятно! – улыбнулась она.

– А я не рано?

– Сматря за чем.

– По делу.

– По делу всегда кстати. В комнату пройдем?

– Нет, я коротко. – Я расправил свернутую в трубку тетрадку, из которой торчали два папиных листка. – Нельзя ли вот это перепечатать? Для класса.

Тетя Вера взяла тетрадку, полистала, разглядывая количество и качество записей, и сказала:

– В принципе можно. К какому дню?

– К завтра бы, потому что завтра мы уже должны раздать анкеты. Это анкетные вопросы. У нас форум горит! – сказал я, торопливо стараясь подчеркнуть важность дела.

– Нет, Аскольд, к завтра не выйдет, – твердо ответила она, не считаясь с важностью, и еще раз прикинула объем работы. – В лучшем случае ко вторнику.

– Ко вторнику?.. Ну ладно, ко вторнику.

– А сколько экземпляров?

– Тридцать, которые в тетрадке, и шестьдесят, которые на листочках, – боязливо сказал я.

Тетя Вера ужаснулась:

– Что ты, Аскольд! Что ты, милый! Я думала, два-три, а ты – шестьдесят!.. Нет-нет! Да если я буду делать даже по пять закладок, и то, представляешь, сколько мне придется шлепать? Я же с ума сойду! Заставь-ка тебя одно и то же упражнение переписать десять раз!

Я понуро молчал, поняв, что она ведь действительно не автомат...

На шум из гостиной выглянула Нэлка, с кое-как схваченными на затылке волосами.

– Кто это?.. А-а, глушитель! Чего он хочет? – спросила она у матери, точно меня тут не было.

– Да вот перепечатать.

– Не печатай ему! Он вредный, не дает нам заниматься!

– Я уже не глушу.

– Два дня.

– И навсегда.

– Посмотрим! – Нэлка дернулась и исчезла, хлопнув дверью так, что пискнула защемленная игрушка.

Тетя Вера вздохнула:

– Вот такие дела, Аскольд, не могу. И не потому, конечно, что ты моих пианисток глущишь, а просто не в силах. Ведь объемные работы не для пишущих машинок. Тут надо снять кальку и печатать на светокопировальной установке.

Я насторожился.

– А в управлении она есть?

– Есть.

– И сколько это займет?

– Не знаю. Это у нас Нэля спец. Нэля! – позвала тетя Вера, и Нэлка тотчас вышла, в белой кофточке с большим вырезом. – Посмотри, сколько времени потребуется, чтобы снять вот с этого кальки и напечатать на вашей раме?

Нэлка включила свет и, небрежно-быстро посмотрев нашу писанину, авторитетно бросила:

– Три дня.

– Да меня же Забор убьет! – вырвалось у меня.

– Какой Забор? – спросила Нэлка.

– Комсорг наш.

– Ты уже комсомолец? – удивилась она, глянув на меня пристальней. – Ну и летит времечко! Давно ли я тебя учила пионерский галстук повязывать! Помнишь?

– Помню.

– И уже парняга!

– Да и ты уже мама, – заметила тетя Вера.

– Да, – печально согласилась Нэлка.

Вбежала Анютка и смело спросила меня:

– Ты чей?

– Это дядя Аскольд сверху, который нам с тобой бу-бу-бу делает, – пояснила Нэлка, и Анютка нахмурилась. – Но он больше не будет. Не будешь, дядя Аскольд?

– Ну, вы тут договаривайтесь, – сказала тетя Вера, – а мы пошли. Анюта, кушать!

– Иди, Анютка! – Нэлка подтолкнула дочку. – Раз дядя Аскольд бросил бубукать, то ему, может, стоит помочь.

– Стоит, стоит! – поддержала тетя Вера.

– А за два дня тебя Забор не убьет?

– За два, пожалуй, нет.

– Тогда давай разберемся в ваших каракулях.

И она провела меня в ближнюю комнату. Будучи домоседом, я любил присматриваться к чужой обстановке, особенно у людей странных. Слева – узкая, еще не заправленная кушетка с зеленым ковриком на стене, под цвет наката, в углу – здоровенная коряга-спрут, на щупальца которой накинуты три разноцветных шляпки; справа – однотумбовый стол, над ним – двухъярусная полочка с цветком и с десятком книг, а чуть в сторонке, в петлях из жилки, висели рулончики разных бумаг; против кушетки – невысокий трельяж, под которым, свернувшись по-кошачьи, лежала еще одна коряжина. Окно свободное – хорошо выглядывать, на полу – простенькая дорожка. Вроде ничего странного, хотя если Нэлка обитала здесь, а в гостиной бабушка с внучкой – я прежде видел там диван-кровать и маленькую койку, – то кто же тогда в третьей комнате? Уж не прячут ли там эти женщины трупы своих мужей, как Синяя Борода прятал своих жен?.. Веселенькая гипотеза!

На ходу подправив постель, Нэлка села на единственный стул и взглядела мне встать рядом, что я и сделал. Взяв карандаш и заводив им по строчкам, она стала читать, медленно, исправляя нечеткие буквы и стрелками переставляя некоторые слова. Второй же рукой в задумчивости принялась поигрывать верхней пуговицей кофточки, то расстегивая ее и чуть распахивая ворот, то застегивая. Я с колокольной своей высоты так и уставился обомлело на эту пуговицу и на этот ворот... Околдовывает, околдовывает, думал я, не в силах отвести глаз... Внезапно подняв голову и перехватив мой пугливо-отпрянувший взгляд, Нэлка усмехнулась одними уголками рта и спросила:

– Может, сесть хочешь?

– Ничего, я постою, – пробормотал я.

– Ну что ж, почерк сносный и вопросы игравые. Вот, например: «Есть ли у тебя друг, подруга?» Это в каком смысле?

– В половом, – храбро ответил я.

– Я так и подумала. А не рано ли?

– Какой же рано, когда я через два года могу жениться!

– Да? И женишься?

– Посмотрю.

Снова расстегнув пуговицу, Нэлка рассмеялась, ткнувшись лбом в тетрадку, но вдруг спохватилась:

– Собственно, чему я удивляюсь? Значит, тебе уже шестнадцать. А мне двадцать. Старуха.

– Ну да! – вырвалось у меня протестующе.

– Нет еще? Ну, спасибо! – Улыбаясь, она повернулась ко мне всем телом, схватила за локоть и прошептала энергично: – Слушай, Аскольд, возьми меня в жены, а? Я тебя подожду два года.

– Ладно, если анкеты сделаешь! – со смущенным восторгом согласился я.

– Сделаю!

– По рукам!

И мы весело хлопнулись ладонями.

– Так, завтра я начну копировать и... – Нэлка что-то прикинула в уме, – да, к концу вторника все будет готово. Но если ты меня очень сильно попросишь, я могу начать и сегодня. Тогда все будет готово уже завтра.

Я прямо простонал:

– Я тебя очень сильно прошу!

– Очень-очень?

– Очень-очень! В квадрате! В кубе!

– Ладно, Аскольд, – грустно проговорила она, – очень сильно просить ты еще не умеешь.

Кошкой кинувшаяся на меня в первый момент, Нэлка сейчас доверчиво притихла и сделалась вдруг такой своей и близкой, что будь это Валя, я бы, наверно, обнял ее и поцеловал, тем более что внешне они казались почти сверстницами. Как тетя Вера не выглядела бабушкой, так и Нэлка не выглядела мамой – просто девятиклассница, развившаяся скорее других. Во всяком случае, Мишка Зеф не упустил бы возможности познакомиться с ней. А я-то, тюха-матюха а-ля бревно, нечистая сила, помело! Все их помело – это пианино, на котором они рвутся взлететь, да не хватает сил, а тут еще я любезно давлю сверху. Мне стало досадно и неловко и за старое и вот за это, что я приплелся и хамски навязал людям свои дела, как будто у них нет собственных и, может быть, трижды важнее моих забот. Досада перешла в щемящую жалость и сострадание, и я внезапно спросил:

– Нэль, а где твой муж?

– Нету, – ответила она, ребячливо разведя руки.

– Но ведь был?

– И не был. Просто случилось однажды полное затмение. А знаешь, сколько длится полное солнечное затмение? Секунды – и все, и нету его. Вот такая астрономия была и со мной. Бойся, Аскольд, затмения! – Нэлка вздохнула, поднялась и вдруг, обозрев меня с макушки до пят, улыбнулась опять. – Ну и вымахал – ужас! Ну-ка, на сколько ты выше меня? – Она легонько прижалась ко мне грудью и ладонью отметила рост на моей щеке. – На полголовы! Ничего, девчонки высоких любят... Да-а, а почему ты, интересно, перестал глушить нас?

– Сама же говоришь – вырос.

– Этот рост ничего не значит!.. Хотя... вообще-то почему бы не значить?.. Ну, ладно, ступай. Я все сделаю и занесу. Или через Алексея Владимира передам.

Она повернула меня и подтолкнула в спину. Я вышел, не оглядываясь, радостно-встревоженный.

С первым делом было покончено.

Глава тринадцатая

Второе дело было ответственней.

К двенадцати часам я ждал к себе Валю. Это ведь не один на один, а при родителях. Отец определенно рассказал маме о той нашей встрече у завода, и они наверняка уже кое-что обсудили, но как пройдет эта очная ставка?.. Чем ближе подкатывало время, тем я больше волновался. А около двенадцати маме позарез потребовались колбаса и хлеб. Я пулей понесся в магазин, но как ни изворачивался в воскресных толпах, полчаса ухлопал. Прибежал – а Валя уже в кухне стрекочет с родителями.

– Oh, here is my pupil! (*О, вот мой ученик!*) – воскликнула Валя.

– Привет! – сказал я, улыбаясь.

– Not privet, but good afternoon. (*Не привет, а добрый день!*)

– Нет, привет!

– Вот видите, стесняется! – пожаловалась сокрушенно Валя. – Очень он у вас стеснительный!

– Yes! (*Да!*) – брякнул я, ставя сумку на стол.

Отец с Валей рассовывали по всяким щелкам какие-то маленькие бумажки. Я вынул из отрывного календаря и прочел: «О чём ты мечтаешь?» – а на обороте – «What are you dreaming about?»

– Что это?

– Научная организация труда, – ответил папа.

– Твои шпаргалки, – пояснила мама.

– Ходи и переводи, – сказала Валя. – Перевел – поверни, проверь и оставь там же... Это еще Светино наследство. И я учила, и вот опять пригодилось... Аскольд, раз десять повернешь, заменяй. Я принесла целую коробку – штук пятьсот.

Под общий смех я схватился за голову и, шатаясь, поплелся прочь. Но и в моей комнате Валя успела натыкать этих бумажек во все предметы. Они торчали, как ярлычки, точно все продавалось, – не жилье, а комиссионный магазин. Даже у бедного Мебиуса во рту белел квадратик. Я выдернул, усмехнувшись, и прочел: «Мне бы хотелось чего-нибудь горяченького, и как можно быстрей». Недурно, Меб! А на обороте – язык вывихнешь.

Валя зашла следом.

– В гостиной и в туалете то же самое. Но это для твоей самостоятельной работы. А вместе мы займемся другим. Ежедневно у нас будет три урока, по полчаса каждый: чтение текстов, заучивание наизусть отрывков и прослушивание записей – пластинки я тоже принесла.

– А в Лондон на практику мы поедем?

– Практику будешь проходить у Светы, как только я почувствую, что ты раскачался, – сухо сказала Валя. Еще у Ведьмановых Нэлка раззудила мою душу, и я о том лишь мечтал, чтобы скорее оказаться с Валей наедине и поцеловать ее. И вот мы наедине. Я ждал от Вали хотя бы какого-нибудь ласкового знака или жеста и даже приготовился мягко кивнуть: мол, понимаешь, родители, то да се, надо быть серьезнее, – но этого не было. Деловито выложив из сумки учебники и пластинки, Валя села на диван и озабоченно сказала:

– Начнем, а то позавчерашний день пролетел впустую.

– Не совсем, – возразил я.

– А что ты запомнил?

– Повторить? – с волнением спросил я.

Она поняла и хмуро бросила:

– Глупости, Эп!.. Пододвигай столик.

– Валь, что-нибудь случилось? – тревожно вырвалось у меня.

– Да нет... Ну, давай с вашего последнего Светиного урока, за который ты получил пару, – шепотом сказала она, но это был шепот не на ту тему, какой жаждал я.

Может, Валя узнала, что я Садовкиной руку целовал? Или что провожал Лену до дому? Или со Светланой Петровной поссорилась? Или наработалась вчера? Или мама походя что-нибудь ляпнула?.. Тогда почему бы не сказать?

Теряясь в догадках и мучаясь непониманием, я придинул журнальный столик, сел

напротив Вали, открыл учебник и, низко наклонив голову, начал читать, но голос мой пресекался, и глаза туманились. Валя закрыла текст рукой и вздохнула:

– Эп, так не пойдет! – Я поднял голову. Увидев мое лицо, Валя медленно свела свои брови шалашиком и тихо спросила: – Ты хочешь поцеловать меня?

– Да, – одним дыханием ответил я.

– Ну, поцелуй.

И склонилась ко мне. Я застыл на миг, потом быстро поцеловал ее и задохнулся. От внезапной легкости у меня выступили слезы. Я вскочил и отошел к столу проморгаться. Чувствуя стыд и радость, я вставил Мебиусу в рот выпавшую шпаргалку и вернулся, конфузливо улыбаясь.

Валя ласково кивнула.

– Не сердись, Эп! Все в порядке.

Читал я все равно скверно, зато с удовольствием, но Валя разбила меня в пух и прах. Замечания в общем-то сводились к одному: английский текст я читаю по-русски. Чтобы я глубже прочувствовал чудовищность своего произношения, Валя попросила записать на магнитофон ее и мое чтение отдельных фраз. Сам себя я часто прослушивал и не то чтобы восторгался своей тарабарщиной, но мне было как-то приятно, что вот я, русский пацан, шпарю по-аглицки, пусть непутево, но уж не до такой степени, чтобы настоящий англичанин не понял, ведь есть у них и заики и шепелявые, которых они как-то же понимают, но лишь тут, в сравнении, грустно убедился, что я беспросветный варвар...

Вместо получаса, первый урок длился полтора часа, да и то нас прервали – позвали есть. Валя навострилась было убежать домой, но папа поймал ее за руку.

– Куда?.. Аскольд, в чем дело?

– Не пускать! – сказал я.

– И не подумаю! Валя, ты сегодня наша гостья! Пусть Аскольд – недотепа, но мы люди симпатичные! – заверил отец и повел разулыбавшуюся Валю в гостиную.

– Ты бы вот, симпатичный, бороду сбрил, – ввернула мама, – а то пугаешь людей, как леший.

– А что, плохая борода?.. Валя, она тебе не нравится? Скажи «нет» – и давай ножницы.

– Скажи, скажи, Валюша! – подзадорила мама. – Поймаем его на слове, а то он все униливает!

Валя повернулась к отцу и, оценивающе оглядев его, авторитетно заключила:

– Зачем же? Прекрасная борода. И она вам, Алексей Владимирович, очень идет. Я даже догадываюсь, почему. У вас продолговатый нос, не совсем по лицу, а борода удлиняет лицо, и все становится нормальным.

– Разве? – удивился отец, ощупывая нос и бороду. – Вот не подозревал, что борода мне и теоретически положена. Так что, Римма Михайловна, прошу любить и жаловать!

Мама махнула рукой.

– Да носи ты ее, носи, свою метлу, только следи, чтобы она псиной не пахла!

Валя чуть хохотнула, а я нервно поморщился. Меня бы сейчас и Никулин не рассмешил – такая во мне сидела настороженность. Будь я уверен, что весь обед пройдет в веселье и смехе, я бы, может, и расслабился, но, к сожалению, я был уверен в обратном: что родителям не до одних только шуток, когда к сыну пришла не просто девочка и не просто по делу – это-то они понимали. И мне ужасно хотелось, чтобы они понравились друг другу, поэтому я боялся за них за всех – как бы кто-нибудь не сказал или не сделал чего-то такого, что смутило бы или обидело другого. Особенно я опасался, конечно, за маму: она любила затевать скользкие разговоры, чтобы прозондировать моих друзей, как будто они были пришельцами из других миров и могли занести в наш дом неведомую заразу.

Мы сели крест-накрест, молодые и взрослые. Отец разложил салат. Есть я не хотел совершенно, но решил показать волчий аппетит, чтобы мама не придралась и не спросила опять, как у меня с утренним стулом.

Вилки затюкали по блюдцам.

Валя клевала отдельно горошины, отдельно кубики колбасы, отдельно кубики картошки. Мама торопилась, по привычке. Папа ел крупно и аккуратно, чтобы ни крошки с губ не

сорвалось, иначе все будет в бороде. Молчали. Молчание меня тревожило, как и разговор. Быстрее всех прикончил салат папа и, убедившись, что борода в порядке, спросил:

– Валя, а не замаял тебя Аскольд?
– Что вы! Он на лету хватает!

– Почему же он в школе не хватает на лету? – слукавил отец, но, спохватившись, что ария немножко не из той оперы, быстро продолжил: – Да-а, жуткое дело – чужой язык!.. Я, например, немецкий шесть лет в школе долдонил да пять в институте, а в прошлом году отправили меня в ГДР опытом делиться – со стыда сгорел. Ни бэ ни мэ! Вот ведь какая кирилломефодика!.. А русский взять?.. Для иностранца это китайская грамота, какой свет не видел!..

– А знаете, есть, наверно, какое-то общешкольное отношение к иностранному, и его трудно изменить, – сказала Валя.

– Возможно, – согласился папа. – Даже наверняка. Вот у нас на заводах сплошь и рядом встречается такая вещь: не идет изделие – и все! Техническая сторона решена полностью, а не идет! Отношение! Пока не переломишь отношение – не жди успеха. Это ты, Валя, верно заметила.

Валя обрадованно подхватила:

– Конечно! А больше чем объяснить?.. Вот у Аскольда английский не любят, хотя сестра моя, по-моему, отличный преподаватель, а у нас, в седьмой школе, любят!

– Валя, а ты разве в седьмой учишься? – спросила мама.

– Да.

– Это не у вас перед Новым годом десятиклассница родила?

Пожалуйста, зонд пущен!

Странно, что именно вот такие любовно-свадебно-родильные разговоры вспыхивают вокруг меня в последнее время на каждом шагу. Тут не хочешь, да задумаешься об отношениях между мужчинами и женщинами. Но одно дело – думать, другое – говорить. Я кинул испуганный взгляд сперва на маму, потом икоса на Валю, которая, ничуть не смущившись, отозвалась:

– У нас... Ох и шума было!
– Еще бы!
– А почему? Родила же она не просто так.
– Просто так никто, Валюша, не рожает!

– Ну, я имею в виду, что у нее есть муж, одноклассник. Не настоящий, конечно, муж, а

друг. Они пока не расписаны, но вот-вот. И у них любовь. – Мама гмыкнула. – Вы не верите,

Римма Михайловна, что в десятом классе может быть любовь?

– Почему же, верю. Любовь может быть и даже необходима. Но у любви есть ступеньки, лестничные площадки, этажи, наконец! Любовь – это, если угодно, небоскреб, на который

нужно умело подняться! – выговорила мама и повернулась к отцу. – Алексей Владимирович, это правильно по-инженерному?

Чуть пожав плечами папа ответил:

– По инженерному-то правильно...

– Ой, не знаю! – горячо вздохнула Валя, прикрыв ладонью глаза и тут же убрав руку. – По-моему, если любовь – это небоскреб, то – пусть это и неправильно по-инженерному – никаких там ступенек и этажей нет, а молниеносный лифт: раз – и на крыше!

– Да-да, – вроде бы поддакнула мама, – так и эти ребятки решили, раз – и на крыше, два – и ребенок!

– А разве это плохо – маленький гражданин? – удивилась Валя.

– Гражданчиков выращивают граждане, а не зеленые стручки, у которых едва проклонулось чувство, первенецкое, чистенецкое, как в него – бух! – пеленки и горшки!.. В голове сквозняк с транзисторным свистом, танцульки, хиханьки да хаханьки, а на руках – ребенок. Нелепость!.. И этот мальчишка вот-вот, зажавши уши, без оглядки удерет от своей возлюбленной! – сурово закончила мама.

Валя, потупившись, сказала:

– Да, он на время вернулся к своим.

– Уже? Вот видите!

– Это чтобы десятый класс закончить, – торопливо и неуверенно пояснила Валя.

– Ага! – воскликнула мама. – Ему, значит, надо десятый закончить, а на нее плевать?.. Вот так она, дитя в квадрате, и останется на бобах: с ребенком, без мужа и без образования!.. Далеко ходить не надо – вон, под нами, юная клушка сидит! Девочка, цветочек, а уже мать-одиночка! – Словно специально дождавшись этого момента, чтобы образней подкрепить мамину мысль, у Ведьмановых заиграло пианино. – Пожалуйста – тоску разгоняет!.. А вашей совсем худо. Ну, куда она теперь с девятью классами, с этим огарком?

– У вас, Римма Михайловна, очень мрачный взгляд на жизнь, – тихо сказала Валя.

– Не мрачный, Валюша, а точный!

Мне был до стыда неприятен этот спор, я силился вмешаться, но не находил никаких контрмыслей и в поисках спасения глянул на отца. Его, наверно, сейчас беспокоил не столько любовный небоскреб, сколько треснувшие цокольные панели, из-за которых ему грозила тюремная решетка, но тем не менее папа, кажется, внимательно слушал разговор. Поймав мой тревожный взгляд, он кивнул мне, постучал вилкой о блюдце и сказал:

– Нет-нет Римма Михайловна, именно мрачный. Хотя бы потому, что вы не даете нам супа.

– Ой, простите! – спохватилась мама. – Вечные вопросы!.. Отец, неси супницу!

– Я, мам, принесу!

Опасность миновала. Не знаю, что там вывела для себя мама, но я, несмотря на отвращение к этому зондированию, вывел, что Валя – молодец, не сдалась! Я подхватил тяжелую фарфоровую супницу и на радостях чуть не хрюпнул ее о косяк.

Стол уже очистили для больших тарелок. Валя встала, чтобы помочь разливать суп, но мама усадила ее, говоря, что, мол, будь уж сегодня настоящей гостьей, а вот в следующий раз... И после короткого многозначительного молчания вдруг со вздрогом серьезностью упрекнула меня за то, что я не могу натренировать своего бездельника Мебиуса выполнять какую-нибудь кухонную операцию – вот хотя бы оборудовать поварешкой.

– Куда мне, с огарком, – буркнул я.

– Знаю, над чем ты подтруниваешь! Мол, мать лирику развела, а мы физики! У нас в туалетах музыка играет!.. А я вам и как физикам сделаю вливание, хотите?

– Я сдаюсь! – быстро сказала Валя.

– Ну-ка, мам!

– Пожалуйста. Только есть не забывайте. – Она налила последнюю тарелку – себе – и села. – У одной старушки из нашего дома в желудке нехорошая опухоль, не за едой будь сказано...

– У кого? – спросил я.

– Не имеет значения. Оперировать не дается – зарежут, говорит, чтобы пенсию не давать. Словом, оперироваться – ни в какую!

– У нее рак? – горько спросила Валя, щупая свой живот.

– Да.

– Ужас! – выдохнула Валя. – И не знают, как лечить?

– Знают. Существуют лучи, которые убивают злокачественные клетки, но они же убивают и здоровые. Как спасти человека?.. Физическая проблема. Спасайте!

Сначала я перебрал в уме всех бабок нашего дома – у кого же рак? – но ни к чему не пришел и углубился в физическую проблему. И тут же предложил:

– Сделать укол, чтобы здоровые ткани не боялись лучей!

– Такого препарата нет.

– Вывести желудок наружу! – торопливо, точно больная умирает на глазах, сказала Валя.

– Это опасная операция.

– А если сперва слабую дозу, а потом... – вслух подумал я, но сам же отверг идею.

– А через пищевод? – неуверенно спросила Валя.

– Все равно заденет ткани.

– А-а! – вдруг воскликнул я и аж вскочил, размахивая ложкой. – Надо пустить лучи рассеянным пучком, неопасным, а линзой сфокусировать их в желудке!

Мама, спокойно хлебавшая суп, перестала есть, удивленно вскинула брови и сказала:

- Верно.
- Ура-а! – крикнул я.
- Ура-а! – подхватила Валя.
- Ура! – коротко поддержал папа.

Я был на седьмом небе, как будто действительно спас неведомую бабушку, а заодно и себя, и Валю, и всех пятнадцатилетних вообще. Нет, уважаемая Римма Михайловна, восемь классов – это все же вам не свечной огарок!

Глава четырнадцатая

В понедельник анкеты не появились – или Нэлка не смогла, или я все же не сумел ее очень сильно попросить. Надо было, видно, конфет купить или шоколадку!.. Появились они во вторник вечером. Вручая мне тяжелую, перехваченную шпагатом стопу бумаг, отец с довольной улыбкой проворчал, что мало мне отвлечь от работы главного инженера, так я еще и пол-управления мобилизовал. Листы, плотные и остро пахнущие нашатырным спиртом, были четко заполнены темным текстом, написанным чертежным шрифтом: вопросы – слева, место для ответов – справа. Молодец, Нэлка! Ух, какая молодчина!

Я так и отнес кипу в школу – не развязывая. От волнения глаза Васькины еще больше углубились и там, в глубине, расширились: видно, он только сейчас вполне оценил нешуточность нашей затеи. На первой же перемене комсорг торжественно раздал анкеты. Я бы мог еще дома отделить себе листы, но мне хотелось получить их принародно. И я получил и гордо сел рассматривать.

Напомнив, что анкета анонимная и что никого не вздуют и не потащат к директору ни за какие ответы, Забор объявил, что надо немедленно избрать комиссию из трех человек, штаб будущего форума, который будет изучать анкетные результаты. Девчонки тотчас выдвинули меня. Прослышиав, что я целую дамам ручки, они прямо ошалели от восторга, улыбались, любезничали, всем я понадобился, только и слышно: «Эп!» да «Эп!» Надо было еще в первом классе поцеловать какую-нибудь Марусю – и был бы все десять лет счастливчиком! Или, наоборот, пропал бы, потому что девчачья любовь сводилась к выдвижению в начальство. Так что я не только влетел в комиссию, но и оказался ее председателем.

Проглядев анкеты, Шулин растерялся:

- Эп, а вот эти-то куда, в Черемшанку отсыпать?
- Долго. Пусть тетка с дядькой заполнят.
- Да плевать они хотели!
- А ты объясни, что это важно.
- Объяснишь им!.. Слушай, Эп, приди-ка ты лучше сам и объясни. Они тебя слушают. Да и мне поможешь, а то тут, смотри сколько понаворочено! «Способный ли ты?» А почем я знаю?
- Неужели не чувствуешь?
- Мало ли что я чувствую!
- Вот и напишешь.
- Нет, Эп, ты приди!.. А это что? «Мужской или женский пол умнее и развитее?» Мать честная!.. Мы же о девчонках и пацанах спрашивали!
- Это мы с Васькой обобщили!
- Сдурили! – воскликнул Авга. – Они обобщили, а мне отдувайся! Что я вам, академик?
- С тебя, балда, не научный трактат спрашивают, а личное мнение! Правильно или неправильно – все равно, лишь бы это были твои собственные мысли!
- Нет, Эп, ты приди.
- Ладно, приду... Да! – крикнул я, вскакивая. – Чтобы завтра же вернуть заполненные анкеты, иначе к субботе мы не успеем их проанализировать! – Во мне уже заговорил председатель комиссии. – И чтобы никаких отговорок!
- Значит, придешь? – не успокаивался Шулин.
- Приду. И, может, не один.

Я решил познакомить с Авгой Валю. Надо же когда-то размыкать наше одиночество, а то Валя и моих друзей почему-то избегает и со своими не сводит, даже провожать себя до дома не дает. Нам, конечно, и одним хорошо, но иногда тянет в общество.

И вот часов в пять, когда мы с ней от занимались по английскому, я предложил прогулку в Гусиный Лог. Валя слышала об этом районе тот же миф – что там рассадник хулиганства, – но согласилась.

Мы отправились.

Солнце палило уже целую неделю. Тысячи тонн влаги унеслось в небо, у заборчиков выссыпалася травка, деревья и кусты окутались зеленой дымкой, и вообще природа, по-моему, перескочила из зимы в лето.

Асфальт кончался на следующем перекрестке вместе с нашими домами, и от него как будто начиналась деревня, откуда по утрам доносились петушиное кукареканье. Здесь когда-то, в конце девятнадцатого века, родился наш город, и здесь постепенно умирал его старый облик. Через это деревянное поселение, изгибавшись коромыслом, тянулась к реке древняя булыжная мостовая, с проплещинами гравия, бетона или просто с ямами. Справа от мостовой и залегал Гусиный Лог – овраг, забитый домами. Через каждые шагов сорок в него врезались узкие улочки. С края, где лог только набирал уклон, домики стояли вольно и даже с огородиками, а дальше огородики сходили на нет, домики сближались. И всюду глухие заборы, прорези почтовых ящиков в них и таблички о злых собаках. Посреди улочки – промоина, забросанная шлаком, битым кирпичом, дырявой обувью и прочими отбросами. Ниже – круче, домики лезли на сваи и друг на друга, сеням уже не хватало места, и два дома иногда объединялись общим тамбурчиком: одному он подвал, другому – чердак. Не хватало места и заборам. И вообще улочка исчезала, это были просто как попало и куда попало ведущие ступеньки, сглаженные водой. Где-то там, на самом дне, протекала срамная, полупомойная Гусинка, птичий курорт. Что и когда загнало сюда и спрессовало людей в этой яме, не знаю. Город уже перешагнул ее: правее нашей улицы через лог перекинул огромный, на всю ширину проспекта мост, за оврагом уже сахарились отделанные мраморной крошкой панельные дома и вырисовывался железобетонный скелет чего-то гигантского. Снизу, от реки, на Гусинку наступают, загоняя ее в трубы и замыкая лог землесосами, но все это очень медленно, а пока – вот...

Валя держалась за мою руку и не о чем не спрашивала. Мы постояли у ступенек, хмуро-сосредоточенно поозирались, попринюхивались и вернулись немного назад – Авгина родня жила чуть выше, но тоже в тесноте. Маленький домик под толем, тополек между забором и окном да балка от калитки до сеней вдоль завалинки – и весь двор, а в полуเมตรе, за штакетником, звенел тугим проводом и давился лаем чужой пес. Мы тихонько вошли в

крохотные сени, целиком занятые тремя мешками картошки, ступили в кухоньку и чуть нечаянно не нырнули в открытое подполье, где трепетал бледный свет и откуда вырывалась веселая песня Шулина:

Нам электричество
Глухую тьму разбудит,
Нам электричество
Пахать и сеять будет,
Нам электричество
Заменит всякий труд:
Нажал на кнопку – чик-чирик! –
Все тут как тут!

Мы заглянули вниз. Подполье было вырыто пирамидой и не глубоко. На земляной приступочке горела свеча. Шулин, закутавшись в фуфайку мотал головой в такт словам, отрывал от картошки ростки и швырял ее в ведро, привязанное к веревке.

Нас электричество
От голода избавит,
Нас электричество
Продуктами завалит,
Нам электричество
Даст водки с колбасой:
Нажал на кнопку – чик-чирик! –
И ты уже косой!

Я знал, что в следующем куплете электричество заменяло пап и мам, и, чтобы не рассекречивать этого дела, решить сорвать Шулину концерт и потянул за веревку.

– Э-э-э! – завопил Авга, судорожно хватая ведро.

– Антракт! – пробасил я.

– Эп, ты?

– Я.

– Сдурел, мать честная! – громыхнул Шулин. – Ты же напугал меня, как этот!.. Фу, аж руки затряслись!

– Не ругаться: у нас дама.

Авга ухватился за край люка и, кряхтя, подтянулся, как на турнике. Увидя Валю, он вдруг разинул рот, качнулся и свалился вниз. Но тут же, улыбаясь, появился опять, рывком сел на пол и охлопал грязные руки.

– Познакомьтесь, – сказал я не совсем уверенно. – Это Валя. А это Август, мой друг.

– Август? – переспросила Валя.

– Да! – со смаком подтвердил Шулин и царски простер руку. – Тридцатый год правления Октавиана Августа считается первым годом новой эры!.. Новой эры не обещаю, но могу спорить, что во всех школах города Август – я единственный!

– Пожалуй! – согласилась Валя.

– Да и Аскольды на дорогах не валяются! – напомнил я.

– Точно, имена у нас аховские! – сказал Авга. – А это хорошо, что вы пришли. Только знаете что, займитесь чем-нибудь с полчасика, а? Я тут еще маленько повожусь. До тетки надо картошку перебрать. Мешка полтора осталось.

– А есть во что переодеться? – спросила Валя.

– Зачем?

– Поможем императору Августу перебрать картошку!

– Да бросьте вы!

– Да-да, Октавиан, давай тряпки! – сказал я.

Видя, что мы настроились решительно, Авга охотно отыскал нам кое-какую одежду. Валя

шмыгнула в горницу, а я нетерпеливым кивком спросил Шулина: ну, мол, как моя знакомая? Авга лихо выставил большой палец и тут же вопросительно дернул подбородком: мол, кто такая и откуда. Я сделал торжественный жест: дескать, спокойнее, не все сразу. Путаясь в длинном подоле и оттопыривая излишнюю ширину пояса, где уместились бы еще мы с Авгой, появилась Валя и, еле сдерживая смех, покружилась перед нами. В этом стареньком цветастом платье она была так по-домашнему мила, что у меня защемило сердце... Авга же, хохоча нахлобучил нам еще кепки, и, словно беспризорники, мы сошли вниз.

У стены мерзко застыли ползущие вверх толстые бледно-фиолетовые ростки. Пламя свечи колебалось, в глубине шатались таинственные тени, резко пахло плесенью.

Хозяева прозевали переборку картошки: она уже сморщилась, одрябла и сильно проросла, сплетаясь в один комок. Мы дружно захрумкали ростками и застучали картошинами по ведру. Валя сказала, что впервые сидит в подполье. Шулин заметил, что разве это подполье, вот у них, в Черемшанке, подполье так подполье – дворец, а не жалкая яма, там каждому овощу свой этаж и свой отсек. И пошел, пошел говорить, рассказывать про деревенское житье-бытье, и все Вале: приглянулась она ему, видно. И пусть, я рад.

Накопился мусор, Авга вылез, отнес бак с ростками куда-то на улицу, наверно, в ту же промоину, потом сел на корточки у люка и с широкой улыбкой, забавно перекосив голову, стал любоваться нами.

– Ты чего? – спросил я.

– Да уж больно вы сейчас на моих братцев и сестриц похожи, прямо вылитые. Ряженые и смешные. Так бы и не выпускал вас из подполья! – любовно заключил он.

– Август, – тихо спросила Валя, – а у вас дома все по месяцам названы?

– Только двое: я да телка Апреля, серьезно ответил он. – Остальные – кто как. Семья здоровая! Уйдем на Лебяжье болото – косить ли, по ягоду, – деревня как вымрет.

– Лебяжье болото?

– Ага.

– Хм, странно... – протянула Валя. – У вас Лебяжье болото, а у нас Лебединое озеро.

– Где это?

– В оперном.

– А-а, ну так в оперном!.. То сказочка, а то правда. Там феи, да принцы, да музыка волшебная, а у нас – о-о!.. Сядем на покосе перекурить, а из кустов – лось, вот с такой мордой-сапогом! А батя его матюгом как шуганет – только треск пойдет! Вот вам вся музыка и все феи! По правде всегда грубее... Я сегодня письмо от Райки получил. Помнишь ее, Эп?

– Райку-то, еще бы!

– Не письмо, а комедия. Хотите прочитаю?

– Ну-ка, – сказал я.

Иногда Шулин прямо завораживал меня – и я говорить начинал его словечками и с его интонацией, и слушал, по-шулински разинув рот. Я вообще какой-то переимчивый: что-нибудь да перехвачу у человека, который мне нравится, и порой ловлю себя на том, что вот проскользнуло отцовское, вот Васькино, а вот Авгино, и лишь от мамы ничего, кажется, не взял – неужели я ее мало люблю? И хорошо, если перенятое химически соединяется с моим кровным, а вдруг это простая смесь, как монеты в копилке, – стоит меня толком вытрясти, и я смертельно опустею?..

Авга принес конверт, сколупнул с него какие-то крошки, вынул листочки и, свесив ноги в подполье, стал читать:

– «Дорогой брат Август, Пишет тебе Рая. Во-первых строках своего письма сообщаю, что все мы живы и здоровы и желаем тебе того же самого. Правда, мама прихвортнула маленько животом, но потом поправилась, а папка вчера снова напился, пришел и начал табуретки ломать. Которая из листвянки никак не ломалась. Он ее и на пол кидал и о порог бил, а потом принес топор. Мама с Петькой на руках выскочила в окно и спряталась у Сучковых. Папка бегал искать ее, но не нашел, а только топор потерял. А мы с Галкой залезли под кровать и давай реветь. Он вытащил нас. Лицо у него было в крови, он был в одних кальсонах и начал делать ласточку и велел нам держать ему руки и ноги. Но ласточка у него не получалась, он все падал и ругался, а потом упал на кровать и заснул. А утром чинил табуретки. У меня за год

будет две тройки, остальные четверки. А как у тебя? Приезжай скорей, нынче будет много земляники. Я такая же: все хохочу, хохочу и сама не знаю над чем. Если у тебя есть красивые фантики, то вышли. Костя их копит и все время возле сельпо бегает. Но фантики у нас некрасивые или конфеты совсем без фантиков. Привет дяде Ване и тете Кате. Пока до свидания. Рая».

Авга замолчал и некоторое время задумчиво глядел на свечу, потом сунул листы в конверт и вздохнул:

– Вот такие у нас феи и принцы!..

Ни слова не говоря я выдral, как из кошмы, пучок картошки и, медленно очищая, стал бросать в ведро. Валя присоединилась ко мне, потом спрыгнул и Шулин. Потихоньку мы снова разговорились, но ни о деревне, ни о письме больше не заикались, хотя делающий ласточку дядя Степа, окровавленный и в кальсонах, не выходил у меня из головы.

Глава пятнадцатая

Тетя Катя и дядя Ваня пришли в тот момент, когда мы, покончив с картошкой, выкарабкивались из подполья. Тетя Катя охнула, всплеснула руками и, суется, заприговаривала: ой, да кто же это у нас, да сколько помощников, да сейчас она рыбы нажарит – как чуяла, полную сумку с аванса купила. Сиял и дядя Ваня, мужичок – кожа да кости. Авга познакомил хозяев с Валей, тетя Катя долго не выпускала Валину руку, все повторяя, что очень-очень радехонька, что девчата не заглядывали к ним, почитай с прошлого года, когда Петью в армию проводили, что Август все робеет и что дай бог делу наладиться.

Или Авга когда-то нажужжал своим родным обо мне что-то хорошее чересчур, или еще по какой причине, но относились ко мне в этом доме слишком хорошо, так что даже неловко порой бывало, точно меня, как Хлестакова, принимали тут не за того и заблуждение это вот-вот разъяснится.

Валя заняла рукомойник в углу кухни, а мы с Авгой, налив из кадки полведра, вышли сполоснуться на крыльце. Шулин напился через край и отдуваясь, сказал:

– Валя, значит? Снегирева?.. Я ее где-то видел, кажется. – Авга коротко хохотнул: – Тетя Катя шумнула посудой, а сама потихоньку спрашивает, мол, чья девчонка-то? Я кивнул на тебя. Она: «Так и думала, – говорит. – Где, – говорит, – тебе такую заиметь!» Ох, уж эти кумушки! – Он плеснул мне на руки. – А я-то думал – все, ты с той Ленкой закрутишь, у Садовкиных-то!

– Тише, балда!

– Молчу, как рыба об лед! – прошептал Авга. – А чего ж ты сиротой прикидывался?

– Да мы всего семь дней знакомы.

– А-а!.. Славная снегириха!

– Чш-ш! Дай-ка! – Я весь ковш ухнул Авге за шиворот, но он, черт, только блаженно закряхтел.

На печи уже шипела в двух сковородах камбала. Валя, переодетая, сидела в горнице за круглым столом, который едва помещался между кроватью, диваном и шифоньером. На белой свежей скатерти с еще не расправившимися сгибами стояли колбаса, соленые огурцы и холодная картошка в мундире. Тетя Катя принесла какую-то темную, с тряпичной пробкой бутылку, при виде которой у дяди Вани дернулся кадык, вытерла ее передником, спросила, не попробует ли кто из нас самогонки, и, убедившись, довольная, что никто, налила две стопки. Счастливо глянув на нашу троицу и сказав «ну», хозяева выпили. Тетя Катя выпила легко и празднично, а дядя Ваня как сморщился после глотка, так с минуту не мог расправить лица и вдохнуть. Потом зажевал огурцом и прошамкал:

– Меня вот что интересует. Вот вы друзья нашего Августа, и вот вы мне скажите начистоту: дотянет он десятилетку или нет?.. Только в глаза глядите!

– Дотяну-у! – уверил Авга.

– Не у тебя спрашиваю! – отрезал дядя Ваня. – Ты, я знаю, наплетеши сейчас семь верст до небес и все лесом. Болтун в отца! А я вот хочу умных людей послушать!

– Не только дотянет, дядя Ваня, но и закончит вполне прилично, – серьезно ответил я.

– Прилично? Вот ведь и вам успел напылить! – разочарованно сказал дядя Ваня, махнув

рукой.

– А вы сомневаетесь? – спросила Валя.

– И очень даже, дочка!

– А почему? – удивился я.

– Да кто когда из Шулиных кончал десять классов? Кто?.. Я со Степаном – нет, тетя Тая – нет, тетя Маша – нет. Ну, нас-то со Степаном, положим, война подкузьмила. Возьмем молодых! Твои братья Венька и Витька – нет, мой Петька – нет, тети Таины обе дурехи – стрелочницы, тети Машин Семка еще не подрос, но и так видно – оболтус. Ну, никого! Бог не дал!

– Вот с меня и начнется, – сказал Авга.

– Эх, начинатель! Петр Первый!

– Август Первый, дядя Ваня! – поправил Шулин.

– Ага, вот дядьку поддеть ты мастак!

– Нет, правда, дядя Ваня, вот увидишь, как за мной из Лебяжьего болота косяк грамотных Шулиных вылетит! – примирительно-добродушно воскликнул Авга. – Ты у меня еще значок пощупаешь, когда я после института прикачу к тебе инженером-геологом! Ты мне еще бутылочку за это поставишь!

– Геолог! – усмехнулся дядя Ваня, оставшись, кажется, довольным речью племянника. – Какой ты геолог, когда я тебя уже десять раз просил накопать у Гусинки червей, а ты...

– Я тебе трижды накапывал! И они протухали. Даже сейчас вон тухлые под крыльцом стоят!

Я чувствовал, что тетя Катя вот-вот вмешается в разговор, не потому, что не о том говорят, а потому, что обходятся без нее. И она вмешалась:

– Постыдились бы людей, споруны! Да и мне ваша ерунда надоела. Молчи, старый! Как выпьешь, так начинаешь. Какое наше дело! Кончит – хорошо, нет – работать пойдет! Наше дело вот – накормить да обстират!

– Работать – другой оборот! – оживился дядя Ваня, потянулся было к темной бутылке, но тетя Катя на лету отвела руку, и он опять куснул огурец. – Вот я и говорю Августу: не майся, говорю, а иди в рабочий класс! К нам! И будешь хозяином жизни!

– Да какой ты рабочий? – сказала тетя Катя. – Какой хозяин? Горе луковое! Умеет гвозди бить – и на том спасибо! Рвался, правда, лет двадцать назад в настоящие рабочие, переживал, бегал, читал что-то, а потом все выдуло.

– Ну-ну, мать! – придержал дядя Ваня.

– Что ну-ну то?.. Теперь, Август прав, тебя и на рыбалку не вытуришь, хоть и река под боком. Вон старик Перышкин два раза на дню бегает и каждый раз – по ведру!

– Старик Перышкин – бездельник, а я...

– Молчи уж! А вы, ребятки, учитесь, накачивайте головы! Голова, она никому не мешает, ни рабочему, ни инженеру. Голова – сама по себе ценность. С ней хоть куда!

– Ты, мать, не сталкивай поколения!

– А ты, поколение, ешь лучше! Нечего один огурец мусолить. И так гремишь костями! – выговорила тетя Катя и придвинула дяде Ване колбасу. – И вы ешьте, ребятки!

Воспользовавшись затишьем, я сказал, что и у нас есть к ним важный разговор. Они со смешным вниманием подобрались, и я пояснил дело с анкетами.

– Исполним! – твердо сказала тетя Катя. – Для вас-то, господи, что угодно исполним!

– Можете даже фамилию свою не подписывать, если будет неловко, – заметил я.

– Нет, зачем же? Все подпишем, как надо, по-людски! Чего нам прятаться? Подпишем, не беспокойтесь!

Появилась рыба, под которую дядя Ваня снова выпил, а затем несколько раз некстати включался в нашу беседу, потом махнул рукой, сказал, что лучше посмотреть телевизор, повалился с табуретки на кровать и мигом захрапел.

– Авга, – шепнул я, – всю анкету посмотрел?

– Всю.

– Много затруднений?

– Если нужно, как ты говоришь, именно мое мнение, то никаких. Свое-то мнение у меня есть.

– Ох, и жук!

– Нет, я просто тугодум. Мне нужно – как это там, в физике-то? – инерцию набрать. А наберу – держись только. Маховик у меня здоровый! – весело пояснил Шулин.

Спохватившись, что вечереет, мы поднялись. Прощаясь, устало разморенная тетя Катя просила извинить ее старика и почаше заглядывать к ним. Мы пообещали. Шулин проводил нас за ворота и, кивнув на свой дом, сказал:

– Видали?.. Вот такой парламент каждую пятницу. Считает свою жизнь меркой и заманивает. Хорошо, хоть злости в нем нет, как в бате, а то бы я покрякал. И тете Кате спасибо: понимает. Э-э, пустяк! Смотрите-ка! – кивнул он на ярко-красный закат. – Скоро первая гроза ухнет. Надо искупаться в ней: весь год будет везучим!

Низко летали стрижи, в овраге уже темнело, и от Гусинки сильно тянуло теплой, влажной затхлостью. Дальние домики казались улитками, выползающими из первобытной сырости.

Наверху оврага было светлей и радостней – бегали машины, гуляли люди, высились новые дома, а над ними кружили голуби, старательно перемешивая сгущающийся вечер и не давая ему отстояться.

– Август мне понравился, – тихо сказала Валя. – Это он хорошо заметил, что по правде бывает грубее.

– Ты о чем?

– Вообще о жизни.

– Да, Шулину, конечно, трудно, но он настырный, идет вперед напролом, как лось, не промажет! – сказал я, поймал Валину руку и стал качать ее.

Некоторое время мы опять молчали, потом Валя, остановив наши руки, вдруг спросила:

– Эп, а ту Раю ты откуда знаешь?

– Какую?

– Сестру Августа.

– А-а, был у них зимой.

– Она тебе нравится?

– Забавная.

– А сколько ей лет?

– В третьем классе.

– Всего лишь? – удивилась Валя. – А какое жуткое письмо!.. Я только раз помню отца пьяным, и то это было очень давно, еще до маминой смерти.

Я вздрогнул и спросил:

– А отец жив?

– Да, но он живет не с нами. Мы со Светой отпустили его к той женщине, которая любила его еще с института. У них уже свой ребенок, но папа бывает у нас. Он инженер, как и твой отец, только проектировщик. – Валя было взгрустнула, но оживилась опять. – Эп, а ты кем хочешь стать?

Я мигом воскресил перепалку за столом и решающие слова тети Кати. Проще тех слов и мудрее я ни от кого не слышал. Все было вокруг да около, а тут – сразу в десятку. Вот тебе и тетя Катя, кассирша с вокзала! Побольше бы нам таких тетей Кать. И я радостно ответил:

– Хочу стать с головой!

– А-а... – понимающие протянула Валя. Потом расцепила наши пальцы и двинулась по синусоиде, то отдаляясь, то приближаясь, а я, размышая, топал прямехонько, как по оси абсцисс. – Эп, а вот скажи: то, что мы с тобой вместе, – это маленькое или большое? – внезапно спросила Валя, приблизившись ко мне и более уже не отдаляясь.

По моим плечам пробежали мурашки, и я ответил:

– Для меня большое.

– Для меня тоже. Поцелуй меня! – шепнула она. Я оглянулся, нет ли кого поблизости, и Валя сразу нахмурилась. – Бояка ты, Эп! Тебе бы только темные коридоры!

– Вовсе нет, – смущенно возразил я.

Валя свернула к скверику. Там, под вечерним навесом тополиных веток, я настиг ее. И осторожно поцеловал трижды, по-брратски.

Глава шестнадцатая

Вчера мать с отцом ходили в гости, вернулись в двенадцатом часу, и я, поняв по устало улыбающимся лицам, что им не до анкет, даже не заикнулся о них да и свою не заполнил. Проштрафилось полкласса. Срок оттянули до завтра. Собравшись было корябать ответы левой рукой, чтобы обеспечить анонимность, я внезапно сообразил, что все это может написать Валя – тем более что секретов от нее у меня не было. Валя предупреждала, что сегодня немного задержится, но шел уже пятый час... Я копался в телевизоре, который в последнее время бессовестно бросил, как и однорукого беднягу Мебиуса. Я все бросил, кроме английского. Вот и сейчас маг работал, два голоса разыгрывали на английском языке сцену в продовольственном магазине. Сначала я ничегошеньки не улавливал, а по совету Вали просто привыкал к чужим звукам, потом стали прорезаться знакомые слова: «колбаса», «цена», «чек», всякие любезности, – наконец при пятом прослушивании понял почти все и сам вклинился в разговор.

Вдруг откуда-то донесся глухой раскат.

Я выглянул в окно и обмер.

Из-за ломаного горизонта дальних новостроек, со стороны Гусиного Лога на город наползала необъятная фиолетово-синяя туча. Она еще не созрела, в недрах ее клубились и медленно перемещались первобытные массы, мелькала трусливая белизна, но синь мрачно заглатывала ее, на глазах темнея, тяжелея и угрожающе спускалась вниз.

Шулин как в воду смотрел.

Звякнул телефон. Это была Валя. Она сказала, что просит прощения за опоздание и что, если я не против, к пяти придет. Я закричал, что, конечно же, не против, поцеловал трубку и запрыгал по коридору.

На улице потемнело.

Закрыв окна и желая по наущению Авги стать счастливым, я разделся до плавок, выскоцил на балкон и поднял лицо ко вздыбленным лохматым тучам.

Самая главная туча вдруг стриганула себя молнией по вздутому животу, и он кудлато-рыхло распустился до земли, прямо в Гусиный Лог – гроза началась. Я представил, с каким зверским воплем пляшет сейчас во дворе Шулин, и меня заранее пробрала дрожь.

Захлопали форточки, посыпалась стекла, на балконах загремели всякие крышки и фанерки. По тротуарам и дороге, схватившись за головы, неслись отвыкшие от стихийных шалостей люди, а над ними подпираемые столбами пыли, кувыркались в очумелом пилотаже обрывки газет, полиэтиленовые кульки, тряпки. Все уносилось прочь от наступавшего ливня, как от лесного пожара, – по земле и по воздуху. Густая сеть дождя приближалась.

С избытком хватив целебного душа, я прыгнул в комнату. Часы пробили пять. Я вздрогнул – Валя! В пять она должна приехать и, похоже, не из дома – значит, без плаща и зонта!.. Через пять секунд, я уже летел по лестнице. На улице стояла шуршащая стена дождя. Водяные джунгли! По дороге, как по каналу, поток несся к Гусиному Логу. Я представил, какой там сейчас кавардак, и на миг замер перед потоком, точно с мыслью, нельзя ли остановить его. Потом направник помчался к трамвайной остановке.

– Эп! – раздалось вдруг.

– Валя!

Моя Валя – как я и думал, без плаща и зонтика – обрадованно юркнула ко мне под болоньевое крыло.

– Эп, молодчина!.. Ой, да ты голый!

– В плавках. Некогда было.

И как-то сразу, чтобы уютнее уместиться под плащом, мы обнялись – я ее за плечи, она меня за пояс – и пошли четырехногим безголовым существом. А дождь лупцевал нас собаками и кошками, как говорят англичане, то есть лил как из ведра, ни на минуту не ослабевая.

Мы еще ни разу не ходили вот так, тесно прижавшись друг к другу всем боком, от плеч до бедер. Мы вообще мало прогуливались, да, и, гуляя, сцепляли только пальцы. Я мельком подумал, что уж не первое ли это счастье, принесенное грозовым омовением?.. И в подъезде мы не сняли плаща, а так и поднимались — молча обнявшись и в ногу. Лишь в коридоре Валя выскользнула, а я, вдруг устыдившись своей пляжности, плотно запахнулся. Вид мой, наверно, был карикатурен — косматая голова да две худые голые ноги, — и Валя тихонько рассмеялась, но тут же обхватила меня за шею. Мои руки нерешительно выползли из-под плаща и сошлись у нее за спиной. Такого тоже пока не случалось, чтобы в первый миг встречи мы были как в миг последний. Наши свидания всегда начинались робко и скованно. А тут, видно, гроза повлияла. Валю тоже омыло, лицо ее было мокрым, и я стал осторожно целовать его, собирая губами дождевые капли. Она не открывала глаз, а только поворачивалась, улавливая, где лягут мои поцелуи. А капли все катились и катились из волос... А когда — после тысячи поцелуев! — лоб ее, щеки и подбородок высохли, я скользнул к уху и к шее. Валя замерла, сбив дыхание, потом медленно разняла руки и, уперев их мне в грудь, прошептала:

— Эп, милый, ты замерз... Оденься...

— Да, да, — бессильно вымолвил я, почувствовав такую слабость, как будто неделю не ел.

Взяв с дивана штаны и рубашку, я заперся в ванной и минут пятнадцать сидел под горячим душем. Сначала меня била дрожь, потом тело стало успокаиваться. От круглого зеркала, которое из-за натыканых вокруг него лепестков-шпаргалок походило на ромашку и к которому с тыла был приделан динамик, брызнули «Червонные гитары», и я стал одеваться, сильный и ловкий, как прежде.

Музыка гремела во всех комнатах: Валя научилась управлять моей механизацией. Она сидела в кресле, поджав под себя ноги и задумчиво обметая губы кончиком косы. Привычно взглянув на меня, искоса и чуть исподлобья, она выключила магнитофон и внезапно спросила:

— Эп, а что это за Лена?

— Где?

— А вот.

Валя взяла с колен измятую многочисленными сгибами бумажку и помахала ею. Это была записка, которую мне передала сегодня Садовкина. Наташка даже пожурила меня, мол, что я сделал с ее подругами — одна приветы передает, другая шлет записки. Я только польщенно улыбался. Меня открыли! Наконец-то!.. Лена писала, что вспоминает меня и даже хочет увидеть снова, и не смогу ли я прийти сегодня к шести часам в Дом спорта «Динамо» поболеть за нее: она баскетболистка.

— А-а, эта!.. Я познакомился с ней на дне рождения у нашей одноклассницы.

– Когда это?

– В субботу, когда ты стирала.

– Не сочиняй, Эп, я не стирала!

– Ну, не знаю, что делала. Ты позвонила в субботу и сказала, что мы не встретимся потому, что накопилось много дел. Неужели забыла? Вспомни!

– А-а, в субботу!.. Да-да.

– Ну и вот. А тут как раз у Садовкиной день рождения. Я хотел тебя пригласить, но... Видишь, оставила меня одного – и сразу влюбились!

– А ты и рад, да?

– Шучу. Никто в меня не влюблялся.

– А это? – Валя опять помахала запиской.

– Так это не на свидание, а поболеть.

– Поболеть!.. А почему она Шулина не приглашает поболеть? И почему вспоминает именно тебя? – Валя опустила ноги на пол. – Эп, у вас с ней что-то было!

– Ничегошеньки!

– Но ты же танцевал с ней?

– И с другими.

– Но с ней больше, да?

– Пожалуй.

– Ну и вот!.. И целовались, да?

– Что ты! Только проводили толпой всех девчонок, и у подъезда Лена пожала мне руку.

– А другим жала?

– Не заметил.

– Ну вот! А ты говоришь, ничего не было.

– Да не было и нет! – воскликнул я.

– Эп, одно ее существование что-то да значит, – тихо и предостерегающе проговорила Валя.

– И что теперь, убить ее?

– Я сама ее убью!.. Липучки несчастные! Чуть глянешь на них – и все, прилипли!

– Да никто ко мне не лип!

– Не заступайся, Эп, я их знаю. – Она шумно вздохнула и опять подобрала ноги, отвернувшись к окну. – И что будешь делать? Скоро шесть.

– Я уже ответил, что не смогу прийти.

– Почему?

– Потому что у меня уроки с тобой.

– А если бы не было, пошел бы?

– Наверно.

– Считай, что уроков нет! – сказала Валя и поднялась.

– Ва-аля! – протянул я с улыбкой.

– Ступай-ступай, Эп! А то невежливо получается: тебя девочка приглашает, а ты отказываешься! Получается, что я тебе мешаю со своим английским.

– Это нечестно! – крикнул я.

– А утаивать честно? – спросила она тихо, но так, что лучше бы тоже крикнула.

– Я не утаивал, – бессильно сказал я.

– Ну да! Спасибо, что я записку случайно нашла.

– Случайно в золе находят или в мусорном ящике, разорванное на сто клочков! А тут целехонько лежит на столе. Я нарочно положил на виду.

Валя умолкла, удовлетворившись, кажется объяснением, потом, пристально глядя на меня, стала медленно рвать записку – раз, два, три, следя, не блеснет ли в моих глазах паника или тень скорби. Да, эта бумажка волновала меня, и, когда я писал Лене ответ, сердце мое сжималось от жалости, что не встретил ее до Валиной эры, когда я был готов полюбить всякого, кто полюбит меня, но теперь было поздно – Лена опоздала на какие-то три-четыре дня, а эти три-четыре дня стоили мне многих лет той прежней, пустынной жизни, где были десятки дней рождений, десятки вечеров и где никто ни разу не приветил меня... Что-то, видно,

проскользнуло в моем взгляде, потому что Валя вдруг устыдилась своей инквизиторской выходки, спрятала ключи в карман и, опустившись в кресло, потупилась.

— Эп, я, наверное, дура, — прощептала она, глянув на меня снизу; я увидел слезы в ее глазах и сам, ощущив внезапное жжение под веками, присел перед нею на корточки, придерживаясь за ее колени. — Конечно, дура, — уверенней добавила она, — но я хочу, чтобы ты был только моим!.. А ты хочешь, чтобы я была только твоей?

— Хочу, — еле слышно ответил я.

— Ну и вот. Поэтому не сердись.

— Я не сержусь.

— Да? — Валя несмело улыбнулась и вытерла пальцами глаза. — А скажи это по-английски.

— Не знаю.

— Ты учил сегодня?.

— Учил.

— Тогда скажи что-нибудь по-английски.

— I want to kiss you. (*Я хочу поцеловать тебя*) .

Я с тихой настойчивостью потянул ее к себе. Валя опустила на мое плечо руку и опять спросила:

— А ты правда не целовался с Леной?

— Правда.

— Что «правда»?

— Не целовался. Ну, как же я мог?.. И почему ты так легко говоришь это слово?

— Какое?

— «Целоваться».

— А как же его говорить?

— Не знаю, но я боюсь его...

— Ты-то боишься?.. А кто начал, а?

— Я, но... не говорил. Я написал.

Валя посерезнела, вглядываясь в меня с новым вниманием.

— И потом не говорил... И даже сейчас сказал по-английски!

— Ну, ну! А я, значит, легко болтаю! Я, значит, легкомысленная болтушка, так, Эп? — Я замотал головой. — Нет, ты именно так и думаешь!.. Хорошо же, тогда я и тебя сделаю легкомысленным! — заявила она и бросила вторую руку на мое плечо. — Скажи: «Я хочу...»

— Я хочу...

— «... поцеловать тебя!»

— ... поцеловать тебя! — без промедления повторил я.

— Ну, вот, теперь и ты болтун! И мы равны!.. Ох, Эп! — легко вздохнула Валя и стрельнула взглядом через мое плечо. — А Пушкин-то подглядывает!

— Он не осудит! Он сам это любил.

Валя осторожно подалась ко мне, и я коснулся губами ее холодных губ. И комната вдруг вспыхнула от солнечного света. Мы вскочили, как застигнутые врасплох... Это кончилась гроза, и от освобожденного солнца с вороватым сожалением отползали последние обрывки туч.

Глава семнадцатая

Валя охотно согласилась заполнить анкету и даже ладони потерла, ну, мол, сейчас я тебя насквозь разгляжу, хотя я и так был перед нею как стеклышико. Она села в кресло за журнальный столик, я — на диван. Мне был приятен этот миг, приятно было сознавать, что вот я, Аскольд Алексеевич Эпов, до сих пор живший сам в себе, открываюсь для других.

С вопросами я столько навозился, что все ответы я выдавал без задержки. Если мой ответ совпадал с Валиным, она удовлетворенно кивала, если нет — вскидывала брови.

— Твой любимый классический поэт?

— Пушкин.

— Так... А современный?

— Пушкин.

- Ты что, Эп, современных не читаешь?
- Не почитаю.
- Значит, не дорос еще.
- От Пушкина-то дорастать?
- Ладно-ладно, оставайся со своим Пушкиным, – сдалась Валя. – Твои любимые предметы?
- Математика и физика.
- Так... Нелюбимые?
- Один русский.
- Ой ли? – усомнилась Валя. – А английский?
- М-м...
- Не бойся, не обижусь.
- Я не боюсь. Просто мне стало интереснее. Нет, правда! Кстати, переведи одну фразу!.. Сейчас... М-м, ага! Here's a health to thee Mary!
- Твое здоровье, Мери.
- Правильно! А знаешь, откуда это?.. Эпиграф к стихам Пушкина:

Пью за здравие Мери.
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

У меня даже мысль появилась – выбрать из Пушкина все на английском языке, так, для интереса, хотя кто-то, наверно, давно уже выбрал и, может быть, даже защитил диссертацию.

- Эп, я же говорила, что в тебе спит англичанин и что я разбуджу его! Кажется, разбудила.
- А знаешь, Валя, он, по-моему, не спал, а дремал. Еще до тебя я Вовке Желтышеву придумал кличку Елоу. Все подхватили, но, конечно, на русский лад – Еловый!

Валя засмеялась, но тут же нахмурилась.

- Ага, значит, ты сам дремал, сам проснулся, а я тут ни при чем? – спросила она.
- Ну, что ты!.. Без тебя я бы, может, так и умер в полудреме! – признался я, и Валя просияла. – Кстати, я и тебе прозвище нашел – «Буллфинч».

Действительно, я прямо спятил с этим английским. Ложусь с ним и встаю, ем и пью, кричу и пою, даже спорю по-нерусски с Мебиусом. О том, что я все хватаю на лету, Валя сказала в тот раз нарочно, для родительского успокоения, она и сама еще не знала, как я потяну лямку, но скажи она это теперь – была бы права. Во мне вдруг пробились какие-то неведомые родники, просветленно-жгучие, и били без устали, освежая и обновляя меня. Казалось бы, ну что можно успеть за считанные дни, а вот успел!..

Анкетный свиток развивался дальше.

- О, приготовься, Эп! – оживилась Валя и впилась в меня лукавым взглядом. – Есть ли у тебя подруга?

Я гмыкнул и спросил:

- А ты как думаешь?
- Эп, не юли!
- Кажется, есть.
- Так и писать – «кажется»?
- Не знаю.

Валя испытующе посмотрела на меня, печально-осуждающе качнула головой и написала: «есть» – без «кажется». Слабый я человек: во мне что-то дрогнуло, и к векам мгновенно подступил влажный жар. А Валя продолжала:

- Куришь? Нет, – сама же ответила она. – Пьешь? Нет.
- Пью.
- Как пьешь?
- Как нальют: полстакана – полстакана, рюмку – рюмку. По праздникам, конечно.

– Ну и пьяница – насмелил! – развеселилась Валя. – По праздникам и я пью. Это не считается.

– А мы решили считать.

– Тогда у вас все алкоголиками будут.

– Вот и проверим.

– Ох, и влетит вам!.. Ну, ладно, поехали дальше... Хочешь ли ты оставить школу?

Сейчас острота этого вопроса притупилась, а последние дни все больше убеждали меня в том, что десятилетку оканчивать надо, иначе можно вывихнуть свою жизнь, но тут я решил проверить Валю и твердо ответил:

– Хочу.

– Эп, да ты что! – вала бросила ручку и выпрямилась. – Хочешь остаться со свечным огарком, как говорила Римма Михайловна?

– У нее же мрачный взгляд.

– Но и точный!.. Я это поняла! А в точности всегда, наверно, есть доля мрачности.

– А тебе ни разу не хотелось бежать из школы?

– Наоборот! Мне всегда хотелось бежать в школу, и только в школу, чтобы, кроме уроков, ни о чем не заботиться, а уроки для меня делать – это семечки щелкать! – Валя уже отвлеклась от моих дел и подключила свои переживания. – Правда, Эп! Та, будущая самостоятельность меня пугает!.. А вдруг это будет очень трудно? Вдруг я не справлюсь?

– Не пугайся, у тебя не будет самостоятельности, – сказал я, чувствуя, что готовлюсь к сальто-мортале.

– Почему это?

– Выйдешь замуж – и все! – крутанул я.

– А замуж – это что, не самостоятельность?

– Нет.

– Ух, ты, какой философ!

– А что, вон Евгений Онегин был философом в осьмнадцать лет, – напомнил я, возвращаясь в свой диапазон. – Мне вот-вот шестнадцать, пора начинать философствовать.

– Как, Эп, тебе разве будет шестнадцать? – удивилась Валя.

– Да, – печально подтвердил я. – Я с пятьдесят седьмого.

– А я с пятьдесят восьмого, и мне в июле будет уже пятнадцать, – радостно сообщила Валя.

– Дитя!.. А что было в пятьдесят восьмом?

Валя задумалась.

Конечно, сам по себе год рождения человека ничего не значит для его жизни. Например, отец мой родился в год смерти Репина, а мама – в год смерти Горького, но папа не стал

художником, а мама не стала писателем. А я вот появился на свет вечером 3 октября 1957 года, а 4 октября у нас запустили первый искусственный спутник Земли – как бы в честь меня. Это ли не намек на мое будущее? И я, полюбив физику с математикой, действительно рванулся туда. Пусть это смешно и даже глупо – стыковать случайные вещи, ведь в том же октябре родились еще тысячи самых разных людей, в том числе и ненавидящих физику с математикой, но уж очень хотелось увязать свою судьбу с мировыми событиями.

– Не помню. А зачем?

– Да так.

– Ой, темнишь, Эп! – Валя погрозила мне пальцем. – Или это и называется философствовать?.. А знаешь, мне иногда кажется по твоим глазам, голосу, мыслям, что ты взрослый и только прикидываешься мальчишкой. Правда, правда!

– А это плохо?

– Наоборот! Приятно иметь другом мальчишку и взрослого в одном лице. Как-то надежнее, – прошептала Валя. – Стой, а почему ты не в девятом?

– Я долго во втором классе проболел... Как подумаю, что остался бы всего год, так аж зубы ломит!

– Ничего, Эп, два года – тоже пустяк! Выдюжишь! Я тебе не дам скучать! – загадочно шурясь и подбадривающе кивая, сказала Валя. – Так я пишу «нет»?

– Если очень сильно попросишь.

– Ух ты, хитрый! Для него же – и еще просить! – легонько возмутилась она, но подошла ко мне, прижала мою голову к своему животу и, гладя ее, словно котенка, ласково заприговаривала: – Эпчик, миленький, хорошенъкий, пригоженький, не бросай школу, а то дурачком станешь, бякой, никто тебя любить не будет! – Я млел, улыбаясь и закрыв глаза: значит вот какая тут нужна шоколадка! – Хватит?

– Еще!

– Ишь, разнежился! Хватит, Эп!

Дальше особых разногласий не возникло, лишь когда я признал женский и мужской пол равными, Валя заметила, что женщины, наверное, хуже, а когда на вопрос, кто у нас глава семьи, ответил, что наша семья безголовая или двухголовая и что так и надо, Валя уверенно заявила, что это ошибка и что во главе семьи должен стоять мужчина, и даже пристукнула кулаком. На этом совместный труд наш закончился, Валя пожала мне руку, сказала, что по анкетным данным я парень хоть куда, а без анкет еще лучше, и вдруг спохватилась:

– Уроки-то, Эп! Я же еще уроки не сделала!

– А где же ты была до пяти? – спросил я.

– На свидании, – отшутилась она.

– А почему днем?

– Потому что вечером с тобой. – Она вскинула руки мне на плечи, ткнулась лбом в грудь, но, почувствовав, что я собираюсь обнять ее, живо отстранилась: – Все, все, Эп!.. Уж нельзя просто так прислониться!

– Нельзя.

– Проводишь?

– Через полчаса.

– Нет, Эп, сейчас. А то не успею.

– Уроки, уроки! – вздохнул я. – Они отправляют даже вот такие редкие минуты!.. Валя, а давай сегодня забудем про уроки, а! Сегодня было так хорошо!

– Не могу, Эп. Когда вечер, а уроки не сделаны, меня прямо сверлит всю! Хуже, чем голод.

– Ну десять минут!

– Эп!

– Ну хоть пять!

Валя покачала головой.

Я оделся и хмуро приоткрыл дверь нарочно лишая себя прощального поцелуя и этим думая наказать Валю, но она прижала дверь ногой и молча, чуть исподлобья, осуждающе-выжидающе уставилась на меня. Я не выдержал и поцеловал ее в щеку.

Было прохладно. Я накинул на Валины плечи свой плащ, оказавшийся ей почти до пяток, и взялся за пустой, как у инвалида, рукав.

Застекленные двери железнодорожных касс, сверкая, беспрерывно мотались, и люди, как пчелы у летка, так неугомонно сновали туда-сюда, что даже странным казалось, что они не взлетают, как пчелы.

Валя кивнула на кассы.

– Эп, давай купим билеты куда-нибудь далеко-далеко и без числа. Когда захотим, тогда и уедем.

– Вдвоем?

– Вдвоем.

– Давай.

Я запустил руку в карман плаща, нашупал сквозь тонкую материю Валину руку и сжал ее.

– Эп, – шепнула она, – я тебе завтра что-то скажу.

– Что?

– Что-то... Очень важное!

Я вздрогнул.

– Скажи сейчас.

– Сейчас этого еще нет.

– Чего этого?

– Ну того, что я хочу сказать.

– А откуда ты знаешь, что это завтра будет?

– Да уж знаю.

– А раз знаешь, можешь сказать сейчас.

– Нет, Эп, пока не сделаю, не скажу!

– Хм!.. Э-э, а завтра мы не сможем встретиться, – огорченно протянул я. – Завтра моя комиссия будет весь день обрабатывать анкеты. Я же председатель.

– Значит, послезавтра, в субботу.

– Послезавтра форум.

– Ну, тогда в воскресенье.

– Нет, Валь, это очень долго!

– Не долго, Эп. Было дольше.

– Тогда вот что, – вздрогнув, сказал я, осененный внезапной мыслью. – Завтра в двадцать один ноль-ноль я выйду в эфир. Лови меня. Я тебе тоже что-то скажу, ладно?

– Ладно, – тревожно согласилась она.

– Сверим часы.

У перекрестка Валя свернула к трамвайной остановке. Я послушно брел рядом, не желая больше ни продлевать свидание, ни даже о чем-либо говорить. Таинственное обещание Вали и мое собственное, сумасшедшее, окутали меня вдруг каким-то усыпительным теплом. Мысленно я уже перенесся туда, в завтрашний день, пытаясь угадать ее слова и повторяя свои, и поэтому расстался с Валей легко, почти радостно, словно это расставание приближало миг неведомых откровений...

Глава восемнадцатая

Валиных шпаргалок я не носил в школу, чтобы не выказывать своего неожиданного старания, стихи зубрил про себя, а бумажки, на которых то и дело писал новые слова, комкал и выбрасывал, так что никто в классе не догадывался, что я на всю катушку занимаюсь английским. Не знал и Авга. Эту неделю он не заходил к нам – утрами встречались на улице, а после уроков я задерживался со своей анкетной комиссией.

Отец с мамой укатили куда-то раным-рано. Я завтракал один, в десятый раз прокручивая на маге сцены в продовольственном магазине, и как-то забыл про время и про то, что надо поторопливаться. Смотрю: Шулин на пороге.

– Эп, ты жив?.. Я думал – помер! Кричу-кричу, свищу-свищу – хоть бы хны! Мы же опаздываем! – посыпал он, прокрадываясь ко мне в кухню, но вдруг замолк и настороженно

остановился, прислушиваясь. – Что это?

– Где?

– Да вот звучит.

– Английский, – спокойно сказал я.

– Но-о? И правда. Откуда?

– Мои записи.

– Твои?

– Йес, – важно ответил я, и тут во мне взыграло озорство, и я без запинки выдал выученный английский текст.

У Шулина отвисла челюсть.

– Э-эп! – только и выдавил он.

Я затащил ошеломленного Шулина к себе в комнату, показал ему шпаргалки, веерами торчавшие там и сям, пояснил, как ими пользоваться, потом завел в гостиную, в туалет и, наконец, в кухню, где над раковиной были прикноплены стихи Томаса Мура «Those evening bells», написанные четким Валиным почерком. Это доконало Авгу. Он сел на стул и, подняв брови так, что они исчезли под низким чубчиком, спросил:

– А я?

Ему, наверно, почудилось, что я на полных парусах уношусь в какой-то новый мир, умный и блестательный, а он, как дурак, остается в старом, замшелом мире.

– Что, и ты хочешь?

– Конечно!

– Хм!.. Вообще-то я думал о тебе, но потом закрутился. А раз так – давай!.. Для затравки выучим «Вечерний звон». Помнишь мотив? – И я, задрав голову, сведя брови и нежно дирижируя, тихо запел: – Those evening bells...

– Бэм-м, бэм-м!..

– Those evening bells...

– Ол райт! И на экзамене выдадим дуэт!

Шулин просиял.

– А этих леденцов не дашь?

– Каких?

– Бумажек со словами?

– Дам.

Я принес ему с полсотни уже выученных слов и высыпал в плотно, как для воды, стиснутые ладони. Шевеля толстыми губами, Шулин прочел про себя несколько фраз и усмехнулся:

– Леденцы!.. Сам додумался?

– Валя.

– Ах, эта птичка?

– Ты брось птичкать, – нахмурившись, заметил я. – Я же тебе говорил, что она сестра Светланы Петровны. И знаешь, как жарит по-английски?.. Вот и помогает двоичнику.

– Коню понятно, айлавью! – сказал Авга, пряча бумажки. – Везет же людям! Даже когда двойка – везет!.. А тут хоть бы маленький айлавьюнчик блеснул!

– Блеснет! – утешил я. – скажи вот лучше, что такое «сын свинью».

– Как – что такое?

– Ну, как это перевести на русский?

– Сын свинью-то?.. А что переводить, когда уже переведено. Сын, значит, зарезал свинью.

– Это понятно, но в том-то и фокус, что фраза и по-русски имеет смысл и по-английски. По-русски сын свинью зарезал или подложил кому-то, черт его знает, а по-английски фразу надо разделить на три части: сынс ви нью, что значит – поскольку мы знали. Видишь, какая кирилломефодика?

– Тоже Валя изобрела?

– Тоже.

– Да-а! – уважительно протянул Авга.

– Так что вот, брат, мы трудимся, а не просто тебе айлавьюнчик! – уколол я Шулина.

— Молчу, как рыба об лед!.. О, вспомнил, где я видел Валю — у нас в школе, на мартовском вечере! Охотничий глаз! Она все с Толик-Явой танцевала!

— С Толик-Явой? — переспросил я.

— Ну.

— Интересно... Ну, ладно, анкеты заполни?

— Заполнил.

— Гони.

Видя, что на первый урок так и так не успеть, мы пошли не торопясь, подгадывая к звонку с урока. Против крыльца, у заборчика пришкольного сада, стояла блестящая «Ява», с никелированной цепочкой, продетой сквозь переднее колесо и вилку и схваченной маленьkim замочком, — мотоцикл того самого Толик-Явы, с которым Валя танцевала на мартовском вечере. Эти Авгины слова царапнули меня, но я забыл про них, а при виде мотоцикла мне опять стало неприятно. Ну, Шулин, лучше бы промолчал!.. Я сделал вид, что не заметил мотоцикла, но Авга, охотничий глаз, сказал:

— Вон он, конь.

— Чей?

— Толик-Явы.

— А-а, да, машина!

Васька Забровский встретил меня почти кулаками, крича, что я спятил и режу его без ножа. Тут же, не дав мне войти в класс, он созвал остальных членов комиссии и повел нас в пионерскую комнату, сказав, что все договорено — нас освободили от занятий, чтобы мы живо обработали анкеты. Вручив нам ключ, комсорг велел запереться и не открывать ни черту, ни дьяволу, какими бы голосами они ни говорили.

Мы засели. Хотя большинство вопросов требовало краткого ответа, но вопросов-то было тридцать и анкет тридцать, так что к обеду мы расправились только с половиной. Наказав подопечным перекусить в школьном буфете, я помчался домой — вдруг Валя все же позвонит и скажет свое «что-то», ожиданием которого, несмотря на деловые помехи, была переполнена моя голова.

В дверях нашей квартиры я столкнулся с матерью и отцом. Они уходили. Чисто побритый, с аккуратно подровненной бородой, с каким-то избытком бодрости, отец воскликнул, обдавая меня сытым запахом свежих щей:

— Аскольд, как ты кстати!

— Валя звонила? — встрепенулся я.

— Валя — нет... но...

— Поздравь отца! — перебила со сдержанным восторгом мама. — Обвинение снято.

— Да, пап?

— Да.

— Опять ожил наш бородач! — сказала мама.

— Вот здорово! — крикнул я. — Все, значит?

— Все, опять покой и порядок! — заявил отец, и я вдруг аж подпрыгнул при мысли, что пик родительского покоя и порядка совпал наконец-то с пиком моего счастья, как тому и надо быть. — Вот, брат, какая кирилломефодика! — Хлопнув меня по плечу, отец спохватился, что мы слишком расшумелись на лестничной площадке, деловито добавил: — Ну, мы пошли, а ты сиди дома, занимайся...

И они пошли, так занятые своей долгожданной радостью, что не поняли моей, и мне не захотелось говорить им, что я сейчас тоже уйду и тоже не вернусь допоздна.

Разговор с родителями снял с меня какое-то напряжение, и явился аппетит. Уселся я, как порядочный едок, правда вполоборота к двери, чтобы легче было вскочить, если звякнет телефон, — я ждал Валиного звонка, но после первых же ложек супа есть расхотелось, и со стаканом чая я подошел к телефону. Я смотрел в десятиглазый диск, как в лицо какого-нибудь спящего волшебника, умоляя его проснуться. Я представлял: вот Валя стучится к соседям, вот поднимает трубку, вот набирает номер, и вот сейчас уходит назад последняя цифра... Но телефон молчал. Я понял, что ждать не надо, а надо притвориться, что ничего и не должно быть. Побрел на кухню и, пустив воду тонкой струей, начал медленно мыть посуду, глядя в

окно. Я думал об отце, о Вале, о школе...

Телефон заработал вдруг, и Мебиус ответил:

– Дома никого нет!

– Как нет! – заорал я и бросился в коридор, сообразив, что мать с отцом, уходя, переключили тумблер, а я, балбес, сгоряча забыл про него. – Да-да, слушаю!

– Эп, ты спятил? Форум горит! Анкет куча! Комиссия наизнанку выворачивается, а председателю хоть бы хны! Жрет и рбота врать учит! Ну, Эп!..

Я нервно рассмеялся.

– Выхожу, Забор!.. Ну, стало быть, надо! Очень!.. Не школой единой жив человек!.. Да успеем, не кипятись!.. Что-то ты, Заборчик, стал расшатываться!.. Ладно, выхожу.

Я вдруг устал и, опустив трубку, некоторое время держался за телефон. Тревога исподтишка начала заводить во мне свою холодную пружину... А может быть, Валя еще не сделала того, о чем хотела сказать?.. Даже наверняка не сделала! Если встречи не предвидится, зачем торопиться? А вот к моменту моего выхода в эфир все уже будет решено! Чуть успокоенный, я-domыл посуду, оделся и побежал.

Глава девятнадцатая

Мы измотались с анкетами, а Васька, с лихорадочно горящими глазами, забыв о еде и доме, все торопил нас, не отпуская даже напиться, и раздобыл где-то графин с водой. Мы ехидно требовали, чтобы для повышения производительности труда он притащил сюда и унитаз. Время от времени в пионерскую заглядывала Нина Юрьевна, готовившая к завтрашнему дню доклад по данным родительских анкет... Лишь в девятом часу, когда школа давно опустела, а я сидел как на иголках, мы завершили свой труд. Но и здесь Забор посмел предложить мне задержаться еще на часок, чтобы подбить кое-какие бабки. Ни о каких бабках не могло быть и речи! Я опаздывал! Крикнув, что хватит, что и так конец света, я цапнул берет с курткой – и деру!

Дома кипела жизнь: мама на кухне что-то готовила и намурлыкивала себе под нос, отец возился в кабинете.

– Мам, Валя не звонила? – спросил я.

– Валя – нет, но какой-то голосок был.

– Женский?

– Девчачий.

– Может, Валин все же?

– Нет, Валин я уже не путаю. Она и не даст спутать, сразу – здрасте, Римма Михайловна! Как живы-здоровы? Огонек-девчонка!.. А тут – деловито и серьезно.

– Лена, похоже, – сказал я.

– У тебя и Лена есть? – подковырнула мама.

– У меня их много!

Мама рассмеялась, поцеловала меня в щеку, чего давно не случалось...

Я торопливо заперся у себя. До выхода в эфир оставалось десять минут. Все настроив, я запустил маме на кухню ее любимую увертюру к «Севильскому цирюльнику» и, сжимая микрофон, начал горячим шепотом отсчитывать секунды, как космонавт перед стартом, и даже вдавился в кресло, точно ожидая перегрузок:

– Пять, четыре, три, два, один – пуск! – Щелкнул тумблер, и я, не узнавая своего голоса, заговорил: – I'm Meubius!.. I'm Meubius!.. Bullfinch, I love you!.. Bullfinch, I love you!.. I'm Meubius! (*Я Мебиус!.. Я Мебиус!.. Снегирь, я люблю тебя!.. Снегирь, я люблю тебя!.. Я Мебиус!*) – выждав полминуты, я повторил эти слова, о которых Валя озорно мечтала еще в первый момент нашего полузнакомства, потом, через полминуты – снова, рассчитав, что если Валины часики и согрешат, то хоть последнюю цепочку она перехватит.

Обессиленно, словно часть моего тела распалась на атомы и утекла вместе со звуками в эфир, я застыл в кресле, уставясь в преданные глаза Мебиуса... Ну, Меб, подмигни мне, вскинь руку и соедини меня голос в голос, шепот в шепот с той, с которой я уже космически соединился, – сигналы наши, посланные друг к другу одновременно, встретились где-то на

полпути и кружатся там сейчас!..

Я, видно, грезил какие-то доли минуты, потому что раздался стук в дверь и мамин голос:

- Аскольд, ты чего-то попросил?
- Нет, мам.
- А мне послышалось... Ужинать будешь?
- Попозже.

Мне хотелось покоя и тишины. Вопросы, разговоры родителей, бесконечная увертюра к «Севильскому цирюльнику» – все это было давно, пять минут назад, а сейчас в мире случилось чудо – где-то тут, в низком поднебесье, заплескались, играя, слова нашей любви, обращенные волшебной силой в неведомую плоть. Я не сомневался, что только о любви должна была сказать мне Валя!..

Я просидел в кресле, ожидая звонка, минут пятнадцать, потом не выдержал одиночества. Мне до жути понадобилось оказаться возле Валиного дома. Нет, не зайти – это слишком много! – а хотя бы уловить ее какие-то биотоки.

Выскочив в коридор, я накинул плащ.

Мама, на редкость оживленно сияющая, появилась из кухни с чаем.

- Уходишь?
- На полчасика. Мам, дай рубль.
- Возьми в сумке.

У парка я вышел из трамвая. По пути, через квартал, был оживленный магазинчик. Я зарулил в отдел сластей, наметил шоколадку за восемьдесят копеек – на случай, если все же встречу Валю! – и встал в очередь за крупной пожилой женщиной, которая, подслеповато шурясь, низко наклонившись, разглядывала витрину.

– Молодой человек, сколько стоят вот эти конфеты? – обратилась она ко мне, тюкая пухлым пальцем по стеклу.

Это была Амалия Викторовна.

Я обомлел.

Не потому обомлел, что она узнает меня и заговорит со мной по-английски при всем честном народе, нет, узнать меня после каких-то двух уроков она никак не могла, а потому что я вдруг почувствовал, что сейчас сам отколю номер. И отколол. Глянув на этикетку, я сказал:

- Three-sixty. (*Три шестьдесят*) .
- Do you know English? (*Ты знаешь английский?*) , – ни капельки не удивившись, а лишь полнее повернувшись ко мне, спросила она.
- A little. (*Немного*) .
- And why are you sure that I understand it? (*А почему ты уверен, что я понимаю его?*)
- Because you are our new teacher. (*Потому что вы наша новая учительница*) .

Амалия Викторовна мягко улыбнулась. Пока подходила наша очередь, она успела расспросить меня, тоже по-английски, где я живу и что собираюсь купить... Мы вместе вышли, балакая уже по-русски о чистом воздухе, тишине и уюте этого околопаркового местечка. Не знаю, на какую отметку наговорил я сегодня по-английски, но чуял внутри, что протянись еще чуть-чуть наша встреча – и учительница сделает второй заход, который окажется для меня роковым, потому что мои моральные силы иссякли начисто. Спасти можно было только бегством. Видя, что Амалия Викторовна, спускаясь с крыльца, забирает влево, в сторону Валиного дома, я прытко извинился, сказал, что тороплюсь, и ринулся вправо, опять к трамвайной остановке. Но метров через тридцать, осторожно оглянувшись, пересек улицу и по крытой кустарником парковой стороне повернул обратно.

Шел я, поигрывая шоколадкой и бочонком 81, и восторгался: вот уж Валя всплеснет руками, узнав, как лихо я выступил перед Амалией Викторовной!.. Нет, жизнь моя летела нынче на какой-то суперсчастливой волне!

Еще бы саму Валю увидеть!

План мой был таков: пройдусь перед домом по дороге, потом – по ближнему тротуару, а потом постою на крыльце. Ведь ничего подозрительного не будет в том, что чужой юноша стоит на чужом крыльце – ждет кого-то, есть же тут молодежь! Потом, поприслушивавшись, шмыгну внутрь и опущу в Валин почтовый ящик шоколадку. Если и это удастся, то рассчитаю,

где окна Снегиревых, и похожу еще немного под окнами.

Дома были типовые: деревянные, одноподъездные, двухэтажные, с шиферными крышами, и покрашены в один цвет, охровый, и у всех были густые, разделенные подъездом пополам садики, которые придавали домам щекастость, а крыльцо с куцым козырьком походило на нос – ну, не дома, а ряд добродушных великаных голов. Чтобы найти Валин, нужно было или считать дома, или приглядываться к номерам, но я определил его чутко.

Я бочком разнял гряду яблонек, выбрался на дорогу и осталенел – впереди слева, у самого бордюра, стояла «Ява», хищно блестя подвесками, бензобаком и выхлопными трубами. Блеск этот пронзил меня, как молния!.. Понятно, что в городе сотни «Яв», и не обязательно этой «Яве» принадлежать Толику, но еще понятнее, что совпадение это не случайное.

Чувствуя, что начинаю трястись мелкой дрожью, я втиснулся сквозь яблоньки назад и замер. На моей стороне прохожих не было, на той – были, но их разговорчики и покашливания казались мне всего лишь маскировочными шумами, прячущими суть. И я ловил ее, ловил напряженно и боязливо.

И вдруг поймал два слова:

– Ну, Толик!..

Голос этот ослепил меня. Я прижался лбом к железобетонному фонарному столбу и, кажется, простонал. Боже мой!.. Все! Неужели так просто? Ужас!.. Где же ты была раньше, моя головушка?.. С яростью из памяти моей вырвался фонтан фактов, которые сразу все прояснили. Вот заснеженная Валя в школьном коридоре, а у подъезда Толик-Ява на фыркающем мотоцикле... Вот она, радостная, открывает мне дверь и тут же вянет – ждала другого... Вот она испугалась мотоциклетного треска, когда мы гуляли с ней за городом... Не позволяла провожать себя домой, чтобы случайно не столкнуться с тем!.. Не знакомила со своими друзьями, чтобы не разоблачиться!.. А прошлая суббота с кучей дел? Никаких дел не было – раскатывала с мил-дружком!.. Мало тебе, простофиля?.. А эти отточенные поцелуи, откуда они, с неба свалились? Вчера, наконец, сама призналась, что была на свидании!.. А слова Шулина? И этого мало?.. Тогда иди, несчастный, и смотри!

Я поднял голову.

Так же шли прохожие, так же дремал мотоцикл, и так же шептались, наверно, Валя с Толик-Явой. Но крыльцо загораживал садик. И мне до боли захотелось увидеть их, этих голубков, чтобы уж не осталось ни атома сомнений. Крадучись, я двинулся вперед, незримый за яблонями. Беги отсюда, говорил я себе, а сам шел, все выпрямляя и выпрямляя взгляд, пока не открылось крыльцо и двое в тени козырька. Было уже довольно сумеречно, но я бы и ночью разглядел их, как на блюдце, – до того обострились мои глаза. Собственно, я видел лишь его. С двумя шлемами, один на голове, второй на локте, как корзина, он стоял спиной ко мне, уперев раскинутые руки в стену, и что-то говорил, говорил, пританцовывая, как цирковая лошадь. А Валя была за ним, как в ловушке, только голова ее на миг высверкивала то из-за одного его плеча, то из-за другого. Они или ездили куда-то, или собирались ехать. Если ездили, значит, Валя, слава богу, не слышала моего эфира, а если собираются, то, может быть, слышала. И уж не вместе ли они сидели у приемника, хихикая и обнимаясь под мое объяснение?..

Меня бросило в жар.

Толик-Ява вдруг быстро наклонился к Вале, над его плечами мелькнули ее руки, готовые сомкнуться на шее, как она всегда делала, целуясь... Я отвернулся, зажал уши и побежал...

Заплакал я на бегу.

Спохватившись, что навстречу идут люди и тревожно уступают мне дорогу, я свернул в какой-то пустынный переулок, потом еще куда-то, уткнулся в старый тополь лицом... Слезы лились долго. Я не подозревал, что в моем худом теле столько слез.

Выплакавшись, я обессиленно сел на землю, спиной к тополю.

Ну, раз все, то все! И надо сделать так, чтобы ни капельки Валиного во мне не осталось, ни капельки!.. Зашвырнуть английский, бросить школу! Немедленно подружиться с Леной – эта не подведет, а целоваться теперь я умею! Или посвататься к Нэлке Ведьмановой – она делала какие-то такие намеки, два года похожу в женихах, а потом удочерю Анютку – и гуд-бай, Валентина Петровна! А то подумаешь, цаца незаменимая нашлась! Все это и многое другое я молол с восторгом, а самому становилось грустнее и грустнее – я с ужасом чувствовал, как

жалъ мне прощаться с Валей!.. Интересно все же, что она хотела мне сказать сегодня? Что обманывала меня?.. Тогда почему было не сказать вчера?.. Еще не сделала! Чего не сделала? Не обвенчалась с Толик-Явой? Дура!.. И нечего было подкатываться с поцелуями!.. Нижняя губа моя опять задрожала, я поднялся, нашупал в кармане плаща шоколадку, сгреб ее, шмякнул о тополь и пошел туда, где было светло и дзинькали трамваи.

Я хотел уехать на вокзал и потеряться там в людской сутолоке, но вспомнил, что Валя мечтала купить два бессрочных билета на поезд, и укатил в другую сторону – через центр к мосту. На всем его километровом разлете не было ни души – одни машины, машины и машины, в которых заскафандренно мелькали бледные лица, словно мост этот был не земным и словно атмосфера тут была отравленной, и лишь я, выродок, мог дышать ею. Я опасливо глянул через чугунные перила. Внизу бездонно простиралась кромешная тьма, которая вдруг потянула, потянула меня в себя, будто вакуум. Я злорадно показал ей кукиш, и только тогда бездна расколдовалась и стала рекой – я услышал бурление воды у быков и увидел ее темную гладь в рябинках маслянистых бликов. Река тоже была пустынной – ни лодочки, ни катерка. Хоть бы льдина, как в тот день... Льдины плыли редкие, но крупные. Над ними кружили вороны, обследуя каждую, где замечался малейший налет мусора. Птицы копались там, затем, всполошившись, как пассажиры, проморгавшие свою остановку, с карканьем срывались и летели обратно к мосту, который служил вроде бы вороньей заставой. Не зря это были именно вороны, и не зря они каркали – накаркали, гады!.. Что ж, будем считать, что я пришел сюда проститься с нашей прогулкой – очищаться, так уж с истока!.. Пустой трамвайчик помчал меня назад к дому.

Вот здесь, у забора, было наше первое свидание. Проклинаю его!.. А вон там и тут мы гуляли, выписывая круги. Сколько их было выписано! Я двинулся по этому привычному пути и стал кружить. Кружил долго, разматывая все, что мы намотали, и даже больше – что могли бы намотать. Я как будто сдирал бинты с болеющих ран!

Домой явился уже в двенадцатом, усталый, тяжелый и грязный. Скинув туфли, я автоматически сунул руку в плащ, чтобы переложить бедный талисманчик в брюки, но не нашел его. И вдруг холодно отметил, что выбросил его, наверно, вместе с шоколадкой. Значит, все, детство мое оборвалось!.. Повесив плащ, я вошел в свою комнату, включил свет и потерянно осмотрелся. С вещами ничего не случилось: по-прежнему стоял глупый Мебиус, по-прежнему лежал возле него еще не отсоединенный микрофон, которому я только что доверялся, и по-прежнему торчали всюду шпаргалки, даже в рамке с Пушкиным, свидетелем наших поцелуев. Все кончено, Александр Сергеевич! Прощай, любезная калмычка! Fare thee well, and if for ever still for ever fare thee well!..

(Процай, и если навсегда, то навсегда процай!.. Байрон) . (Строки эти Пушкин поставил эпиграфом к восьмой главе романа «Евгений Онегин»).

Я аккуратно перевернул его, и на меня в упор уставился хмурый Эйнштейн, словно вопрошая, ну, что, мол, прав я в своей хмурости?.. Да, старик, ты прав!.. И мне вспомнились его слова о том, что стыдно должно быть тому, кто пользуется чудесами науки, воплощенными в обыкновенном радиоприемнике, ценит их так же мало, как корова те чудеса ботаники, которые она жует. Да, корова не ценит чудес ботаники – и тут, старик, ты прав!.. И пусть, пусть она подавиться ими!..

- Поздновато, – заметила мама, глянув на ходики.
- Да так, мам, вышло.
- А ты что, уже выучил? – спросила она, заметив, что я срываю бумажки.
- Выучил.
- Все?
- Все.
- Ловко... А тебе Валя дважды звонила.
- Я замер в дверях.
- И что?
- Первый раз ничего, просто спросила, где ты. Я думала, ты с ней, – сказала мама, пытаясь разглядеть меня в сумраке. – А второй раз просила передать, что слышала тебя и что отвечает тем же. Я ничего не поняла, а ты?

— Я понял, — хрипло сказал я.

Не спеша я ушел в ванную, заперся, обшипал зеркальце, похожее на ромашку, точно последний раз гадая, любит или не любит, скомкал все бумажки и бросил их в унитаз. Когда шумно хлынула вода и белые лепестки замелькали в пене, не желая уноситься, у меня задергалось горло, и я, вцепившись зубами в рукав, зарыдал пуще прежнего.

Глава двадцатая

Эта ночь была тяжелой.

Едва найдя силы раздеться, я бухнулся на диван вниз лицом и, кое-как укрывшись одеялом, замер.

Я убеждал себя, что Валя мерзкая, гадкая и непутевая, но сердце горело и жгло. Поняв, что его, как аккумулятор, сразу не отключить, я решил посадить его и давай перебирать по косточкам всю нашу дружбу, выискивая новые обманы и притворства и даже нарочно кое-что искажая...

Зашла мама, тихонько окликнула меня, пощупала холодный лоб, поправила одеяло и некоторое время постояла надо мной — что-то неладное ей все-таки, видно, почуялось. Ушла, и они с отцом громко зашептались. Отец, похочатывал, шутя над мамиными тревогами и, видимо, все радуясь, что избежал тюрьмы. Когда трещали цокольные панели, он страдал, а у меня трещит грудная клетка — он веселится! Для него какая-то гостиница дороже сына! За сына не посадят!.. Мама, а ты-то, со своей бесцеремонностью, почему не объяснишь ему, что с сыном ЧП! Ну, так пропади все пропадом! От приступа нестерпимой тоски в мозгу моем что-то судорожно-коротко замкнулось, и я куда-то провалился, повиснув между бредом и явью...

И началась карусель!

Словно кто-то разрезал, как кинопленку, последние десять дней моей жизни на куски, перепутал их, добавил своих, склеил как попало, окунул в фантастические чернила и с издевкой прокрутил передо мной... Вот мы у Шулина в подполье заполняем с Валей анкету, к нам врывается Толик-Ява на своем драндулете, Валя прыгает к нему, и они под хохот моего отца носятся перед нашим домом... А вот я что-то долблю огромным ломом, долблю-долблю что есть сил, появляется отец и кричит, что я, негодяй, разбиваю его цокольную панель!..

Очнулся я в седьмом часу.

Какие-то секунды я не понимал, что со мной случилось, потом все воскресло. Я испуганно вскочил и выглянул в коридор. Дверь в гостиную заперта, в кухне тишина. Суббота, мать с отцом спят. Прекрасно! Я не хотел их видеть сейчас, ни в коем случае!

Через пять минут я уже плелся в сторону Гусиного Лога, зябко подняв воротничок куртки и зажав под мышкой папку с неизвестно какими учебниками. Сердце мое было пустым и холодным, как выеденная консервная банка, и даже, кажется, гремело, а голова лихорадочно вырабатывала программу жизни... Никаких бросаний школ! И Лена подождет! А будет так: кончу школу, кончу институт, параллельно научная работа, связанная с космосом, потом — полет к Марсу в качестве инженера-радиотехника, потом... потом жизнь подскажет. Вот так примерно. Извини, Шулин, что я вдруг перемахнул тебя в расчетах, но кирилломефодика в том, что земля сейчас мала для меня!

У поворота на «Авга-стрит» торчала колонка. Я ополоснул лицо, напился и потопал вниз. Я знал, что мне делать через годы, но не знал, что делать сегодня и завтра, через которые, к сожалению, нельзя было перешагнуть сразу в то возвышенно-белоснежное время. А вот Авга знал, у него был более детальный план.

Малоросло-широкоплечий Шулин в одних трусах делал зарядку у крыльца, когда я возник в калитке. Он как присел с поднятыми руками, так и остался сидеть, точно сдаваясь. Я подошел к нему и бодро сказал:

— Привет!

— Привет! — выпрямляясь и не спуская с меня настороженных глаз, ответил Шулин. — Ты чего?

— Как чего? В школу.

— А-а, — протянул он. — Заходи.

На плитке булькал чайник. На столе стояла кружка, на которой аппетитным мостом лежал кусок черного хлеба, намазанный маслом. У меня скрипнули зубы – я не ел почти сутки. Авга перехватил мой голодный взгляд, снял чайник, поставил на плитку сковороду, нарезал туда сала, воровато принес откуда-то из горницы четыре яйца и разбил их в зашкворчавшее сало. Впервые в жизни я так алчно, глотая слону, наблюдал за кухонными операциями, мысленно уже до блеска вылизывая языком тарелку после еды.

Два яйца, да еще с салом, от которого меня дома вырвало бы, я уничтожил одним духом. Авга отделил еще одно от своей порции. Я проглотил и это и принял за чай.

– Ты где ночевал? – шепотом спросил Шулин.
– Дома.
– Не ври.
– Дома...

Больше мы не обронили ни слова, лишь когда вышли на улицу, Авга опять спросил:

– Где же ты все-таки ночевал?
– Честное слово, дома.
– Что же тогда?

И я рассказал ему все про Валино предательство.

Шулин не стал ни сочувственно вздыхать, ни успокаивать, а просто заключил:

– Вот тебе и «сын свинью»!

Потом он достал шпаргалки, повертел их и зло швырнул в канаву, промытую недавним ливнем.

Авга, мой Авга!..

Мы приближались к дому, и я с болезненной тревогой стал еще издали посматривать на наш балкон, словно не час назад, а очень давно покинул отчий кров, проскитался где-то и теперь не знаю, живы ли родители. Я вроде и глаз не отводил, но мать с отцом появились на балконе как-то вдруг. Улыбаются и машут нам. Забеспокоились, что меня нет, а надо беспокоиться тогда, когда я есть. Я помахал им рукой и отвернулся.

Новая волна горечи захлестнула меня – я внезапно понял, что мне стало в родителях чего-то не хватать и главное – какого-то сверхпонимания. Я собирался бросить школу – они не заподозрили, меня чуть не убили в несостоявшейся драке – они не догадались, у меня катастрофа с Валей – им хоть бы хны!.. Конечно, откуда им знать, если я молчу, но родители должны чувствовать так, без слов... Ясновидцами и волшебниками должны быть родители!.. Это почти фантастика, но что поделаешь, если я этого хотел!..

В сквере, где недавно было заснежено и пусто и где сейчас сквозила зелень и густо шли люди, я вспомнил тех двух девчонок, спаянных транзистором, и опять ко мне мучительным эхом вернулась Валя. Нет, это не затмение, как говорила Нэлка Ведьманова, тут дело не в секундах, а в вечности... И из любви, как из глубины, нельзя видно, сразу вынырнуть, не пострадав от кессонной болезни. И вот я болел. Мое взвинченное воображение вдруг сочинило какие-то странные русско-английские стихи, и я не заметил, как произнес их:

Сказал я соловью:
– I love you.
Пропел мне соловей:
– Get away!

– Да, упорхнула птичка, – со вздохом заметил Шулин. – Но у тебя же Лена осталась.
– Посмотрим, Авга, еще не вечер.

На всех улицах и перекрестках мне мерещились блестящие «Явы» с легкими девичьими фигурками в красных брюках на заднем сиденье, и мое сердчишко то и дело вздрагивало. И даже подходя к школе, я думал, стоит у садика мотоцикл или нет, и от души желал, чтобы он не стоял, а лежал где-нибудь в кювете, с погнутыми колесами, сломанным рулем и помятым бензобаком, чтобы сам Толик-Ява сидел рядом испуганный, грязный и без шлема, но чтобы Вали при этом не было – пусть она в это время целуется с кем-то третьим... Мотоцикла у крыльца не было.

Еще до звонка выяснилось, что под предлогом форума никто ничего не выучил, и все вдруг насыли на комсорга, чтобы он, ярый общественник и умный человек, защитил нас, иначе классу придется туга. Васька возмущался, кричал, что все мы спятили, но, когда начался урок и вошла Клавдия Гавриловна, историчка, которую мы не уважали за ее безжалостность, Забор встал и серьезно заявил, что класс не готов потому-то и потому-то и, чтобы не вспыхнула гражданская война и зря не пролилась братская кровь, он предлагает перенести опрос на вторник и ручается, что во вторник история у нас будет только отскакивать от зубов. Подумав, Клавдия Гавриловна спросила, нет ли добровольцев. Добровольцев не нашлось. Поняв нашу сплоченность, она сказала, что ладно, идет на компромисс, но уж во вторник!.. Класс вольно вздохнул и сразу возлюбил Клавдию Гавриловну.

На перемене Садовкина отвела меня в сторону и с решительным прищуром спросила:

— Эп, ты знаешь такое рыцарское правило: не обижать дам?

— Читал.

— А почему же Лену обидел?

— Лену? Чем?

— Не пришел на соревнование.

— А-а, не мог.

— Не мог! — передразнила Наташа. — На час оторваться от своих магнитофонов не мог!

Я вдруг почувствовал, что, поцеловав тогда руку, дал вроде бы Садовкиной какую-то власть надо мною, и вспылил:

— А ты, сердобольная дама, знаешь такое правило: не совать свой нос в чужие дела?

— Знаю!

— Ну и все!

— Но ты мне не чужой! И Лена не чужая! — не сдавалась Наташка. — Или не так?

— Ну, до некоторой степени.

— Вот и я лишь до некоторой степени сую свой нос. Я же не лезу к вам в души, а так, со стороны. И вижу, что вы могли бы хорошо подружиться, —тише и мягче добавила она. — Кстати, Лена не сердится на тебя. Это я сержусь.

Усмехнувшись, я миролюбиво спросил:

— Они хоть выиграли?

— Выиграли.

— Ну, слава богу. А знаешь, почему выиграли? Потому что я пожелал успеха! — сказал я. — А в следующий раз обязательно исполню рыцарский долг, явлюсь и буду болеть сам. Так и передай. Ну, и привет, конечно! Скажи... скажи, что я ее тоже помню... Да, и Рите привет!

— Рите? Ой, Эп, смотри! — И Садовкина погрозила пальцем.

— Смотрю, смотрю!

Из урока в урок Забор продолжал огораживать нас от неприятностей, и все шло как по маслу.

Амалия Викторовна, выслушав комсорга, кивнула и сказала, что если бы это заявление он изложил на английском языке, то ей не нужны были бы никакие опросы, а так что ж — пожалуйста. И она стала рассказывать нам про Англию, где сама прожила несколько лет, про Шекспира, Байрона и Льюиса Кэрролла. С нетерпеливо-мягким и новым для нас произношением она как бы вязала свою речь из русско-английских фраз, убаюкивающе шевеля при этом пальцами, как в настоящей вязке. Под конец урока Амалия Викторовна поинтересовалась, не из нашего ли класса ученик вчера беседовал с ней по-английски в магазине. Все так уверенно загадали «Не-ет», что меня возмутила эта унизительная солидарность. Я поднялся и сказал, что да, из нашего, это я, Аскольд Эпов. Класс пораженно повернулся ко мне и замер. Узнав меня, Амалия Викторовна улыбнулась и укоризненно оглядела остальных: вот, мол, видите. Я нахмурился, потому что этой укоризной она как бы сделала меня высокочкой. Открыв журнал и чуть помедлив, очевидно, просматривая мои жуткие отметки, Амалия Викторовна объявила тем не менее, что ставит мен пять за внеклассную работу над английским.

Народ ахнул.

На переменах меня и без того дергали, выпытывая анкетные результаты, а тут прямо

осадили: что это за внеклассная работа? Я вкратце растолковал, и все удивленно и уважительно смолкли.

Пятерка взбудоражила меня опять – ведь как ни крути, а Валя спасла меня. Неожиданно я впервые трезво подумал: а зачем я был ей нужен? Зачем она занималась мною так рьяно, что даже влюбила в себя. – чтобы я лучше усваивал?.. Да мне бы легче оставаться двоичником, чем покупать пятерки по такой цене!.. Если она решила проверить свои учительские способности – проверяй их на Толик-Яве, там, кстати, есть где развернуться! Если хотела помочь Светлане Петровне – надо было тянуть худших, а я еще держался, и пусть на соломинке, но выплыл бы и сам! Корысть?.. Какая к черту корысть! Я ей ничем не платил, кроме как втюрился безбожно!.. Зачем же? Хоть Валя и подлая, но умная девчонка, значит, было же это самое «зачем»!.. Я не находил. Я дважды бегал на четвертый этаж, к девятиклассникам, чтобы вблизи и четко разглядеть Толик-Яву, как будто он одним своим видом рассеял бы мои недоумения, но его нигде не было... И вот эта неразгаданность томила меня и щадяще мешала поставить горький крест на моей любви.

Глава двадцать первая

Форум приближался.

Его назначили было на семь часов, но многие заопасались, как бы родители, привыкшие к вольности субботних вечеров, не загуляли и не сорвали затеи. Довод был несерьезный, но житейски мудрый, и форум перенесли на два часа дня. Выбрали для него кабинет физики – самый просторный.

Мы заранее заняли ряд у окна, сев по трое за один стол. Зеф, Шулин и я оккупировали последний. Эти битюги так стиснули меня своими плечами, что мне пришлось полулечь. Покручивая клеммы на расклепанных сверху болтиках, торчавших из столешницы, я наблюдал. Родители входили неуверенно и с опаской, в точности как и мы, когда являемся к ним на работу. У отца сегодня был выходной, но до форума он собирался съездить на один из заводов, где хандрит какая-то пустотная установка. Он обещал заскочить и за мамой, но пока их не было. А родители все скапливались, молча и сосредоточенно, словно заговорщики.

Никто из наших не встречал своих родичей, кроме дежурных в вестибюле и у кабинета: или стеснялись возможных нежностей, или принципиально, как я; лишь тыкали друг друга локтями – вон, мол, твои, да кое-кто, не выдержав, вскидывал руку, а то и коротко окликнул: «Мам!» или «Пап!» Да и сами родители не очень рвались к контакту, понимая что на людях не место любезничать. Они размещались на двух остальных рядах, им было тоже тесновато. На их стороне были Яблочкин, Попов, Менделеев, Эйнштейн, такой же, как у меня, только крупнее, на их стороне были все физические формулы и законы, а на нашей – лишь окна да мир за окнами.

В два дали звонок для второй смены, тут же появились завуч Анна Михайловна и наша классная Нина Юрьевна. Они сели на стулья против нашего ряда. Дежурный остался у дверей, чтобы без лишнего шума устраивать опаздывающих. Мои где-то задержались.

Забровский вышел с тетрадкой к столу и, обозрев поле битвы, начал:

– Товарищи!.. Совместное собрание родителей и учеников – не новость, но вы сами знаете, как часто они бывают скучными и малополезными, потому что вертимся мы вокруг ерунды и чуть ли не поем «В лесу родилась елочка». Для восьмого класса это нелепость! Нам уже по пятнадцать лет!.. И вот мы решили поговорить крупнее. И провели анкету. Конечно, анкета не скальпель, но и не молоток неандертальца. И кое-что нам удалось вскрыть, а именно – узнать, какие мы есть! Не какими должны быть, это известно и нам и вам, а какие есть! Это важнее, потому что это жизнь!.. Ну... да, Нина Юрьевна, у вас что-нибудь будет?

– Два слова. – Она встала и напряженнее обычного – прямо вот-вот расплачется! – сказала: – Ребята получили очень интересные и серьезные данные, поэтому давайте будем очень внимательными и активными... Пожалуйста, Забровский!

Родители подвигались для удобства, Васька открыл тетрадку, и тут чей-то голос заметил:

– А председателя-то!

– Председателя? – переспросил Зabor.

— Так положено!

— Это можно, раз положено, — согласился Васька. — Председателем буду я. Нет возражений?

— Не-ет! — отозвался класс.

— И секретаря, — добавил тот же голос.

В третьем ряду, под Менделеевым, я засек маленького дядьку, заклиненного между двумя женщинами, одна из них его одернула: мол, не суйся, люди без тебя знают.

— Можно и секретаря. — Васька скользнул невозмутимым взглядом по нашим головам. — Секретарем будет Садовкина, у нее хороший почерк. Одобряете?

— Одобляем! — крикнули мы.

— Наташа, пиши там... Еще кого положено? Если президиум, то ему негде сесть. Будем считать, что все вы в президиуме!

Родителям понравилась находчивость комсорга. Ваську вообще не смущала масса, даже взрослая; я, например, и перед ребячьей робею, а он нет, скорее, один на один он стесненнее себя чувствует, как елец в тазу, а в массе — как в реке.

— Итак, в классе нас тридцать: шестнадцать девочек и четырнадцать парней. К счастью, никто за это время не болел, и заполнены все тридцать анкет. Анкеты анонимные, то есть без подписей, так что где Петя и где Катя, не поймешь.

— Простите! — привстал крупный и плотный, с курчавой головой отец Мишки Зефа, работавший каким-то средним начальником в какой-то средней жилищно-коммунальной конторе. — Значит, вы не скрываете авторов, а просто не знаете их?

— Совершенно верно.

— И выходит, что анкету, например, моего сына здесь не найти? — уточнил Зеф-старший.

— Нет.

— Странно. А с кого же спрашивать?

— Что спрашивать? — не понял Васька.

— Ну, вот вы сейчас огласите итоги, и вдруг обнаружится какой-то непорядок. Так с кого спрашивать?

— С себя! — подсказали с места.

— Нет, я серьезно!

— Спрашивают с подчиненных, заметил грубоватый женский голос, — а дети не подчиненные!

— А кто, — начальники? — нахмурился Зеф-старший.

— При чем тут иерархия?

— А при том, что без этой иерархии получится иерархия похуже! Они сядут нам вот сюда, — Зеф-старший похлопал себя по упитанной шее, на которую действительно можно было сесть, — и удила в зубы вставят!

— Вставят! — подхватил тот мужичок.

Народ загудел. Мишка, пристукивая меня кулаком по плечу, цедил сквозь зубы еле слышно: «Да сядь, сядь, не позорься!» Васька призвал к тишине, а поднявшаяся Нина Юрьевна сказала, что этот вопрос сложный и о нем можно поговорить на отдельном родительском собрании, а с анонимными анкетами уже не переиграть — как ребята решили, так и сделали.

— Зря! — вздохнул Зеф-старший.

— Зря-зря! — поддакнул и субъект под Менделеевым, за что получил от жены новый тычок под ребра.

Осторожно вошла Авгина тетя Катя и бочком-бочком прокралась в задние ряды. Дяди Вани не было — успел, видно, клюкнуть, и тетя Катя не взяла его, хотя он, может быть, с педагогическим пылом тоже рвался на форум. Шулин сразу повеселел: мол, и за меня переживают.

А мои безбожно опаздывали. Ну и пусть! Раз их не волнует моя судьба — не надо!

Забор кашлянул и стал читать: сначала вопрос, потом — разные варианты ответов на него. В анкете вопросы стояли вперемежку, без особой продуманности, а при анализе мы их выстроили по нарастанию сложности, чтобы аудитория не расслаблялась. Я мрачновато-пристально следил за правым флангом и видел то, что и предполагал: вопросы, в

которых выражалось наше отношение к друзьям, учителям, литературе, искусству, музыке, – все эти вопросы никого не трогали, потому что не угрожали прямо ни завтрашнему дню, ни здоровью. Первый шелест порхнул по рядам тогда, когда Васька объявил, что школу хотят бросить после восьмого класса четыре человека. А когда комсорт оповестил, что способными себя считают только шестеро, в институт метят двадцать пять и лишь пятеро собираются работать, родители беспокойно заворонились и зашушукались, вскидывая головы и выискивая своих птенцов, словно тут же надеясь понять, кто способный и кто куда целит...

Забор помедлил и сказал, не глядя в тетрадку:

- Курят десять человек.
- О-о! – испугались женщины.
- Пьют двадцать три.
- А-а! – в единодушном возмущении задохнулись оба ряда, а наш тревожно оживился.

Нетерпеливо помахивая рукой, поднялся Зеф-старший и обратился к Анне Михайловне и Нине Юрьевне:

– Нет, дорогие товарищи учителя, это несерьезно! Вы зачем нас собрали? Чтобы поиздеваться или чтобы по-деловому обсудить положение в классе? Если по-деловому – давайте, вы открыто – мы открыто, а издеваться – увольте. Выходит самое настоящее издевательство! Видите, что вытворяют дети: разбегаются, курят, пьют! Это же пожар! Но странный, скажу я вам, пожар: горит, а тушить некого! В кого огнетушитель направить? В белый свет, как в копеечку?.. Нет, так дело не пойдет! Это бесполезное мероприятие! – И он оглядел нас. Мишка демонстративно повалился грудью на стол и зажал голову руками, а я выпрямился. – И ты, комсорт, прошляпил – клюнул на удочку каких-то разгильдяев! Это ведь разгильдяй аноним изобрел, не иначе; это ему выгодно, чтобы все шито-крыто было, ни спроса, ни ответа! Вот вам и отсутствие иерархии! – мстительно заключил Зеф-старший и сел.

Так, значит, я разгильдяй? Прекрасно! Кто еще как выразится? Где там знаток собраний?.. И только я вспомнил про него, как он, отвоевав у соседок свое тщедушное тело, встал, решив, видно, что стоящего на виду у всех жена не посмеет одергивать и он может наговориться всласть.

- Товарищ прав насчет анархии! – круто взял родитель.
- Иерархии, – поправили его.

– Да, да! Анархию тут никак нельзя допускать! И насчет удиолов прав товарищ – вставят, если проморгать! А все, думаете, из-за чего? – со всезнающим прищуром обратился он к собранию. – Из-за трусости! Они же зайцы! Пакостливы, как кошки, а трусливы, как зайцы!

Забор прервал оратора:

– Простите, как ваша фамилия? Товарища Зефа мы знаем, а вот вас... А то у нас избран секретарь, и ей положено записывать все выступления.

– Записывайте, я не боюсь! Я правду говорю, на правде вырос! – затараторил мужичок. – И не постесняюсь...

– Фамилия ваша! – потребовал Васька.

– Моя? Вон мой сын сидит. Встань, Иван! – из середины нашего ряда медленно, как росток подсолнуха при специальной киносъемке, поднялся Ваня Печкин, держа голову перпендикулярно телу. – Вот как моя фамилия! Печкин. И у нас в семье без хитростей, напрямки! Я и сыну велел подписать анкету. Подпиши, говорю, и чтобы никаких этих... секретов, потому как школа, а не шайка какая-то! И он подписал!

- Нету подписанных анкет! – громко сказал я.
- Как нету? – удивился Печкин-старший.
- Ни одной.
- Иван, ты подписал?
- Нет, – прогундосил тот.
- А почему?
- Потому что, как все.
- Ах, как все?! Слышите? – взвинтился любитель правды. – Значит, и куришь, как все?
- Нет.
- И пьешь?

— Нет, — тоньше, готовый всхлипнуть, ответил Ваня Печкин, мотая еле видимой со спины головой.

— Не ври!

Я прошептал:

— Вот зануда!

— Этот-то? Да-а, — согласился Шулин. — Чище моего дядьки!

— Он же ни черта не понимает! Что бы ему такое ляпнуть?

— Только масла подольешь.

— И подолью! Пусть он живьем сгорит! Я им всем подолью, раз они сидят, рот разинули!

Злость моя накалялась. Почему ни Забор, ни Нина Юрьевна, ни Анна Михайловна, ни остальные пятьдесят человек не перебьют этого умника, который заграбастал форум в свои лапы и с треском кособочит его? Выскочил, Наполеон, пуп земли! Дмитрий Иванович, возвзвал я к Менделееву, ты хоть трахни его по башке каким-нибудь элементом потяжелее из своей таблицы! Или ты, старик Эйнштейн, сделай, ради бога, так, чтобы он убрался отсюда со скоростью света!.. Точно вняв моим мольбам, Нина Юрьевна придержала наконец ретивого скакуна, заметив:

— Товарищ Печкин, не горячитесь!

— Это же мой сын, единственный, опора и можно сказать, гордость наша с матерью! И как мне не горячиться, когда его нам портят на глазах! Золото был парнишка, послушный, нет вот, сбили с толку! Сегодня подучили нарушить отцовский наказ, а завтра подучат отцу голову оторвать! И оторвет! Прав товарищ — вставят удила!

Нина Юрьевна опять встряла:

— Напрасно вы паникуете. Вы и товарищ Зеф. Не так уж все гибельно и плохо, как вам кажется.

— Куда уж лучше!.. Ну, ладно, со своим-то я дома разберусь, а вот другие-то, другие-то? — И он с горестным вздохом обозрел нас, как братскую могилу. — Где тут смелые и честные ребята?.. Кто прямо скажет, что хочет бросить школу, а?

Застучав карандашом, поднялась Анна Михайловна и членораздельно-строго проговорила:

— А вот этого и не нужно, товарищ Печкин. Садись, Ваня. Вы можете и высказываться, и спорить, и даже кричать. И мы с Ниной Юрьевной тоже, наверное, вот-вот закричим, потому что многое понимаете неверно. Но есть одна черта, которую запрещено переступать, это тайна анкеты! Ребята в сумме своей открыли нам души, и нельзя провоцировать их на отдельные признания. Это нечестно! Они сами доверяются, когда можно.

— Доверяются они!

— Если мы, конечно, достойны их доверия.

— Ну, раз так, то помолчу, — сказал недовольно Печкин и сел с таким видом, как будто самой правде-матке сунули в рот кляп и она теперь беспомощна. — А все ж таки народец трусоват, — добавил он глубокомысленно и важно.

Во мне что-то перевернулось и жаром ударило в голову. Чувствуя, что недопустимо оставлять Печкина победителем, я выкрикнул:

— Анна Михайловна, можно мне?

— Что, Эпов?

— Я хочу довериться товарищу Печкину! — Завуч переглянулась с Ниной Юрьевной, но я уже вышагнул позади Мишки из-за стола и повернулся к Печкину лицом. — Вы хотели узнать, кто бросает школу. Так вот — я!

Печкин ворохнулся, точно собираясь снова встать, но усидел и несколько растерянно переспросил:

— Бросаешь, значит?

— Бросаю.

— Насмелился, значит, признаться? Это хорошо! А ты знаешь постановление?

— Какое?

— Министров об обязательном среднем образовании?

— Нам читали.

— Ага. И как же ты?

— А что я? Это постановление для нормальных. Если вы нормальный, то пожалуйста — обязательно образовывайтесь. А вот я, Аскольд Эпов, ненормальный! Не лезет в меня наука, хоть лопни! — вдохновенно жестикулируя, воскликнул я, бочком, шаг за шагом продвигаясь к учительскому столу, словно, не надеясь на свои силы, инстинктивно искал там поддержку. — Вот вы очень умный, товарищ Печкин, а я круглый дурак!

Печкин смущился.

— Это ты, парень, брось! — растерянно сказал он. — Дураков сейчас нет. Не то время.

— Есть! Как есть болезни и смерть, так есть и дураки. И если вам нужен пример дурака, то вот он, — и я простодушно указал на Ваню Печкина, — ваш сын!

Случилась немая гоголевская сцена, лишь покороче — народ мигом ожила и заходил ходуном от возмущения. Я видел только одни блестящие гневом глаза. Забор схватил меня за руку, за другую поймала Нина Юрьевна, и оба что-то начали выговаривать мне и куда-то тянуть.

Печкин-старший взвился, чуть не столкнув свою жену, и проверещал:

— Нахал!.. Вон его!

Но я, никому и ничему не внимая, ослепленный свои обличительным порывом, со стиснутыми руками, продолжал речь:

— Вы гордитесь им, а знаете ли, что он самый затурканный и одинокий в классе? И то, что он плонул на ваш наказ и не поставил подписи под анкетой, это первая его жертва классу. И молодец! Значит, еще не пропавший! А вы его за это будете сегодня ремнем пороть! Вот и все ваше понимание!

Печкин кричал:

— Хулиган! Шпана! Кто его отец?

И тут запоздало вошли мать с отцом. Меня сразу отпустили, и я обрадованно бросил:

— Вот мой отец и моя мать! Кто там спрашивал? Говорите с ними, а я кончил!

И без памяти вылетел из гудящего кабинета.

Глава двадцать вторая

«Сплотились, называется!.. Узнали друг друга!» — мелькнуло у меня в голове, когда я сбежал по лестнице.

Тетя Поля была на месте. Она, что-то посасывая, пила чай из большой зеленой кружки. Я досадливо поморщился, что и тут сейчас придется говорить, объяснять, втолковывать, и уже собрался было в одном пиджаке выскочить наружу, но она узнала меня и молча распахнула

раздевалку. И чуть погодя, когда я растворился среди стоек, донесся ее голос:

- Опять что-нибудь?
- Да-а! – скривился я.

– Вот неймется людям!.. Сделай меня бог снова девчонкой да посади за парту, я бы не знаю какой была! Шелковой! По струнке бы ходила, получала одни пятерки и молилась бы на всех!.. И что ж ты натворил?

- Обозвал.
- Опять? Да ты что, сбесился, что ли? – поразилась тетя Поля. – И опять учителя?
- Нет, пацана.

– Ну, это не страшно! Мало ли вы друг дружку на бегу обзываете! Это учителя нельзя! А друг дружку можете крестить как душеньке угодно!

Я вдруг поймал себя на том, что медлю и не свою куртку ищу, а чужие перебираю, да и с тетей Полей разговорился, чтобы помедлить. Может быть, вдогонку мне пошлют кого-нибудь, чтобы вернуть меня? Ведь я действительно ничего страшного не сделал! Я лишь хотел проучить Печкина-старшего. По-моему, Анна Михайловна с Ниной Юрьевной и сами бы не прочь хватить Печкина-старшего по мозгам такой же дубинкой, но им дубиной нельзя – они педагоги, им веером можно, от которого Печкин только зевнет, а вот пустынька он теперь почухается!.. И Забор одобрит меня – он жаждал встряски, наверное, не такой, но уж какая получилась.

Послов не было. Я бы все равно, конечно, не вернулся, хотя мне и хотелось, но послы бы как-то взбодрили меня. Что ж!.. Я запахнулся плотнее – и на улицу. Почему-то решив, что за порогом так же метельно и холодно, как и в тот мой уход, я даже растерялся, когда окунулся в свежесть, теплынь и солнце.

У подъезда стоял отцовский «уазик». Дядя Гриша, увидев меня, крикнул:

- Здорово, Аскольд! Как оно?
- Вы куда сейчас?
- В гараж. А ты?
- Домой, если попутно.
- Ну, садись! – Кивнув направо, дядя Гриша спросил:
- Крюк давать будем?
- Зачем?
- А за той Красной Шапочкой!
- Нет, Красную Шапочку волк съел.

Напомнил услужливый дядя Гриша: и хотя форум заглушил мою сердечную боль, она все-таки отозвалась. Я вспомнил, как мы похитили Валю, как она сидела вот тут, на моем месте, опытно наклоняясь при поворотах – поднаторела с Толик-Явой, и стал хмуро следить за мотоциклами – сейчас у этих голубков самое прогулочно-розовое время…

У железнодорожных касс я выскочил и поспешил домой, надеясь, что если гонцов за мной не отправили, то хоть позвонят. В квартире было прибрано и пустынно. Раздевшись, я перешел к тумблер на «in», прошел к себе и, повалившись в кресло, нащупал в подлокотнике холодные кнопки, но пускать магнитофон не стал. Мне вдруг захотелось чаю, горячего, крепкого, с сахаром. Я обрадовался, что еще могу чего-то остро желать, сбегал на кухню и включил печку.

И тут на подоконнике я увидел строй сосновых шишек. Вчера в жажде истребления я забыл про них, а то бы уничтожил, и сейчас вздрогнул от радости, осторожно, словно едва оперившегося птенчика, взял одну и посадил в проволочно- кудрявую шевелюру Меба, а потом огляделся – не остались ли шпаргалки. Но шпаргалок не было.

Брякнул телефон. Ага, вот оно, начинается! Нажав роботу нос, я ответил:

- Да.
- Эп? – Как молния сверкнул этот голос, и я онемел. – Эп!.. Алло! Ты слышишь меня?
- Я медленно опустил трубку, но быстро сорвал ее, когда телефон зазвонил опять.
- Алло! Эп!.. Ты почему молчишь?
- Как мне хотелось слушать и слушать ее…
- Эп! Ты же там! Я слышу твое дыхание!.. Что случилось? – все с большим волнением

спрашивала Валя. – Почему ты молчишь?

Я наконец выдавил:

– Мне нечего сказать.

Валя звонила еще дважды, Меб достоверно отвечал, что это квартира Эповых, а я стоял рядом, снова подавленный, парализованный и убитый. Не помню, как я оказался в кресле и сколько времени так просидел, но двери вдруг распахнулись, и появилась Валя. Стрельнув взглядом в кухню и гостиную, она вошла ко мне, прикрыла за собой дверь, прижалась к ней спиной, как тогда у нее дома, при первой встрече, и прошептала, широко открыв полные тревоги глаза:

– Эп, что случилось?

– Ничего, – ответил я, охваченный какой-то мертвящей радостью. – Я вчера был у вашего дома.

– Когда?

– Вечером.

– И что? – насторожилась Валя.

– И все видел.

– Что все?

– И мотоцикл, и Толик-Яву, и тебя.

– Так, – сказала она, потупившись.

– И еще я видел, как ты целовала его, – с трудом проговорил я и отвернулся.

– Врешь! – крикнула она и испуганно закусила пальцы, косясь по сторонам.

– Дома никого, – успокоил я.

– Врешь, Эп! – тише повторила она. – Ты не мог видеть, как я его поцеловала, потому что я не целовала его. – Валя шагнула к дивану и уперлась коленками в его валик.

– Или он тебя.

– И он меня не целовал! Он хотел только!.. Эп, – она чуть присела и издали заглянула в мои глаза, – признайся честно, что ты ведь не видел поцелуя.

В запальчивости я внушил себе, что видел все подробности, но тут вспомнил, что действительно, самого-то поцелуя и не видел, и, почувствовав, что начинаю краснеть, опустил голову.

– Вот то-то! – Валя выпрямилась и даже чуть притопнула ногой. – А если ты был до конца...

– Не хватало мне быть до конца!

– И жаль! Ты бы видел, как я его треснула! С него даже шлем слетел и скатился в лужу!

Какое-то щемящее облегчение стало заполнять меня, но я, нарочно не поддаваясь ему, сказал:

– Это уже детали. Главное, существует сам Толик-Ява... Надеюсь, он-то не мираж?

– Вот с этого и надо было начинать, – проговорила Валя и, отвернувшись от меня, присела на диванный валик. – Толик-Ява не мираж. Он был и мы дружили. Почти три месяца. До вчерашнего дня. И я бы не скрыла от тебя, если бы ты спросил. Я все думала: вот-вот спросишь, а ты?.. Как будто нашел меня на необитаемом острове, одну-одинешеньку! А я жила среди людей! За мной мальчишки бегают и дерутся из-за меня!.. Толик-Яве и песку в бак насыпали, и колеса протыкали, и лупили... Я за тебя опасалась. Пронюхают, узнают – и все! Ты же драться не умеешь?

– Кто тебе сказал? – нахмурился я.

– Чувствую! – Я хотел возразить, что, мол, за тебя бы сумел, но промолчал. – Вот видишь, не умеешь!.. Да ты и сам вчера доказал. Я бы на твоем месте ему глаза выцарапала. А ты сбежал!

Да, это был колючий упрек. Правда, я сбежал не потому, что испугался драки, нет, мне просто эта мысль не пришла в голову, а если бы пришла, то не знаю, кинулся бы я или нет. Зеф, мерзавец, сорвал мне ту стычку – я бы сейчас был уже опытным! Хотя дерутся, по-моему, не ради победы, а ради драки, чтобы поддержать собственное я. Сколько я видел потасовок – все они кончались ничьей, начистят противники друг другу физиономии и разойдутся, довольные, как два победителя.

Видя мои раздумья, Валя сказала:

– Ничего, Эп, все еще впереди. – Она пересела на диван, рядом с валиком, одернула свою черную мини-юбочку и сцепила руки под коленями. – Нет у меня больше Толик-Явы, нет никого. Один ты... Вот это я и хотела тебе вчера сказать, что я теперь только твоя. Да, видишь, не успела. Говорю сейчас. Решай теперь сам.

И оба мы грустно уставились в пол, в одну, кажется, точку, так что мой взгляд, как бы отражаясь, переходил в Валин. Я понял, что случилось чудо, что меня, как замороженную лягушку, погрузили в теплую воду, и вот я оттаиваю, медленно и верно, уже чувствуя, что буду жить, но еще не пытаясь шевелиться, чтобы случайно не хрупнули переохлажденные клетки. Валя, точно уловив мое состояние, не спешила тормошить меня, а продолжала отогревать тихим голосом:

– Я специально купила Свете и Николаю билеты в кино на восемь часов, чтобы остаться одной. И они ушли. А я села у приемника и стала ждать. И услышала. Правда, шум был и треск какой-то, но услышала. И сразу хотела позвонить, но тут он забибикал под окном. Мы договаривались встретиться вечером. Ну, я ему и выложила, что, мол, все! Он, конечно, понял, что у меня кто-то появился, выпытывал, обещал выследить. Боюсь я. У него дружков полно.

Словно очнувшись, я сказал:

– У меня тоже. Авга Шулин вон свистнет – и весь Гусиный Лог будет тут как тут! – плел я святую ложь, чтобы только успокоить Валю, но, кажется, еще больше растревожил, а сам уже прикидывал возможные варианты действительной драки. Мы сейчас были с Валей как бабушка с дедушкой, обсуждающие какие-то хозяйствственные вопросы. Валя вдруг насторожилась, принююхиваясь:

– Эп, утюгом пахнет!

– А-а! – воскликнул я, бросаясь в кухню.

На левой, самой маленькой конфорке, куда я недавно ставил блестящий никелированный чайник, угрожающе-молча восседало мрачное фиолетово-пятнистое пугало. Я схватил его тряпкой и сунул под холодную струю. Чайник затрещал и с шипением пустил к потолку клубы пара и чада. Валя открыла форточку и полотенцем давай выгонять чад, как мух. Я выключил печку и замахал маминым передником, но сообразил, что проще открыть дверь на лестницу и все мигом вытянет. Распахнув дверь, я обомлел: по лестнице во главе с Шулиным, Забровским и Зефом поднималась целая ватага наших ребят, человек десять. Я выскочил на площадку.

– Ура-а, послы!

– Вот он! – обернувшись, сказал Авга. – Я говорил, что дома! Раз Меб отвечает, что «квартира Эповых, минуточку», значит, кто-то дома! А кому быть, если мать с отцом в школе!

– А вы звонили? – удивился я.

– Дважды, – сказал Васька.

– А-а! – протянул я, поняв, что их звонки были сразу после Валиных. – Не слышал!..

– Ну вот, он не слышал, а нам пришлось тащиться! Скорей пить – умираем! – простонал Забор, но приободрился, увидев выходящую с полотенцем из кухни Валю. – О, да ты не один!.. Салют! А где хлеб-соль? Полотенце есть, а где хлеб-соль?

– Хлеб у вас, – ответила Валя.

Действительно, у всех в кулаках было по равному куску хлеба, все жевали и дружно икали. Я представил им Валю, невольно оказавшуюся как в фокусе вогнутого зеркала. Она несколько раз смущенно кивнула, а Шулина радостно ухватила за рукав. Авга ухмыльнулся, видно, поняв: раз она здесь, то что-то изменилось. Зеф, приблизившись к Вале почти вплотную и заглянув ей в самые зрачки, внушительно проговорил:

– Миша! Цыган!.. Хочешь – докажу? Пожалуйста! Ты не сестра Аскольда Эпова и не соседка. Твоя фамилия Снегирева! И ты учишься в седьмой школе! Все правильно?

– Все!

– Я тебе понравился?

– Да.

Мишке закрыл глаза и повалился. Его поймали, поставили и смеялись, хлынули за Валей в кухню пить, отфыркиваясь от космического запаха перекаленno-горелого железа. Я задержал Ваську в коридоре и удивленно спросил:

– Почему вы такие веселые?

– Это на нервной почве!

– А почему вы здесь?.. Как форум?.. Где остальные ребята?.. Ничего не понимаю...

– Остальные внизу. Весь класс.

– Как? И вы?..

– И мы!.. Предки такой хай подняли, на Печкина-старшего и папу Зефа так навалились, что Анна Михайловна с Ниной Юрьевной нас попросили немножко погулять. – Васька икнул, махнул рукой и опять куснул хлеб. – Представляешь мое положение?.. Я же комсорг, надо вести политику! Вот мы и решили согласиться с учителями и дать им поговорить между собой, без нас. Ну, и наших уломал, это... как ты там, Авга, говоришь-то? – спросил он Шулина, подошедшего с кружкой воды.

– Не бзыкатъ!

– Во-во, не бзыкатъ... Слушай, Эп, ты серьезно школу бросать надумал?

– Думаешь, не останусь ли со свечным огарком? Нет, Васька, просто меня Печкин разозлил. А школу мы окончим вместе... Значит, вы возвращаетесь? – спросил я.

– Не вы, а мы! – поправил Васька, отрываясь от кружки и держа меня в пеленге своего безжалостного взгляда. – А-а, спасибо!.. И ты идешь! Заварил кашу – расхлебывай! Каждому комсомольцу – по шишке!

В дверь сунулась голова Вани Печкина.

– А дуракам дают пить? – спросил он.

– Заходи, заходи, – сказал я.

– Все мы тут дураки, – заметил Шулин.

– Верно, все мы дураки, – согласился Забор и хлопнул меня по плечу. – Давай собирайся!

– Я готов.

– Ну, пошли. Эй, орлы, айда!

– Я сейчас догоню вас, – сказал я.

Васька описал взглядом полукруг, на миг задержавшись на Вале и стремительно вышел. За ним остальные.

– Эп, а заниматься? – тревожно спросила Валя.

– Будем. Только... Ты можешь не уходить? Можешь подождать меня здесь?.. Мы быстро. Делай пока уроки. Вон учебники и в папке вот, Авга принес. Мне надо, чтобы это время ты была у нас. И у меня новость есть, приятная, – загадочно добавил я, имея в виду встречу с Амалией Викторовной, о которой мне хотелось рассказать Вале не на ходу и не просто так, а толком и, может быть, по-английски, словно сдавая ей экзамен; Валя молча закивала. – Ну, и хорошо... Буллфинч. Гуд-бай! – прошептал я, пялясь и перешагивая порог.

– Бай-бай! – тихо ответила она.

Весь марш я оглядывался на полуоткрытую дверь, в которой замерла Валя, обметая кончиком косы свои губы, потом повернулся и ринулся вниз.

г. Братск